

Джихад: террористами не рождаются

Мартин Шойбле

при участии Бритты Циолковски

Оглавление

Предисловие

1. Детство Даниель в Саарской провинции Саид в Палестинской метрополии

Даниель //

Саид //

2. Ранний кризис Даниель: хип-хоп и трагедия развода Саид: школа и бедность

Даниель //

Саид //

3. Стать взрослым Даниель и наркотики Саид и проблемы в семье

Даниель //

Саид //

4. Быть взрослым Даниель в поисках пути Саид теряет друзей

Даниель //

Саид //

5. Путь к вере Даниель находит дорогу к исламистам Саид открывает для себя мечеть

Даниель //

Саид //

6. Подготовка Даниель в «Союзе исламского джихада» Саид в «Бригадах мучеников Аль-Аксы»

Даниель //

Саид //

7. Джихад Предотвращенный теракт Даниеля Осуществленный теракт Саида

Даниель //

Саид //

8. Последствия Даниель в тюрьме Саид на плакатах

Даниель //

Саид //

Примечания

Благодарности

Предисловие

Трудно представить себе более разных людей, чем Даниель и Саид. Первый родился в маленьком немецком городке, рос в красивом доме, учился в гимназии, играл в баскетбол, слушал хип-хоп. Другой был из Наблуса, крупного города на Палестинских территориях. Он жил в одной комнате с восемью братьями и сестрами; рано бросил школу и пошел работать. У него почти не было свободного времени, а если оно появлялось, он играл в футбол. Даниеля и Саида объединяло лишь одно: оба верили в джихад.

Слово *джихад* происходит из арабского языка и переводится как «усилие». Это слово имеет много значений, но западные СМИ подразумевают под ним исключительно «священную войну». Когда мы слышим о джихаде, невольно думаем о радикальных исламистах, которые убивают во имя Бога и зачастую сами погибают при этом. Мы смотрим на них с непониманием и ужасом, забывая при этом, что представители других религий тоже вели и продолжают вести религиозные войны. Борец за веру — это не чисто исламское изобретение. С тех пор как возникла религия, люди оправдывают ею войны против так называемых неверных.

Эта книга посвящена двум основным вопросам. Что толкнуло Даниеля и Саида на путь джихада? И что это за идеи, которые смогли увлечь столь разных людей? Автор книги не считает, что действия всех борцов за веру имеют единственное объяснение. Каждый случай нужно рассматривать в отдельности.

Книга основана на беседах с людьми, которые либо лично знали одного из джихадистов, либо серьезно занимались ими. О Саиде беседовать было проще, потому что на Палестинских территориях многие почитают его как мученика. В течение многих месяцев его семья с готовностью отвечала на вопросы автора. А вот Даниель считается в Германии преступником. И его семья хранила молчание. Чтобы собрать более полную информацию, автор провел несколько месяцев в родном городе Даниеля, что в Саарской области. Кроме того, автор довольно долго жил в Наблусе, поблизости от семьи Саида. Постепенно ему удалось завоевать доверие людей, лично знавших Даниеля и Саида. Многие были готовы помочь в сборе материала и в течение многих часов отвечали на вопросы автора. Чтобы лучше представить себе поездки Даниеля, автор отправился по его следам в Египет и Иран.

Цель этой книги — рассказать о случившемся и помочь людям лучше понять проблему. Само собой разумеется, что об оправдании не может быть и речи. Но ведь для многих джихад — как черный ящик. Мы видим то, что он несет, —

теракт, — но заглянуть внутрь не можем. И автор надеется, что эта книга позволит читателям больше узнать о джихаде.

Для тех, кого интересует эта тема, в конце книги, в «Информационной части», приведен список дополнительных источников^[1]. Понятия, связанные с темой джихада, объясняются по мере их появления в тексте. Большинство имен в книге изменены в интересах безопасности.

Создание этой книги стало возможным лишь благодаря многочисленным помощникам и помощницам, которых автор называет в конце книги. При всей обширности проведенного расследования, в такого рода биографических работах, к сожалению, неизбежны неточности и пробелы. Автор будет признателен читателям за любые замечания и дополнения. www.martin-schaeuble.net

1

Детство

Даниель в Саарской провинции Саид в Палестинской метрополии

Даниель //

В выпуске вечерних новостей нет никаких подробностей. На экране рядом с диктором — фотография Даниеля и полицейских. Большинство каналов сообщает о планах Даниеля и его сообщников. В газетах его называют «террористом», арестованным в регионе Зауэрланд, между Дортмундом и Касселем. Газета «Нью-Йорк Таймс» тоже напечатала репортаж о нем. Некоторые журналисты называют его «смертником из Зауэрланда». Фотографии молодого человека на первых страницах газет видят многие из его старых знакомых. И Мелани тоже. В детстве она была лучшей подружкой Даниеля...

Однажды они вместе возвращались домой после уроков в начальной школе, Даниелю было десять лет. Мелани хорошо помнит сложный вопрос, который задал ей тогда Даниель, потому что очень уж неожиданно он прозвучал: «Если мои родители разведутся, то с кем я буду жить — с папой или с мамой?» Девочка не нашлась, что ответить. Среди ее родственников были пары, пережившие развод. Но она не знала, как в таких случаях решаются вопросы опеки. Она часто играла с Даниелем и была знакома с его родителями. От его вопроса ей стало грустно.

Кризис в отношениях между родителями Даниель переживал очень болезненно. К тому же все это случилось в очень важный для него момент. Даниелю предстоял переход из начальной школы его родного городка в гимназию в Нойнкирхене, районном центре с пятидесятитысячным населением. Там его ждали новые учителя, новые одноклассники, новые задачи. Домашняя обстановка продолжала ухудшаться месяц за месяцем. В ноябре 1996 года, через пару месяцев после того, как Даниель окончил начальную школу, его отец ушел из семьи. Мальчику было одиннадцать лет. До той поры его жизнь проходила без особых тревог. Родители поженились рано: матери было двадцать лет, отцу — двадцать два. Четыре года спустя, 9 сентября 1985 года, на свет появился Даниель.

Дитя достатка //

В 1985 году газета «Саарбрюккер цайтунг» стоила одну марку двадцать пфеннигов. Телевидение предлагало на выбор пять каналов: ARD, ЦДФ, Третий канал, французский канал и развлекательный канал «РТЛ-плюс». На новом частном телеканале показывали серию «Война банд» из только что вышедшего на экраны американского сериала «Рыцарь дорог». В газете можно было прочитать об американском президенте Рональде Рейгане и бундесканцлере Гельмуте Коле.

А также увидеть рекламу музыкальных центров с проигрывателем для грампластинок и пишущих машинок с памятью.

Первые проблемы в отношениях между родителями Даниеля возникли довольно рано. Его отец тогда учился на юридическом факультете. Кто-то из влиятельной родни настаивал на том, чтобы родители Даниеля стали зарабатывать себе на жизнь. «Без денег ты никто», — частенько говаривал он. Юриспруденцией ведь не прокормишься, учиться нужно слишком долго, пока чего-то достигнешь. Судя по всему, отец Даниеля прислушался к совету, бросил юридический факультет и выучился на банковского служащего. Это заняло меньше времени и не вызвало возражений внутри семьи. Годы спустя отец расскажет об этом Даниелю и будет убеждать сына выбрать профессию адвоката.

Отец Даниеля начал работать в филиале банка. Некоторые соседи теперь иначе как «банкир» его не называли. Мама Даниеля работала воспитательницей детсада в соседней деревушке. Она — католичка, отец Даниеля — протестант; в строго верующей семье матери это было лишним поводом к недовольству. «По воскресеньям они всегда ходят в церковь, где бы ни находились, даже в отпуске», — рассказывает знакомый семьи. «Добрая католическая семья», — говорят другие соседи. Один из родственников, священник, крестил Даниеля по римско-католическому обряду. Вначале его родители жили в маленькой квартире. В их доме насчитывалось еще два десятка семей. Дом и сегодня такой же. На окнах — белые занавески, на перилах балконов — ящики с цветами. На парковке перед домом — в основном малолитражки. Земельные участки разделены живыми изгородями и заборами. Газон коротко подстрижен. На фонарный столб наклеено объявление: пропал черный кот; просят сообщить «любые сведения». Те, кто продолжает жить здесь с восьмидесятых годов, родителей Даниеля помнят плохо. Они переехали уже вскоре после рождения сына.

Материнское воспитание //

Новым домом Даниеля стал таунхаус с собственным садом. Его мать работала на полставки. В остальное время она занималась им, а вскоре и его братиком, который появился на свет двумя годами позже. Ей помогали бабушка и дедушка по отцовской линии; они подключались, когда мать Даниеля была на работе. Они играли с детьми в таунхаусе или забирали их к себе. Отец предоставил воспитание детей своим родителям и жене. Мать готовила, играла с мальчиками на чердаке, специально перестроенном в игровую комнату для малышей. Она занималась и другими работами по дому, требующими ремесленных навыков, например соорудила в саду песочницу.

В банке, где работал отец Даниеля, о его семейной жизни знали мало. Одна из коллег, проработавшая с ним многие годы, вспоминает, что лишь однажды он принес на работу фотографии детей.

В отличие от остальных сотрудников он о своих детях ничего не рассказывал. Видимо, с его точки зрения рассказывать было нечего. «Он приносил в дом

деньги. А с детьми он обращаться не умел», — вспоминают друзья семьи. В тот период у Даниеля фактически не было возможности привязаться к отцу — и тем сильнее была его привязанность к матери. Тогдашние близкие друзья вспоминают, что мать была человеком, который «говорил руками и ногами». «Ее всегда было видно и слышно». А вот отец был человеком спокойным, молчаливым, не слишком общительным.

Вечера отец часто проводил в домашнем кабинете. Он старался как можно больше заработать, увеличить свой капитал; например, он вкладывал деньги в акции. «Он всегда говорил только о выигранных на бирже деньгах, потому что мог позволить себе не тратить эти деньги на повседневные нужды», — утверждают друзья. Во время их встреч речь часто заходила о деньгах. Однажды банк, где он работал, подвергся ограблению; позже он рассказывал друзьям, что боялся больше за костюм, чем за жизнь. Они поверили ему сразу, не задавая лишних вопросов. «Он даже когда ванну принимал, читал книги по экономике», — вспоминают они.

«Вечно ты со своими долларами!» — покрикивала на него мать Даниеля, в том числе и в присутствии посторонних. Иногда они ссорились прилюдно: при детях, друзьях и знакомых. Но до развода было еще далеко. По рассказам знакомых, перед отпуском мать Даниеля всегда жаловалась: «О Боже, три недели отпуска!» Отец, как правило, проводил время у себя в кабинете, а она стригла лужайку, занималась домашним хозяйством и забирала мальчиков из детского сада.

Одиночество в детском саду //

День в детском саду начинался в семь тридцать утра со свободных игр. Дети завтракали за столиками на четверых, причем каждый сам решал, когда и как долго он будет есть. На светлых сервировочных подставках стояли красные пластиковые тарелки, белая стена была увешана детскими рисунками. После завтрака Даниель часто что-то строил из конструктора. Он играл в «Лего», в машинки, в пластмассовых животных, строил города и дороги («Как и большинство мальчишек», — вспоминает воспитательница). Единственное отличие было в том, что Даниель предпочитал играть один. «Даниель любил играть в одиночестве. Некоторые дети сразу же начинают искать друзей. Он был не таким. Он был замкнут и сдержан. Друзья не слишком были ему нужны», — говорит педагог. Особенно это бросалось в глаза после половины одиннадцатого утра, когда заканчивалось время самостоятельных игр. Дети и воспитательница рассаживались на стульях в кружок. Дети пели «Поезд, поезд, поезд, едет поезд» и выбирали, кто отправится в поездку. Даниель был среди тех немногих, кто не принимал участия в совместных играх. «Он был серьезным ребенком», — говорит воспитательница. Пьесу «Птичья свадьба» дети играли в костюмах: надевали разноцветные бумажные крылья и маски, украшенные перьями. Малыши получали большое удовольствие; они много репетировали, чтобы показать спектакль родителям. Даниель не принимал участия в представлении; он был единственным, кто сидел на своем стульчике без костюма. Во время карнавала он, в отличие от большинства детей, никогда не наряжался в костюм. «Ему не хотелось. А мы никого не заставляли. Ничего страшного в этом нет», — уверяет педагог.

Даниель был не таким, как все, но такие случаи не редкость. Воспитательница вспоминает, что у нее в группах всегда были дети, которые предпочитали оставаться в одиночестве. Даниель вел себя иначе лишь на прогулках и по четвергам, во время занятий в спортзале. Тогда он принимал участие во всем, играл с другими детьми, знакомился с мальчишками. На площадке для прогулок установлена шведская стенка с толстыми канатами, чтобы дети могли как следует порезвиться. Здесь ребята играли почти каждый день. Среди воспитанников двое были из мусульманских семей.

На обед они ели свинину вместе с остальными детьми, и это никого не смущало, включая их родителей. Со временем, когда в сад стали водить все больше детей из мусульманских семей, в детском учреждении приспособились к новой ситуации и стали учитывать мусульманские правила.

На общей фотографии дети стоят и сидят под деревом рядом друг с другом. Лужайка полностью покрыта желтой листвой. Один из мальчиков на этой фотографии стал машинистом, другой — налоговым служащим. Одна девочка стала фельдшером. Другая, которая на фотографии сидит рядом с Даниелем, работает медсестрой. Она его не помнит. Рассказывая о времени, проведенном в детском саду, люди обычно вспоминают о лучших друзьях и заклятых врагах. Одиночки не запоминаются.

Начальная школа и собственный дом //

Когда Даниелю пришла пора идти в школу, его родители снова переехали. Они продали таунхаус с садиком и приобрели в соседнем городке коттедж общей площадью более двухсот квадратных метров. В этом квартале много домов с красивыми приусадебными участками и зимними садами. На обочине припаркованы дорогие машины среднего класса. «Там живут новоприбывшие», — говорят жители соседних районов. В городке около десяти тысяч жителей. До Саарбрюккена — несколько минут езды по автостраде.

У обоих детей там было по собственной комнате и общая игровая. Один из друзей Даниеля вспоминает дорогую игрушечную железную дорогу, огромное количество игрушек, заполнявших комнату, и матрас, на котором можно было прыгать. Другим Даниеля казалось, что он получал всё, что ни попросит. Но мать позволяла ему далеко не всё. Иногда она била его, раздавала оплеухи. Так будет продолжаться довольно долго. Но однажды — Даниелю было тогда тринадцать — он остановит ее руку.

По всей видимости, отец и в период начальной школы не особо занимался воспитанием детей. Это касалось и религии. По воскресеньям мать ходила с детьми на католическую службу. Кроме того, они молились перед едой и перед сном. Какое-то время маленький Даниель даже прислуживал алтарником. А по окончании начальной школы он принял первое причастие. Наряженный в черный костюм, он участвовал в этом торжестве вместе с другими мальчиками и девочками из своего прихода.

«Господи, помоги нам, причастникам, и в будущем жить всегда по Твоей воле и укрепляться в вере» — так звучала одна из просьб. К алтарю было прислонено большое деревянное колесо, обитое железом. На толстых спицах были написаны имена детей. После «Отче наш» и отпуска дети вместе со всем приходом запели «Шалом, шалом, шалом, шалом», что означает «мир» на иврите.

Занятия по подготовке к первому причастию священник проводил раз в неделю. Даниеля он не помнит, хотя тот и был алтарником. «Верно, он был таким милым и послушным, что не бросался в глаза», — предполагает служитель культа.

В начальной школе Даниель если и выделялся, то только с хорошей стороны. В первый школьный день на нем был свитер с треугольным вырезом, а под ним пестрая рубашка; темная челка доходила до бровей. На одной из фотографий он сидит за партой, вытянувшись в струнку: в одной руке ручка, в другой — плюшевый пингвин; на столе позади него стоит школьный рюкзак фирмы «Скаут». Одной рукой Даниель опирается на раскрытую тетрадь. На небольшой доске позади него написано: «Мой первый школьный день». На этой фотографии, как и на многих других, у Даниеля серьезный вид.

Однако со своей лучшей подругой Мелани он много смеялся. Ей запомнилось одно из его дурачеств; им было тогда лет по семь-восемь. Занятия в школе закончились, уроки были сделаны. Даниелю захотелось поиграть в полицию и перекрыть улицу. Он натянул веревку с одной стороны дороги до другой, и они стали ждать, когда подъедут машины. Водители останавливались, подыгрывали, некоторые протягивали из машины мелочь. Его подружка наблюдала за происходящим, но сама не хотела принимать участия в игре: она боялась. «Так можно нажать неприятностей», — думала она.

Начальную школу Даниель закончил с отличными оценками. Мать гордилась сыном. «Он был очень приятным, милым мальчиком», — вспоминает одна из учительниц. «Неприметный ребенок. С ним не было проблем», — отмечает другая. Позади учительского стола висела карта федеральной земли Саар. На числовой оси на стене — цифры от одного до десяти. На уроках математики ученики ходили вдоль нее взад-вперед. Мелани, учившаяся с Даниелем в одном классе, вспоминает, что он «всегда хорошо соображал». «Когда никто не мог ответить на вопрос, спрашивали его. Чаще всего он знал правильный ответ».

Она хорошо помнит их первую учительницу: «Строгая. Решительная. Если кто-то плохо себя вел, могла повысить голос. Но хороших учеников поощряла». В первом и во втором классах учительница выдавала за хорошие результаты конфеты, позже звездочки. Школьные успехи Даниеля, профессиональная деятельность его родителей, красивый дом — со стороны их жизнь казалась безупречной. Знакомые, не знавшие, что творилось за этим красивым фасадом, называли их семью «образцовой».

После уроков Даниель проводил время с Мелани. Они играли в футбол, связывали шнуром две алюминиевые банки и шептали в них послания друг другу. Смотрели по телевизору детскую викторину «Джепарди» с Франком Эльстнером в роли ведущего. Когда они были в четвертом классе, на телеэкран вышли первые серии «Кобры 11». Им нравился этот детективный сериал о героических дорожных полицейских, еженедельно вступающих в схватку с вымогателями, террористами, насильниками, ворами и прочими преступниками. Казалось, в начальной школе Даниель был больше расположен к общению, чем в детском саду. Дружба с девочкой наверняка помогла ему стать открытее и менее замкнутым. Он был «идеальным ребенком» еще и потому, что не доставлял больших проблем, слушался маму. Об этом говорят друзья семьи, часто видевшие Даниеля в период его учебы в начальной школе. «Очень предупредительный, интеллигентный,

всегда готов помочь», — так описывают они мальчика. А вот подруга Даниеля помнит его и другим. По ее словам, Даниель после перехода из начальной школы в гимназию нередко конфликтовал с матерью. Оба, и сын, и мать, могли «вспылить». Хотя, возможно, уже давал о себе знать переходный возраст.

Однажды в автобусе по дороге в новую школу Даниель познакомился с мальчиком из своего города, который тоже ходил в пятый класс гимназии. На этом автобусе в школу добирались еще два-три ученика. «Мы заключили союз, как это обычно бывает, когда вместе переходишь в новую школу», — говорит бывший одноклассник. Позже союз перерос в дружбу, которая продлилась многие годы. На некоторых предметах они сидели за одной партой, вместе хулиганили. На одном из уроков математики мальчики вместе выпрыгнули из окна. Кабинет был расположен на первом этаже — опасности никакой. Так они хотели увильнуть от проверки домашнего задания. Учитель закрыл окно, запер дверь и продолжил урок без них. Этого они не ожидали.

Трагедия развода //

В пятом, шестом и седьмом классах Даниель, по словам друга, учился средне, не так хорошо, как в начальной школе. Возможно, отчасти в этом были виноваты ссоры между отцом и матерью, которые не проходили для детей бесследно. Разрыв между родителями наметился уже в то время, когда Даниель оканчивал начальную школу. Несколько месяцев спустя — Даниелю было одиннадцать, и он учился в пятом классе гимназии — ситуация обострилась до предела. Отец ушел из дома и жил с тех пор отдельно, снимая квартиру в соседнем городке. Даниель и его брат остались с матерью. Чтобы отметить уход мужа, она пригласила друзей на бокал шампанского. Даниель все это видел. Эти люди знали его мать уже много лет и не верили, что она рада расставанию. «Она пряталась за ширмой веселости», — утверждают они.

Сложно сказать, как отразилась эта ситуация на Даниеле. С подругой по начальной школе он общался все меньше. Хотя они и ходили в одну и ту же гимназию, Даниель все больше отдалялся от нее. Он нашел новых друзей, например того мальчика из автобуса. Они слушали хип-хоп, носили одежду очень свободного покроя, подстраивали язык своего тела под любимый музыкальный стиль. Сторонние наблюдатели, к которым теперь относилась и прежняя подруга, считали, что эти мальчишки хотели быть «особенно крутыми». У них было не принято показывать свои чувства. С новыми друзьями Даниель не разговаривал о кризисе в отношениях родителей. Возможно, они замечали иногда, что он немного задумчив, но не догадывались почему. Лишь немногих допускал он в свой внутренний мир. В пятом классе классная руководительница попросила детей записать свои желания и свои проблемы. На бумажке с проблемами Даниель написал: «Родители разводятся». Дома он плакал из-за этого. Сначала пробовал молиться, но вскоре прекратил. Другим учителям он о разводе ничего не рассказывал. «Не все ученики так тяжело это переживают», — поясняет один из учителей. О разводах он узнает лишь тогда, когда возникают проблемы, например вдруг падает успеваемость. В случае с Даниелем он не заметил ничего особенного. А если бы и заметил, у него, скорее всего, не нашлось бы времени, чтобы как-то отреагировать на это. «Пятиминутной перемены между уроками зачастую хватает лишь на то, чтобы перейти из одного кабинета в другой». Даниель проводил с отцом каждые вторые выходные дни и половину

школьных каникул. В эти часы отец наверстывал все упущенное за прошедшие годы. Он уделял детям много внимания: выезжал с ними на природу, занимался с ними. Даниелю разрешалось все, что было запрещено дома, у мамы. Вместо овощей он ел на обед пиццу, разогретую в микроволновой печи. «Воскресный папа» ничего не запрещал, разрешая абсолютно всё. Это нравилось Даниелю, как, наверное, понравилось бы любому другому ребенку.

«Когда Даниель приходил в школу после выходных, он всегда казался очень счастливым», — вспоминает его друг. Отец ездил с сыновьями на расположенные в Германии американские военные базы, чтобы посмотреть на казармы и самолеты. В юности отец Даниеля подумывал о том, чтобы стать солдатом или полицейским. Даниель восторженно рассказывал друзьям о пневматическом оружии, которое купил его отец.

Несколько раз они даже ходили в стрелковый клуб. Оружие очень нравилось Даниелю — как многим мальчикам в его возрасте. Мать не принимала этого увлечения и ругала Даниеля. А может быть, ее просто раздражало, что отец позволяет Даниелю то, чего она не могла или не считала нужным позволить из педагогических соображений. В отместку она вскоре начнет давать Даниелю деньги на дорогие покупки, которые он совершал вместе с друзьями по хип-хоповской тусовке. Совершенно очевидно, что родители вели себя как соперники. В этой конкурентной борьбе матери приходилось еще и содержать большой дом. Ее новый спутник жизни зарабатывал мало. Проблем становилось всё больше.

Игрушка в руках родителей //

Вскоре родители Даниеля начали судиться. Процесс затянулся на годы, и никто не пытался оградить детей от происходящего. Они обвиняли друг друга в пристрастии к алкоголю или в недостаточной заботе о детях. Адвокаты вели тяжбу об имуществе и о родительских правах. Росло недоверие родителей друг к другу. Отец Даниеля требовал от сына, чтобы он шпионил за матерью. Даниель пошел на это: тайком искал ее сберкнижки и докладывал отцу. Мать, в свою очередь, записывала телефонные разговоры отца с сыном и прослушивала их. Видимо, Даниель был слишком юн, чтобы понять, что родители используют его в собственных целях.

Даниеля всё больше тянуло к отцу — не в последнюю очередь из-за нового мужчины матери. Он переехал к ним вскоре после ухода отца. Даниелю это не понравилось. Новый партнер матери желал участвовать в воспитании мальчика. «К нему было не подступиться. Дома он появлялся, только когда ему было что-нибудь нужно. Близкого общения не получилось. Он был очень замкнутым», — утверждает тогдашний спутник жизни матери. Даниель не признавал его новым отцом. Они ругались из-за слишком громкой музыки и чересчур дорогой одежды мальчика. Даниель вступил в переходный возраст и не был склонен к компромиссам. Он не старался избегать ссор, а порой даже нарочно искал их.

После развода здоровье отца ухудшилось, и для него это стало темой номер один. Мать между тем не справлялась с новой жизненной ситуацией и была несчастлива. Даниель чувствовал это, хотя сам остро нуждался в поддержке. Постепенно он стал опорой для матери, а однажды даже спас ей жизнь. Как-то раз, уже после развода — Даниелю было тогда лет одиннадцать-двенадцать, — он увидел мать, неподвижно лежащую на диване.

Она ни на что не реагировала; на столике у дивана лежала открытая упаковка таблеток. Придя в себя, мать тут же выпила еще несколько таблеток. Даниель бросился за помощью к знакомым. Они вызвали врача, и тот позвонил в скорую помощь. Приехала и полиция. Мать выжила. Спустя годы об этом ключевом переживании детства Даниеля будет рассказано на открытом судебном заседании.

Он при этом будет сидеть на скамье подсудимых.

В детстве Даниелю не хотелось говорить с друзьями об этих проблемах. «По нему ничего не было заметно, он быстро справился с ситуацией», — говорит один из них. В баскетбольном клубе, где он начал заниматься, он тоже мало рассказывал о разводе родителей. Но, скорее всего, он очень сильно переживал. Сыграл свою роль и переходный возраст. Ему уже исполнилось тринадцать; как и многие в этом возрасте, он пытался понять смысл вещей, которые раньше принимал безоговорочно, не раздумывая. На какое-то время он заинтересовался буддизмом. Начал сомневаться в христианстве.

Отец часто беседовал с ним об этих вещах. У него был свой взгляд на то, как помочь сыну найти ответ на важнейшие вопросы: он подарил ему книгу Артура Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости». Одна из глав этой книги называется «Перенезы и максимы», в других можно прочитать об «эвдемонических наблюдениях». Отец посчитал, что чтение философских трудов поможет тринадцатилетнему мальчику понять мир. «Я не утверждал, я и сегодня не утверждаю, что понял эту книгу», — скажет Даниель десять лет спустя. Отцовское воспитание он назовет «деликатным».

Саид //

В мусульманском мире Саида считают героем. В квартире его родителей на стенах развешены почетные грамоты. Шейх из соседней мечети поздравил его семью. «Мы все — Саид», — произнес он на одном из памятных мероприятий уже после того, как Саид совершил теракт. Этот палестинский юноша вырос в Наблусе, в четырех тысячах километров от родины Даниеля. Наблус — большой арабский город, расположенный к северу от Иерусалима, в регионе Западный берег реки Иордан. Родители Саида живут на краю Старого города. Старый город — это лабиринт переулков, внутренних двориков, мечетей, сотен магазинчиков и квартир. Палестинец, как и Даниель, появился на свет в 1985 году (Саид — в феврале, немец — в сентябре). Кроме года рождения и пола у них не было ничего общего. По крайней мере, тогда...

Винтовкой служил кусок дерева. Большого для игры детям не требовалось. Один был израильским солдатом, другой — палестинцем. Саид и его друг Рами попеременно были то тем, то другим. Израильянин стрелял из винтовки, палестинец кидал камни. Других правил в игре не было. Они играли в то, что видели в раннем детстве. В 1987 году в таких городах, как Наблус, население вышло на улицы, чтобы выразить свой протест против израильской оккупации. События тех лет называют Первой *интифадой*; это арабское слово означает «избавление». При этом имеется в виду восстание палестинцев против израильтян.

Мирные протесты быстро переросли в вооруженные. Кадры тех событий обошли весь мир. На экранах телевизоров то и дело показывали израильских

солдат и палестинцев, бросающих в них камни. На улице перед домом Саида горели шины, в небо поднимались черные облака дыма. Некоторые палестинцы перегораживали дороги и перекрестки металлическими прутьями и булыжником и укрывались за этими сооружениями. Но баррикады не могли остановить израильских солдат. Горящие шины они перекидывали через заборы соседних домов; так они оказались и во дворе дома, где жила семья Саида.

Родители Саида познакомились в более мирные времена. До Первой интифады можно было свободно передвигаться по стране, в том числе совершать поездки в Израиль. Тогда у палестинцев практически не было политических прав (например права на свободные выборы), но в экономическом отношении некоторым жилось лучше, чем сейчас. До восстания многие палестинцы работали в Израиле. Там они зарабатывали больше денег, и израильские работодатели тоже не оставались в проигрыше. Палестинцы работали на фабриках, стройках, в сельском хозяйстве, соглашаясь на такую работу, которую не хотели делать израильтяне.

Отец Саида выполнял ремесленные работы в различных израильских городах. В других арабских государствах палестинцы тоже считались дешевой рабочей силой. Отец Саида пять лет проработал лакировщиком в Кувейте. Вообще-то после школы он выучился на специалиста по монтажу солнечных батарей. Он часто получал заказы на их установку от различных фирм: на такие услуги был большой спрос. С помощью солнечных коллекторов нагревается вода в черных баках, установленных на плоских крышах. Когда нет солнца, приходится принимать холодный душ. Только обеспеченные люди могут позволить себе нагревать воду на газу. Почти на всех крышах установлены солнечные батареи, которые в долгосрочной перспективе оказываются намного дешевле газа.

Мать Саида — домохозяйка. Она была совсем юной, когда познакомилась со своим будущим мужем, как и сегодня принято в семьях с традиционным укладом жизни. На момент знакомства ей было четырнадцать, ему — двадцать два. Впервые увидев его в день помолвки, она не захотела принять его в качестве жениха. Но отец настоял на своем, и через год сыграли свадьбу. После помолвки она должна была бросить школу, потому что родные считали дальнейшую учебу в школе необязательной для будущей домохозяйки. В то время так думали во многих семьях.

До свадьбы она ни разу не разговаривала с будущим мужем наедине. Во время их встреч в комнате всегда присутствовали родители. Ни в коем случае нельзя было допустить близости жениха и невесты до свадьбы: девушка должна выйти замуж девственницей. На свадебное торжество пригласили четыреста гостей. Свадьбы принято отмечать с большим размахом — не важно, богаты или бедны вступающие в брак. Зачастую мужчины и женщины празднуют отдельно друг от друга, и лишь молодые остаются вместе. Так было и на свадьбе родителей Саида.

Из Наблуса в Иорданию и обратно //

После свадьбы пошли дети, и на сегодняшний день их уже девять. В шестнадцать лет у молодой женщины родился первый сын, потом еще один, а 17 февраля 1985 года — третий, Саид. Он появился на свет во время *фаджра*. Это слово означает «рассвет»: так называется ежедневная предрассветная молитва. В роддоме женщины лежали в четырехместных предродовых палатах. В

родильном зале с бирюзовыми стенами стояли два родильных кресла, отделенные друг от друга занавесками. Краска на больничных стенах облупилась, из крана текла ржавая вода. Спустя годы в здании сделают капитальный ремонт, что станет возможным лишь благодаря помощи международных организаций. Государственная казна опустела, и без финансовой помощи других стран не обойтись.

Когда Саиду исполнился год, он отправился в свое первое большое путешествие. Семья переехала в соседнюю страну, Иорданию. Отцу там предложили работу, от которой он не хотел отказываться. Он мог получать там примерно четыреста евро в месяц (в пересчете на европейскую валюту) — очень хороший заработок по тем временам. Но как только они приехали в Иорданию, все их планы перечеркнула местная бюрократия. Правительство Иордании не хотело принимать мигрантов. Им не разрешили остаться на длительный срок, и уже через год семье пришлось вернуться в Наблус. Отныне иорданские телеканалы, которые они могли принимать дома, постоянно напоминали им об их благополучной жизни в соседней стране. Собственных телепрограмм у палестинцев в то время не было. Но говорили они с иорданцами на одном языке — арабском. Даже их диалекты очень схожи. Варианты арабского языка, на которых говорят в разных регионах, сильно разнятся между собой. Алжирцев и марокканцев палестинцы понимают с трудом, а с иорданцами или ливанцами проблем у них не возникает. Правда, на телевидении пользуются межрегиональным вариантом арабского языка, который понятен всем.

Когда семья вернулась в Наблус, Саид пошел в детский сад, расположенный в нескольких метрах от мечети. Сегодня в одной из комнат детсада перед телевизором и видеоманитофоном расставлены маленькие стульчики, в углу стоит большая коробка с окошком и занавесками — для игры в кукольный театр. Еще через две комнаты стоит маленький розовый пластмассовый столик с зеркалом. «Уголок для нанесения макияжа», — поясняет один из сотрудников. — Чтобы девочки учились «наводить красоту». На семейные праздники многие из них приходят с накрашенными губами и тенями на веках, а мальчики надевают костюмы и галстуки. Дети рано начинают придерживаться правил взрослого мира.

Игра в мучеников //

Мальчики из группы Саида придумали игру в духе Первой интифады, которая всю бушевала на улицах. В переводе ее название звучит как «Мученик — Божий любимец». Один из детей притворялся мертвым и неподвижно лежал на полу. Другие мальчики поднимали его, чуть встряхивали и проносили по комнате, время от времени выкрикивая: «Мученик — Божий любимец». Малыши подсмотрели этот ритуал у взрослых: жертв уличных боев провожали в последний путь множество людей. Нередко отцы брали на похороны сыновей.

Что творилось в душах детей, воспитателям рассказывали их рисунки. «На большинстве рисунков было изображено оружие, израильские военные самолеты или швыряющие камни палестинцы», — рассказывает один из сотрудников детского сада. Уличные события находили отражение в ярких красках детских рисунков. Играя на улице, дети видели израильских солдат или вооруженных камнями палестинцев. Оставаясь дома, дети, возможно, слышали, что говорят о происходящем родители или старшие братья и сестры, видели новости по телевизору.

В семье Саида Интифада была темой номер один, потому что она влияла на все сферы жизни. Израильская армия установила контрольно-пропускные пункты, осложнив палестинцам участие в протестах. Но КПП между городами блокировали и путь на работу. Они ограничивали возможность передвижения. Каким бы ни было отношение конкретного человека к протестам против израильского правительства —; приветствовал ли он их или отвергал, — последствия затрагивали всех. Отец Саида, например, рассказывает, что в то время он не принимал участия в демонстрациях, потому что не хотел подвергать опасности детей. Но от последствий Интифады страдали и те, кто не участвовал в протестах и уличных боях.

К этому добавлялось беспокойство за судьбу знакомых и родственников, участвовавших в беспорядках и подвергавших себя риску наказания. Кто-то провел в израильских тюрьмах месяцы, кто-то — годы. В районе, где жила семья Саида, тоже были арестованные. Рано или поздно ребенок должен был узнать об этом. Ведь с точки зрения палестинцев арестованные были героями, о них говорили. Однако самого большого внимания удостоиваются не живые, а погибшие в бою — мученики.

Через какое-то время Саид перестал ходить в детский сад. Он чувствовал себя там неуютно, ему там не нравилось. Возможно, он был еще не готов к садику, как это иногда бывает. Его отец и так за него боялся. Он хотел, чтобы дети сидели дома, пока на улице сохраняется столь опасная обстановка. Здесь они были ограждены от враждебного внешнего мира. Поэтому раннее детство Саида прошло в тесных рамках квартиры. К ней прилегает внутренний дворик, огороженный высокими стенами, за которыми не видно улицы.

В тесноте с братьями и сестрами //

Дети жили в одной комнате с родителями. Ситуация не изменится и позже, когда на свет появятся другие братья и сестры Саида. На полу лежат матрасы, посередине комнаты стоит большая двуспальная кровать. Отсюда можно попасть в гостиную, из нее — в маленькую кухню, в ванную, к выходу и к спальне бабушки с дедушкой, родителей отца Саида. Жилищная ситуация изменится, лишь когда Саиду исполнится лет шесть-семь.

Жители центра города зачастую живут еще стесненнее: комнаты еще меньше, коридоры узкие, потолки — низкие. Далеко не у всех есть и внутренний дворик, как перед квартирой Саида. Там растет одно апельсиновое и два лимонных дерева; с металлической решетки, закрывающей больше половины маленького дворика, свисают гроздья черного и зеленого винограда. Виноградные листья создают спасительную тень. В дворике стоят ведра с землей, в которых отец Саида выращивает розы. По асфальтовому покрытию внутреннего двора Саид наматывал круги на велосипеде. Велосипед был один на всех детей, как и другие немногочисленные игрушки. Для Саида велосипед был слишком велик, для его старших братьев — слишком мал.

Иногда во двор через открытые ворота забирались бродячие кошки или собаки. Здесь не встретишь собак на поводке: в исламе они считаются нечистыми животными и воспринимаются скорее как помеха. Отношение к ним соответствующее; дети часто кидают в них камни. Кошки залезают в переполненные помойные баки на окраинах города и в поисках остатков пищи

когтями разрывают пластиковые пакеты. Ночью в город приходят собаки, стаями бродят вокруг помоек.

Мать следит за тем, чтобы малыши играли только во внутреннем дворике, а не на улице. Она строга с ними, может повыситься голос. Она учит детей помогать друг другу. Старшие заботятся о младших; ученик начальной школы смотрит за сестричкой, которая ходит в детский сад. Иногда, когда приходят гости, дети накрывают на стол, подают кофе или чай. Девочки помогают по хозяйству, мальчики — отцу в работе. Они ходят за покупками, когда в доме чего-то не хватает, по просьбе отца приносят ему зажигалку. Дети составляют часть взрослого мира; не был исключением и Саид. На Палестинских территориях так воспитываются многие дети.

Отец тоже мог проявить строгость. Хотя, по его воспоминаниям, Саид всегда был послушным мальчиком. А его братья были совсем другими. Саид никогда не проявлял непослушания, стоило отцу громко произнести «Халас!» («Хватит!»). Отец уверяет, что никогда не бил детей. Но Рами, друг Саида, как-то раз признался, что дома Саида били, в том числе и палкой. Правда, впоследствии Рами отказался от своих слов и не хотел разговаривать на эту тему. После смерти Саида и другу, и отцу тяжело вспоминать об этом.

Однако отец помнит, как однажды утром он сильно накричал на Саида. Отец злился не из-за провинности Саида, а из-за непослушания его братьев. Тех не было дома, а Саид как раз попался под руку. Отец хотел дать выход гневу — и Саиду досталось за всех. Сегодня отец признается, что это было большой ошибкой. «Саид спокойно выслушал и понял меня. Но я все равно сожалею о своем поступке». Когда Саид подрос и пошел в школу, он начал избегать отца. По крайней мере, по воспоминаниям Рами, у Саида с отцом были не самые лучшие отношения.

В школе денег не зарабатываешь //

Начальная школа Саида расположена в пяти минутах ходьбы от родительского дома. Высокие толстые стены без окон делают здание похожим на старую крепость. В холле висят рисунки учеников. Сюжеты во многом те же, что и на рисунках в детском саду. Одна из учениц нарисовала значимый для мусульман Купол Скалы в Иерусалиме, охваченный ярким пламенем. Справа развевается палестинский флаг, слева — израильский. Зеленый израильский танк нацелен на палестинцев, со стороны которых в танк летит камень.

При входе в школу висит старинная картина в раме, на которой изображен мужчина с темной бородой, в островерхом шлеме и рыцарских доспехах. Это Халед бин аль-Валид, названный на картине «героем». Это арабский полководец, победивший в седьмом веке превосходящую по численности византийскую армию. Согласно преданию, аль-Валид весил сто пятьдесят килограммов. «Он был так тяжел, что под ним приседал конь», — рассказывает одна из учительниц. Начальная школа, в которой учился Саид, названа именем этого исламского полководца.

Узнать хоть что-нибудь о том, как Саид учился, практически невозможно. Ему не очень нравилось в школе, вспоминают его родители; но то же самое они говорили про его отношение к детскому саду. Братьев и сестер Саида не увидишь за письмом, счетом, рисованием или учебниками. Очевидно, в случае с Саидом все складывалось похожим образом. Судя по всему, в этой семье школе не

придавали большого значения. Если отцу Саида и приходится изредка что-либо записывать, делает он это с ошибками. Друг Саида Рами не может вспомнить, чтобы они когда-нибудь разговаривали о школе. Их, как и многих детей в этом возрасте, интересовало совсем другое. Например, игры. Постепенно играть стало можно и за пределами дома: в начале девяностых годов на улицах было уже спокойнее. Израильское правительство вело переговоры с палестинскими политиками, возникла перспектива мирного урегулирования конфликта. Рами и Саид все чаще вместе играли на улице. Из валявшегося повсюду мусора они мастерили игрушки. Например, они сделали метательный диск. Они топтали банку от кока-колы, пока она не превратилась в плоский кусок металла. Диск, словно фрисби, летал между ними.

Но чаще всего они играли в футбол. Полем служила небольшая площадь в центре города, а границы ворот обозначались четырьмя камнями. Вместе с ними играли и другие соседские мальчишки. Когда Саид спускался вниз по холму вдоль стены напротив родительского дома, он проходил мимо кладбища. Оно было в двух минутах ходьбы от его квартиры. Некоторые дети играли там, прячась между могилами. Убежищем для них служили каменные памятники мученикам, погибшим в боях. Когда Саид был ребенком, таких памятников было еще немного.

В теплое время года они гуляли и в небольшом парке на окраине Старого города, неподалеку от квартиры Саида. Там они мастерили воздушных змеев. Лучше всего было их запускать на склонах холмов в окрестностях Наблуса, где самый сильный ветер. Город расположен в долине и окружен горами. На одной из гор живут самаритяне; к ним из Наблуса ведет улица, круто поднимающаяся по склону. Они считаются религиозным меньшинством, у которого много общего с иудаизмом. Отношения между самаритянами и палестинцами хорошие. Иногда Саид с друзьями поднимался на вершину горы и наслаждался открывающимся оттуда видом.

Саид в роли помощника по хозяйству //

Но большую часть времени дети все-таки проводили в Старом городе или неподалеку от дома Саида. Иногда они наведывались за сладостями в соседний магазинчик, по размеру не больше одноместного гаража. Магазинчик существует по сей день. Нижние полки и пол уставлены упаковками с порошком для приготовления лимонада-шипучки, ванильными вафлями, шоколадными батончиками, печеньем, пакетиками с солеными орешками. Наверху шкафы забиты до потолка хозяйственными товарами; здесь есть всё — от средств для мытья посуды до лампочек накаливания. Сюда мать отправляла Саида за покупками, когда дома чего-то не оказывалось.

Никто столько не помогал матери по хозяйству, как Саид. Он делал это еще с начальной школы. Он скреб полы, подметал комнаты и мыл посуду. В промежутках смотрел свой любимый мультфильм «Том и Джерри». Саид помогал даже друзьям семьи. Когда у одной из подруг матери сломалась стиральная машина, Саид захотел ее починить. Наладить машину не удалось, но его считали вполне способным на это. Он заботился о младших детях, о своих братьях, Ясире и Сакарии, о сестре Хане. Иногда даже готовил несложную еду. Это постоянно вызывало насмешки, потому что работа по дому и забота о детях считаются в Наблусе исключительно женскими занятиями. Некоторые называли его «Саида»,

используя женскую форму его имени. Иногда отец расстраивался из-за этого. А мать радовалась помощи по хозяйству. И Саид продолжал ей помогать.

2

Ранний кризис

Даниель: хип-хоп и трагедия развода

Саид: школа и бедность

Даниель //

У обеих женщин волосы до плеч, на них трусики «танга», черные в красный горошек, и бюстгалтеры с таким же рисунком. Между ними — в белой меховой куртке, таких же белых шляпе и кроссовках — сидит рэпер и музыкальный продюсер Жермен Дюпри. Надпись на фотографии гласит: «The Sex Issue. Thought you knew it all? Guess again!!! See page 92»^[2]. Это обложка американского журнала The Source за февраль 2002 года. Даниель был постоянным читателем этого издания, посвященного «хип-хопу, музыке и политике».

Среди друзей Даниеля выпуск с Жерменом Дюпри на обложке ходил по рукам. Большинству мальчишек из его баскетбольного клуба очень нравился хип-хоп. Было интересно обсуждать тексты и фотографии из The Source. Тогдашний лучший друг Даниеля оплатил журнал кредитной картой своих родителей. Журнал не продавался ни в супермаркете, ни в магазине канцтоваров провинциального саарского городка. Купить его в Саарбрюккене, до которого было несколько минут езды на электричке, они тоже не смогли.

Авторы журнала представляют новые альбомы, фильмы и книги, берут интервью у звезд. Они рассказывают о конфликтах в Африке, на Ближнем Востоке, а время от времени и о перестрелках в среде фанатов хип-хопа. «Пиф! Паф!» — так озаглавлена одна из статей на эту тему, опубликованная в журнале в то время, когда Даниель был его постоянным читателем. Далее следуют подробности: кто на кого и из-за чего напал. Не обходится и без броских заголовков о перипетиях личной жизни певиц и певцов. Важное место отводится моде, в том числе указываются цены фирм-производителей. Очевидно, что у читателей журнала есть деньги; в отделе маркетинга такого рода изданий они именуются «платежеспособной целевой группой». В некоторых номерах рекламы больше, чем редакционных статей. Вот, к примеру, как выглядел один из выпусков того времени: обложка, затем несколько страниц рекламы. Спортсмен-бейсболист рекламирует кроссовки; изможденные фотомодели — джинсы; баскетболист Стив Фрэнсис — спортивный телеканал; на других рекламных страницах — солнечные очки, кроссовки, дезодоранты, телепередача о боксе, снова кроссовки. Где-то между рекламой — страница с содержанием номера, две страницы о моде и две — о новом альбоме.

Гетто на компакт-диске //

Возможность высказаться на страницах журнала получают все звезды хип-хопа вне зависимости от того, какое стилевое направление они представляют: далекие от политики развлекательные группы, авторы религиозных текстов, борющиеся против дискриминации темнокожие рэперы, борцы с наркоманией и насилием. А также хип-хоперы, рассказывающие о жизни уличных гангстеров («гангста-рэперы»). Гангста-рэп долгое время был любимым стилем в компании

Даниеля, в его *crew*^[3], как это называли бы в своих песнях рэперы. Впрочем, в жизни Даниеля не было какого-то одного, **того самого** направления хип-хопа, как позже не было какого-то одного, **того самого** варианта мусульманства.

У одного из тогдашних его товарищей до сих пор хранятся записи песен. Речь в них идет о бандитских разборках, наркотиках, тяжелой жизни в Бронксе, о деньгах. Воспеваются правила улицы: тот, кто испытывает угрызения совести, кто сомневается, кто соблюдает законы, тот обречен. Большое значение придается уважению. Честь, *fame*^[4] — превыше всего. Много значит мнение *братьев* из *gang*^[5] своего района. Между бандами происходят сражения, например *drive-by shootings* — стрельба из движущихся автомобилей. Главные враги в песнях гангста-рэпа — это *копы*, «полицейские». Для многих фанатов хип-хопа эта музыка — вымысел, нечто похожее на воображаемые миры в компьютерной игре. Однако Даниель понимал все это всерьез и буквально.

Язык рэперов похож на код: он основан на использовании метафор и слов с двойным значением. Знание этого языка помогает отгородиться от непосвященных. Чтобы понимать тексты песен, Даниелю пришлось овладеть новой лексикой, выучить новый язык. *Beef* означает здесь крупную ссору. *To get bagged* — так говорят о тех, кого арестовала полиция. *Bling-bling* — это длинные и тяжелые серебряные цепочки, надеваемые поверх свитера, а также прочие украшения. К противнику обращаются *pussy*. *Cheese* — одно из многочисленных названий денег. Для того чтобы всем демонстрировать свою материальную состоятельность, некоторые рэперы закрепляют на передних, самых видных зубах драгоценные украшения; называется это *grill*. Когда Даниель начал увлекаться хип-хопом (в конце девяностых, на рубеже тысячелетий), ему хотелось походить на звезд этого направления. Как и остальные ребята из его компании, он носил *baggy pants*^[6] и подходящие к ним свитера и футболки до колен. У поющих кумиров были еще татуировки на коже и накачанные мускулы — но в этом им никто из товарищей Даниеля не подражал. Звезды носили цепочки толщиной в палец, широкие кольца и солнечные очки, которые не снимали даже в полутемных помещениях. А вот на женщинах, фигурировавших в музыкальных клипах, на обложках компакт-дисков и в журналах типа *The Source*, не было надето практически ничего.

Звезды хип-хопа — это *big* («круто»). Приобрести частичку их величия можно в *stores*, или специальных магазинах. Одежда всемирно известных марок, интересовавших Даниеля, — *Phat Farm*, *Pelle Pelle*, *Ecko* — в то время продавалась в одном из крупных магазинов Саарбрюккена. Можно было купить и браслеты с надписью «*WWJD*». Это аббревиатура фразы «*What would Jesus do?*», но в среде поклонников хип-хопа она охотно трактуется как «*What would Jordan do?*»^[7]. Имеется в виду Майкл Джордан, легенда баскетбола. Но «закупаться тряпками» в Саарбрюккене было, по словам одного из тогдашних друзей Даниеля, «полным отстоем». Ни в коем случае нельзя было делать покупки в том же месте, что и одноклассники. «Этого просто нельзя делать».

За «правильными» покупками они ездили во Франкфурт-на-Майне. Один из друзей Даниеля ради этого обманывал родителей. Говорил, что ездит с друзьями кататься на роликах в Саарлуис, за тридцать километров от дома. Однажды они опоздали на поезд. Следующий поезд из Франкфурта в Саарбрюккен отправлялся

только вечером. Отец друга забеспокоился. Он хотел забрать их из Саарлуиса на машине. Обман мог раскрыться. Но они сумели убедить его не приезжать.

Выглядеть как великие //

За покупками они ездили по субботам. Поездка начиналась на городском железнодорожном вокзале. Там они покупали льготный групповой билет выходного дня — одного билета было достаточно на всех. В зависимости от расписания им приходилось добираться с одной, двумя или тремя пересадками, так что дорога до гессенского мегаполиса занимала чуть больше трех часов. Затем две остановки на городской электричке до станции Хауптвахе, и они были у цели. В галерее «Цайль» продавалось все, что нужно. В Сааре таких торговых центров не было.

Узкий, вытянутый внутренний двор, семь этажей в высоту, два стеклянных лифта посередине, дополнительные лифты по бокам, эскалаторы в центре. Покупатели проходят мимо примерно пятидесяти магазинов, поднимаясь по спирали с первого этажа к террасе на крыше. Здесь можно купить все — от пряжки для пояса в форме патронной гильзы до плюшевого медведя в натуральную величину. Внутренний двор перекрыт стеклянной крышей; стальные несущие конструкции у всех на виду. Подобно широким серебряным цепочкам и золотым кольцам на поклонниках хип-хопа, всё это — лишь видимость богатства: едва только торговый центр открылся, как строительная фирма объявила о банкротстве. Кроме того, за годы работы магазина разорились владельцы нескольких бутиков. У помещения, где раньше был один из любимых Даниелем магазинов одежды и аксессуаров в стиле хип-хоп (на четвертом и пятом этажах), сменился арендатор. Другой магазин сегодня ориентируется на более широкую публику. Здесь продают не только предметы и одежду для фанатов хип-хопа, но и, например, футболки с надписью «CIA» и расшифровкой «Cannabis Inhalers Association»^[8]. Продавщица с готовностью отвечает на расспросы, указывая в разные стороны: товары «для парней» — в том углу, «для женщин» — там.

В одном из магазинов, которого раньше здесь не было, одежда развешена без ценников. Деньги роли не играют. Сколько стоят брюки? «Думаю, в районе пятидесяти девяти евро, но я могу проверить на кассе», — откликается девушка-консультант. Ее коллега-кассир раскачивается в такт музыкальным басам, а на прощание хлопает рукой по ладони покупателя. «Give me five»^[9]. Здесь все свои. Мальчишкам с большими пакетами — лет по четырнадцать-шестнадцать. Столько же, сколько было тогда Даниелю и его друзьям.

Одежда для мальчиков в этом магазине в основном больших размеров: XL, XXL и 3XL. Чем больше, тем лучше. И только фирменный товар. Даниелю и его помешанным на хип-хопе друзьям магазин наверняка бы понравился. Здесь продаются бренды, которые они любили больше всего. «Всякий ширпотреб — это там», — говорит продавец и машет рукой в сторону соседнего магазина. «Ширпотреб» означает дешевый товар неизвестных марок. Это не для Даниеля и его crew. Всё в этом храме торговли — магазины, продавцы, покупатели, ассортимент — излучало аромат большого города. Сквозь одну целиком застекленную стену торгового центра «Цайль» открывается панорама города. Над высокими крышами и церковью святой Екатерины виднеется фасад небоскреба из стекла и металла — здание Коммерцбанка. Шестьдесят пять этажей; отсутствует общедоступная смотровая площадка (банкиры предпочитают оставаться в своем

кругу). Отец Даниеля долгое время проработал в этом банке, но не во Франкфурте, а в одном из филиалов в Сааре.

Вряд ли банковский клерк разговаривал со своим сыном о том, что делалось во Франкфурте. Фирма-застройщик, возводившая торговый центр «Цайль», в свое время предоставила кредитному учреждению фальсифицированный проект застройки. Были выдуманы арендаторы, якобы заинтересованные в существовании центра. И были удвоены размеры торговых площадей — но только на бумаге. После этого банк предоставил миллионные кредиты. В итоге денег не хватило даже на оплату труда рабочих.

Вскоре Даниелю и его друзьям было уже недостаточно большого города, торгового центра «Цайль» и других магазинов. Им хотелось всё больше приключений, больше модных вещей, больше брендов. Они начали ездить в Штутгарт, хоть этот город совершенно не похож на полный опасностей мегаполис. Многим гангста-рэперам больше нравятся Франкфурт и Берлин. Штутгарт же известен своими фестивалями, студиями звукозаписи, клубами, такими группами, как Die Fantastischen Vier и Massive Tone, а также хорошими возможностями для шопинга. Именно последнее привлекало ребят из компании Даниеля. Магазины расположены в окрестностях Кёниг-штрассе, центральной торговой улицы. По субботам сюда наезжают молодые люди из близлежащих деревень и городов, а вечером они с полными сумками едут в переполненных электричках домой. Даниель был одним из них.

В семь утра он встречался с друзьями на вокзале в Сааре. До Штутгарта они доезжали за пять часов. Центральный вокзал расположен в самом начале торговой улицы, протянувшейся более чем на километр. В переулках, примыкающих к концу этой улицы, располагаются любимые магазины Даниеля. В витринах — обувь от пятидесяти до ста сорока евро за пару. Товары со скидкой разложены на белых передвижных стеллажах при входе в магазин. На полную мощь гремит музыка. У занавешенной кабинки стоит мальчик в наушниках, ожидая выхода друга.

Субботы во Франкфурте или Штутгарте стоили денег. Бывало, что расходы составляли до двухсот евро на человека, вспоминает один из товарищей Даниеля. Даниель откладывал деньги, которые давали ему мать и бабушка с дедушкой. Новый мужчина его матери хорошо помнит тогдашние наряды Даниеля. Для него, как и для большинства взрослых, *baggy pants* были всего лишь «нелепыми болтающимися штанами». У него по-прежнему не складывались отношения с Даниелем, они мало общались. И не только из-за различий во взглядах на жизнь.

Всё время на улице, в хип-хоповской тусовке //

Даниель практически перестал бывать дома, он «любил тусоваться» (по словам одного друга), «не сидел дома» (по словам другого). «Он приходил домой, делал уроки, а потом уходил. Большую часть времени где-то пропадал», — говорит бывший мужчина его матери. Даниель играл в баскетбол, встречался с друзьями, гулял. Позже, когда подрос, начал ходить на популярную дискотеку, во «Флэш». По субботам в этом клубе — вечера хип-хопа, — «Hip-Hop-Saturdays». Для многих это излюбленное место досуга по выходным, по принципу: если не знаешь, куда пойти в пятницу или в субботу вечером, иди в этот клуб. В первый час после открытия вход свободный. Входная дверь неприметна, рядом со входом

на многоэтажную парковку. Многие приезжают на электричке (до станции — меньше десяти минут пешком), уже изрядно разогретые пивом «Карлсберг». Напитки в клубе стоят недешево.

В клуб приходили и американские солдаты с расположенных неподалеку военных баз. На танцполе Даниель все чаще видел своих одноклассников. Он рассказал об этом одному из друзей. («Он говорил об этом с ужасом».) Судя по всему, Даниель был не очень высокого мнения о своих одноклассниках, явно считая их недостаточно «крутыми» для такого клуба. Как следствие, он начал ходить туда все реже. Его друг рассказывает об этом так: «Когда эта дискотека вошла в моду, Даниель уже почти перестал на нее ходить».

Музыкальные вкусы в его классе были разными: от техно до хард-рока. Многие, как и Даниель, слушали хип-хоп. Всё было так же, как в других гимназиях, в других городах, других федеральных землях: так же страстно, как Даниель играл в баскетбол, другие школьники занимались бегом, плаванием, конным спортом, играли в футбол, гандбол или настольный теннис, занимались в школе танцев или фитнес-клубе. Одна из девочек училась играть на скрипке, другой одноклассник — на ударных. Пищей для разговоров служили первый выпуск телесериала «Секс в большом городе», а также вышедший на киноэкраны «Властелин колец», чуть раньше — «Матрица», а позднее — «Американская история Икс». Одна из девочек подрабатывала няней; кто-то из учеников был сторонником СДПГ^[10].

С некоторыми одноклассниками у Даниеля сложились хорошие отношения. «Мы отлично понимали друг друга», — вспоминает одна из учениц. В гимназию она перешла из обычной школы. Даниель был одним из немногих, кто сразу предложил ей помощь. Другим он тоже нравился; они описывают его как человека, «который всегда был готов помочь». Но со временем отношение к нему изменилось — и не в лучшую сторону. Вскоре с ним могли по-настоящему хорошо общаться только некоторые одноклассники. А он и с ними не мог толком поладить. Возможно, Даниель считал их слишком инфантильными, а они его — воображалой. Лучший друг Даниеля выносил его манеру поведения лишь до определенного момента. «Мы были не разлей вода», — говорит он. Они встречались почти каждый день, играли в баскетбол, слушали хип-хоп, разговаривали о том о сем. С Даниелем было о чем поговорить, у него с головой было всё в порядке. Он собирался поступить на юридический, хотел стать адвокатом — как когда-то его отец. Судя по всему, именно это заставляло его хорошо учиться. По словам друзей, в восьмом, девятом, десятом классах он был «очень честолюбивым». Даже обязательную школьную практику пятнадцатилетний Даниель проходил в адвокатской конторе.

Лучший друг восхищался школьными успехами Даниеля. Он знал и родителей Даниеля; те хоть и обеспечивали сына деньгами, но моральной помощи от них не было никакой. «Они особо им не интересовались. Типа: да, ты справишься, Даниель, всё будет нормально». Несмотря на такое отношение, Даниелю «прекрасно все давалось в школе». «Он многому научился сам». Кое-кто видел, как, едучи в автобусе в школу, Даниель читает газету «Ди Цайт». Романам («он их никогда особо не любил») он предпочитал более серьезную литературу: мог почитать Конституцию или Словарь иностранных слов. Это сказывалось и на его речи: иногда он говорил высоким слогом, который сильно отличался от хип-хоповского сленга. Друзья не понимали некоторых слов из его лексикона.

Отличные оценки по политологии и истории //

Даниель учился хорошо. Больше всего его интересовали политология и история. Преподаватель этих дисциплин прекрасно помнит Даниеля. «Именно он всегда замечал спорные моменты. Я очень ценю, когда ученик знает больше, чем учитель. Он был очень начитан и на всё смотрел исключительно критически». Даниель демонстрировал свои знания и другим учителям, а также соученикам. Одноклассники вспоминают, что время от времени он цитировал Карла Маркса, но делал это чаще всего на уроках физкультуры, а не в присутствии учителя политологии, потому что тот знал, как ответить. «На уроках мы никогда не замалчиваем религиозную составляющую конфликтов», — говорит учитель политологии. Религия, по его словам, «задает систему ценностей», что зачастую является важным мотивом тех или иных политических действий. Вера влияет и на формирование системы взглядов, например на отношение к другим культурам, к существующим законам, к собственному поведению. На уроках говорили о том, каким образом радикальное понимание религии может оправдывать определенные поступки; после 11 сентября 2001 года это было особенно важной темой. В подобных дискуссиях Даниель также принимал самое активное участие.

Он был так уверен в себе, что не стеснялся выступать на публике; поэтому его попросили произнести речь на одном памятном мероприятии. После 11 сентября руководство школы решило организовать вечер памяти жертв теракта во Всемирном торговом центре. Даниель не возражал, но настаивал на том, что нужно упомянуть причины, которые, по его мнению, привели к нападению на США. Поэтому выбрали другого оратора. Даниель увидел горящие небоскребы на новостном телеканале. Как раз в тот момент у него в гостях был один из друзей. Друг вспоминает, что обычно телевизору Даниеля был выключен. На компьютере он тоже не был «помешан» и не просиживал часами перед игровой приставкой, как некоторые из его тусовки. Если по телевизору не было передачи о хип-хопе или баскетболе, Даниель смотрел новости. («Но не эту ерунду из жизни звезд и всякое такое».) В последующие недели и месяцы главной темой новостей неизменно оставалась террористическая сеть Усамы бен Ладена «Аль-Каида». Друг вспоминает реакцию Даниеля в момент, когда на экране появилось срочное сообщение о горящих башнях-близнецах: «Он был совершенно ошеломлен и потрясен». Невозможно было представить себе, что шесть лет спустя Даниель будет готовить исламистский теракт. Он не ощущал принадлежности к тому или иному вероисповеданию, католиком был лишь на бумаге, в Бога не верил. Тем более его ничто не связывало с фанатиками или радикалами, стремящимися к созданию теократического государства.

Пожалуй, единственным, что могло заинтересовать Даниеля в этих терактах, была их политическая составляющая. Группка угонщиков самолетов — против могущественного государства; дотоле неизвестная широкой публике организация — против западного мира. Что двигало этими людьми? Как возник этот конфликт? Ему было интересно понять причину, и именно об этом он хотел говорить на вечере памяти.

Таковыми же вопросами задавался и The Source, американский журнал о хип-хопе. В нем рассказывалось о «террористическом акте», о «священной войне Усамы бен Ладена против Америки», поминались «убиенные братья, сестры, матери, отцы, сыновья и дочери». Волновавший Даниеля вопрос о причине

задавался между строк: журнал писал о том, что многие американцы спрашивают себя, не связана ли с терактом, хотя бы косвенно, «наша ближневосточная политика». Речь в статье шла об израильтянах и палестинцах, об их непрекращающейся борьбе друг с другом. Неужели этот конфликт столь значителен, что провоцирует нападения и войны по всему миру?

«...Если он что-то делает, то отдается этому на сто пятьдесят процентов» //

По словам самого Даниеля, теракты «заставили его задуматься». Он продолжал искать ответы. Но не с утра до вечера. Жизнь возвращалась в свое русло. В ней снова заняли свое место тусовка, гангста-рэп и наряды. В годы увлечения хип-хопом Даниель создал себе особый имидж, практически новую идентичность (по крайней мере, так казалось окружающим). При этом он поступал как перфекционист. «Даниель такой человек, что если он что-то делает, то отдается этому на сто пятьдесят процентов», — говорит один из его товарищей тех лет, член его тусовки. На одной из старых фотографий мы видим Даниеля с желтой повязкой на лбу, надвинутой почти на самые брови. На мизинце правой руки — кольцо. На правой кисти — цепочка. Позже один из друзей выбрил ему часть волос на голове. Иногда он носил на голове платок, «дюрагу». Это выделяло его даже среди друзей: те носили бейсболки.

На фотографии, где он в желтой повязке; Даниель держит между средним, указательным и большим пальцами сигарету (или что-то еще). «Я никогда не видел Даниеля с обычной сигаретой, только с косяком», — признается один из его старых товарищей по шопингу. Другой говорит, что курил вместе с ним «Кэмел» и красные «Голуаз». В четырнадцать Даниель выкуривал по пачке в день. В какой-то момент он начал употреблять и марихуану (как, впрочем, почти все члены его тусовки).

Курить травку было так же естественно, как носить *baggy pants* и футболки размера 3XL. «Наркотиками мы не увлекаемся, только травкой», — говорит один из главных героев фильма «Непропеченный». Эту комедию члены *crew* передавали друг другу так же, как номера журнала *The Source*. Фильм посмотрели все друзья Даниеля по баскетбольному клубу. А у парней в фильме была только одна тема для разговоров: «Шмаль принесли», «Давайте кумарить», «Сейчас забьем по косяку, пока работа не началась», «Курнем дури», «Мы тогда все так обкурились».

Тусовка курила травку в городском парке. По соседству расположена начальная школа Даниеля. Сначала, как говорят его старые приятели, они курили и дома у Даниеля, в его комнате. Один из друзей вспоминает, как их однажды застукала мать Даниеля. С тех пор запрет на курение распространился на его дом, и они стали крутить косяки на улице. В то время Даниель еще не «приторговывал травкой». Но и это было не за горами. В конце «Непропеченного», комедии о курильщиках марихуаны, главный герой бросает косяк с моста в воду. Ради женщины, которая считает марихуану «наркотиком для начинающих» и хочет, чтобы он бросил курить. Ее отец — наркоделец, который сидит в тюрьме. Герой выбирает женщину и бросает марихуану. В конце фильма он обращается к зрителям со словами: «Я люблю травку, я правда ее люблю, но трахаться я люблю гораздо больше».

В гангста-рэпе Даниеля роль женщины сводится только к одному. Исполнители в этом стиле — почти исключительно мужчины, а женщины на

фотографиях, в фильмах и музыкальных клипах — лишь обнаженное приложение к ним. Не более. Если женщины упоминаются, то чаще всего вместе со словом *ho*. Это сокращение от английского *whore*, уничижительного обозначения проститутки. Зачастую женщин в песнях называют *bitch*, «шлюха». Единственным исключением является мать, вернее — собственная мать. К ней всегда относятся уважительно, как к святыне.

Эта тема возникает почти во всех фильмах, которыми в то время обменивались ребята из компании Даниеля. Какими бы мачо ни представляли герои на экране, к своим матерям они относились с должным почтением. Особенно остро ставится этот вопрос в сцене ссоры двух взрослых баскетболистов в комедии «Баскетбол — игра для черных»; у одного из приятелей Даниеля до сих пор сохранился диск с этим фильмом.

Действие в этой сцене разворачивается на баскетбольном поле. Мужчина с накачанными бицепсами, трицепсами и дельтовидными мышцами говорит своему противнику: «Наверное, мать тебя вышвырнула, когда ты был еще ребенком». В разговор вмешивается третий: «Ты слышал? Он обругал твою мамочку!» Человек, которого провоцируют (в исполнении Уэсли Снайпса), столь же крепкого телосложения, с золотой цепью на шее, отвечает: «Ты плохо отозвался о моей матери? Нет, нет, нет, о ней никто не имеет права плохо говорить. Советую тебе хорошенько подумать, прежде чем ты когда-нибудь снова решишься сказать о ней что-то плохое. Понял?»

Иначе выглядит почитание матери в одном из серьезных фильмов («Угроза обществу»); в тусовке Даниеля эта картина была культовой. Владелец супермаркета злится на двух клиентов. Один из этих молодых людей обозвал его сотрудницу и, судя по всему, спутницу жизни, «глупой шлюхой». Владелец магазина отвечает: «Твою мать можно только пожалеть». На это молодой человек достает пистолет и расстреливает мужчину и его сотрудницу. Он обворовывает торговца и пинает труп, потому что денег оказалось мало.

Мужские миры //

Даниель очень хотел подражать хип-хоперам и перенять их систему ценностей, но на его отношение к матери это стремление не распространялось. О почтении не было и речи — напротив: он все чаще ссорился с ней. Дошло до того, что в ноябре 2001 года они с братом тайно переехали к отцу. Семейная драма, связанная с разводом родителей, все еще не закончилась. Более того, переезд детей стал одним из марш-бросков в этой войне. Отец готовил его вместе с детьми, проведя несколько недель в телефонных переговорах. День за днем они понемногу переносили к нему свои вещи, так что когда пришло время совсем уйти из дома, хватило одной поездки на такси. С этого момента Даниель вместе с братом и отцом жил в мире, где хозяйничали мужчины. Присутствие женщин, в том числе и подружек, исключалось.

Это было вполне в духе его тусовки. Хип-хоп был для них мужским занятием. Один из приятелей Даниеля как-то принес послушать музыку группы Ghetto Twiinz. То были единственные исполнители-женщины, которых они слушали. Ребята предпочитали такие группы, как Mobb Deep; эта группа состоит из рэперов Хэвока и Продиджи. В их песнях рассказывается о жестокой жизни в нью-йоркских трущобах, где прошло детство исполнителей. Стиль группы Mobb Deep — хардкорный рэп. Группа претендует на то, чтобы быть ближе к реальной жизни,

чем конкуренты. Группы Западного побережья США в своих песнях часто выступают против групп Восточного побережья. Конфликт побережий, по сути, сводится к противостоянию Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Обмен ударами обычен для мира хип-хопа, это часть стиля, и в компании Даниеля об этом знали. Соперничество неотъемлемо от хип-хопа; например *dissing*, то есть унижение другого (от английского *to disrespect* — «проявлять неуважение», сокращенно *to diss*). В своих альбомах рэперы часто оскорбляют друг друга. Так, исполнитель с Западного побережья Тупак Шакур выступает в своих песнях против исполнителя Продиджи из группы Mobb Deep (в композициях «Hit Em Up» и «Against All Odds»). Продиджи защищается и в своем следующем альбоме наносит ответный удар (композиция «Drop A Gem On Em»).

Фанаты следят за подобными словесными перепалками, покупают новые альбомы, а исполнители наживаются на этом. Словесный конфликт, *battle*, может закончиться и по-другому. Тупак Шакур скончался от огнестрельного ранения, некоторых сторонников теории заговора, за этим убийством стояло правительство США или мафия. Возможно, убийство произошло на почве денег, борьбы за выгодные контракты, за влияние и власть. Но все это лишь недоказанные предположения. Ясно лишь одно: в хип-хопе борьба, *battle*, должна разворачиваться на сцене. При помощи слов, а не оружия.

Мир звезд хип-хопа вошел в жизнь подростков провинциального саарского городка. Вместо богатого квартала — Уоттс (гетто Лос-Анджелеса). Вместо просторного частного дома с двумя детскими и отдельной игровой комнатой — дома на снос и кварталы для бедных. Вместо кошек, мирно спящих прямо на асфальте, — вооруженные уличные банды. Вместо пакетов, полных продуктов, — борьба за выживание. Все это никак не стыковалось друг с другом, но, судя по всему, ребят из компании Даниеля это не смущало. Напротив — нужно было покупать новую одежду, новую музыку.

Они скачивали песни из Сети у одного из друзей Даниеля, у которого дома был самый быстрый интернет. Это было незаконно, зато бесплатно.

В тусовке Даниеля были только школьники, а одежда из Штутгарта и Франкфурта стоила немало. Сбережения быстро заканчивались. Ночи они проводили за поиском в Сети песен группы Mobb Deep (Восточное побережье), Доктора Дре (Западное побережье) и Баста Раймса (Восточное побережье), скачивали их и записывали на компакт-диски. Альберт Джонсон, Кежуан Мухита, Тревор Тахим Смит-младший, Андре Ромелль Янг — так зовут музыкантов в обычной жизни. Даниель мог купить *baggy pants*, которые они носили. Пить пепси-колу, которую рекламировал Смит-младший (Баста Раймс). Смотреть их фильмы, слушать их песни. Он даже мог изменить имя, как сделали обожаемые им легенды хип-хопа. Приняв мусульманство, он так и поступит. Вот только черным он стать не мог.

Даниель хотел быть черным //

В то время его очень волновала эта проблема. Дошло до того, что он стыдился быть белым. Даниель изучал историю Северной Америки. Изгнание и уничтожение коренного населения. Порабощение африканцев. Последующую многовековую дискриминацию. И начавшуюся затем борьбу афроамериканского населения за свои права. Очевиден его интерес к этой теме. Однако, как он сам однажды сказал, он никогда «не углублялся». Он не включался в борьбу с целью

что-то изменить. Возможно, именно это имел он в виду, говоря, что «не углублялся».

Он слышал о Мартине Лютере Кинге, который ненасильственными способами, но при этом очень решительно привлек внимание к бедственному положению чернокожих. Слышал и об агрессивных выступлениях представителя Движения за гражданские права Малкольма Икса; о «Партии черных пантер», которая вступила в борьбу после его убийства. Многое он, видимо, узнал из хип-хоповских клипов, фильмов и песен. Об избрании первого чернокожего президента США Даниель услышит в тюремной камере. Но до этого еще далеко. К тому времени хип-хоп уже перестанет его интересовать. Хип-хоповская тусовка Даниеля не имела контакта с афроамериканцами. В саарской провинции завести такие знакомства было непросто. Среди знакомых была лишь одна чернокожая гимназистка. В отличие от многих в своей тусовке, Даниель все сильнее соперничал афроамериканцам в несчастьях, которые им пришлось пережить в ходе истории.

Белого рэпера Эминема он не признавал. Его истории о белых лузерах и их гетто не импонировали Даниелю. Однажды он и еще один приятель наполнили пятилитровую канистру водой и добавили к ней красной краски. На канистру прикрепили портрет Эминема. Приятель рассказывает: «Портрет был вырван из журнала. Потом мы выстрелили в канистру из пневматического пистолета Даниеля». Похожая на кровь красная вода обрызгала портрет. Это была шутка. Для обоих фанатов хип-хопа издеваться над Эминемом было хорошим тоном. Даниель и позже оставался верным черному хип-хопу. В какой-то момент он изменил свою речь. Вероятно, он хотел походить на звезд хип-хопа и перенял их лексикон. «Hey, Nigga, Was geht, Nigga? Yo, Nigga»^[11]. Только несколько членов его тусовки поступали так же. Все они, как и Даниель, были белыми. В нью-йоркском гетто, воспетом группой Mobb Deep, у них были бы большие проблемы. Многие друзья Даниеля того периода помнят, что он все время повторял: «Сердце у меня — черное».

Саид //

Когда Саид бывал в гостях у своего друга Рами, он не мог не слушать Казема аз-Захера: Рами очень любил этого иракского певца. Фанаты называют его «Робби Уильямсом Ближнего Востока». Часто его песни на диске сопровождает целый оркестр, а названия его альбомов имеют программное звучание: «После любви», «Школа любви», «Я и Лейла». В 1999 году вышел альбом «Моя любимая и дождь» (по-арабски «*Хабибти ва-ль-Матар*»). *Хабибти*, «моя любимая», — очень популярное выражение, постоянно встречающееся в песнях — и народных, и популярных, и в прошлом, и сегодня. Воспевается любовь — утраченная, обожаемая и вновь и вновь недостижимая.

В традиционном арабском обществе, в котором рос Саид, добрачные связи запрещены. Тем сильнее их воспевают и тем больше говорят о них подростки. В этом отношении у Саида все было так же, как у других. Родители ничего не подозревали о его любви, и только два лучших друга знали о соседской девочке. Саид влюбился в нее, когда ему было лет двенадцать-тринадцать. Они никуда не ходили вместе, никогда не встречались наедине, только обменивались взглядами, улыбками. Самое большее, что между ними было, это короткий разговор через улицу. Больше ничего не происходило, но для Наблуса и это было немало. Для

мальчиков и девочек почти не существовало возможности контакта — нив школе, ни в свободное время.

В школе Саида учились исключительно мальчики; в классах было до 50 человек. От его дома до школы — десять минут пешком. Сразу за воротами, справа ученики видят настенную фреску: бирюзовая река, в которой плавают утки. На обоих берегах — по маленькому деревенскому дому, от которого по лужайке к воде ведут узкие тропинки. На заднем плане вплоть до горизонта растет густой лес. Подобных мест в Наблусе нет.

Арафат и 99 имен Аллаха в классной комнате //

В классах висят портреты Ясира Арафата; тогда он был президентом палестинцев, сегодня он для многих легенда. Рядом с неоновой лампой белыми буквами на черном фоне выписаны 99 имен Аллаха: Милостивый, Милосердный, Царь, Пречистый, Спаситель... На черной материи золотыми буквами выведено: «Аллах — свет небес и земли». На одном из плакатов мальчик в белых одеждах показывает, как совершать ритуальное омовение: сначала руки, затем лицо и ноги. Другие плакаты учат, как правильно молиться внутри помещения и вне его.

Есть еще плакаты, на которых показаны нефтедобывающие установки или латинский алфавит с английскими словами от «A — Apple» до «Z — Zebra». Начиная с 2000 года на стенах вывешиваются изображения членов «Бригад мучеников Аль-Аксы» с оружием в руках или с винтовкой М-16 наизготовку. «В память о мученической смерти» — написано на фотографиях. На более недавнем плакате, который висит над доской, изображены Купол Скалы и Найеф Абу Шарх — лидер «Бригад мучеников Аль-Аксы» и закулисный организатор теракта, который совершит Саид. Через два года после этого теракта израильские военные уничтожат Абу Шарха в подземном укрытии, забросав его гранатами.

Во внутреннем дворе школы Саида есть спортивный уголок с фотографиями немецких и бразильских футболистов. У одного из игроков длинные волосы заплетены в косичку; такую прическу мужчины в Наблусе носить не будут. Другой спортсмен стягивает с себя футболку, и виден его натренированный пресс. В палестинском городе не принято показывать живот. Женщины не могут и помыслить о таком, но и мужчины тоже так не ходят.

Не было у мальчиков и настоящего футбольного поля с газоном. Саид и его друзья выкручивались, как могли. Они играли на площадке на горе, где живет его любимый кузен. В песчаной почве там местами пробивалась трава, вокруг валялись камни, но мальчикам всё это не мешало. Площадка была плоской и, самое главное, достаточно большой. Кроме того, Старый город Наблуса, где жил Саид, был очень шумным, а сюда, наверх, почти не долетали отголоски городской суеты и дорожный шум. Слышны были только звуки ветра, завывавшего над косогором, и шум редких машин, ехавших в соседний город. В день теракта Саид проедет по этой улице, мимо футбольного поля; за рулем — человек, который должен доставить его в Иерусалим.

Саид любил бывать здесь, наверху, в тишине. Вечерами после игры они часто сидели там, пили колу, старшие курили кальян. Менее чем в пятидесяти метрах от игровой площадки росли оливковые деревья, в тени которых ребята укрывались в перерывах. Частенько у кромки поля стояли два десятка детей и подростков, которые создавали настроение, подбадривая игроков. Саид играл в нападении под номером десять. Он бегал быстро, как ассад («лев»), говорит кузен Саида. У

того был номер шесть, и он играл в защите. А вот другие говорят, что Саид был обычным игроком, не быстрее и не медленнее остальных.

«Если Саид не приходил, играть было неинтересно», — вспоминает кузен. Саид всегда всех смешил к своей манерой игры. Они играли восемь на восемь. Команды менялись через двадцать минут: желающих играть было более чем достаточно. Иногда они играли до темноты, постоянно сменяя друг друга. Так они встречались трижды в неделю месяц за месяцем. До 2000 года. С началом Второй интифады находиться на горе станет слишком опасно.

Спортивная обувь была лишь у некоторых. Мяч они купили на базаре за два евро. Некоторые копили деньги на форму, которая стоила шесть евро. Форма команды Саида — синяя футболка с белым воротничком и синие трусы. Спортивный магазин в центре города забит коробками от пола до потолка: здесь продаются скакалки со счетчиком, ракетки для настольного тенниса, баскетбольные мячи и многое другое. Магазин существует уже тридцать лет и за это время пережил несколько кризисов. Спортивные товары всегда хорошо продаются, в особенности футбольное обмундирование.

Сегодня команда Саида больше не собирается для игры. У некоторых бывших игроков — семьи, и футбол они смотрят только по телевизору. Будни взрослых идут по накатанной колее. Один игрок из команды Саида работает в фирме по производству бетона, принадлежащей его отцу, двое других держат вместе мясную лавку, еще один продает компакт-диски и кассеты в Старом городе, у другого — магазин по продаже кофе, еще один работает в магазине сладостей, а любимый кузен Саида — в городской администрации. Саид — единственный член их бывшей футбольной команды, которого в Наблусе называют «мучеником».

Со школьной скамьи — в швейную мастерскую //

Друзья часто встречались после занятий в школе; когда Саид бросил школу, он присоединился к ним после работы. Он одним из первых начал зарабатывать. В школу он не ходил уже с одиннадцати лет. Другие продолжали сидеть на занятиях с половины восьмого утра: зубрили арабский язык, математику, географию, религию и обществоведение. По версии его родителей, Саид больше не хотел ходить в школу.

«Саид не любил школу», — говорит отец. Он не знает, почему. Он говорил Саиду: «Если бросишь школу, пойдешь работать». «Ему больше нравилось работать и помогать мне по дому, чем ходить в школу», — вспоминает мать. Но его лучший друг Рами говорит: «Он бросил школу, чтобы работать и помогать семье». Он плохо учился? — «Не очень хорошо». Рами ненадолго задумывается и начинает защищать своего лучшего друга: «Я считаю, что если бы Саид был глупым, он бы не смог осуществить такую успешную операцию». Под операцией он подразумевает теракт.

После дальнейших расспросов родители называют и экономические причины. Признают, что, возможно, причиной, по которой Саид пошел работать, было финансовое положение семьи. Признаться в этом непросто. Бедность — очень распространенное явление на Палестинских территориях, но показывать ее неприлично. Для семьи Саида бедность означала, например, триста евро на ежемесячные расходы. Из этой суммы нужно было оплачивать счета за электричество и заполнение водой контейнера на крыше. А также за газ для кипячения воды и отопления зимой. Далее следовали расходы на продукты,

лекарства, одежду и все прочее, что нужно большой семье. Чтобы заключить договор медицинского страхования, денег не было. За каждый визит к врачу приходилось платить наличными. Поэтому нужно было хорошо подумать, нельзя ли обойтись без визита, просто купив лекарства в аптеке (за которые, впрочем, тоже платили из своего кармана). Чем раньше Саид и его братья начинали работать, тем больше денег оказывалось в распоряжении семьи.

Директор школы запомнил Саида как «спокойного и вежливого ученика». «Не могу сказать, что он плохо учился. Нет, скорее он не очень старался, потому что в его семье никто не заботился о его развитии и прежде всего — об образовании». Он хорошо знал семью. В Наблусе руководителю школы всегда приходится быть и социальным работником, говорит он. Он знакомится с родителями учеников и тем окружением, в котором они растут. Если ребенок перестал ходить в школу, а учитель знает, что семья нуждается, вывод напрашивается сам собой.

«Когда дети растут в таких условиях, они зачастую думают только о работе и о том, как помочь семье». Если ребенка отправить в школу, чтобы он смог потом получить профессию или пошел учиться в вуз, то в будущем это принесло бы большой доход; но это только в теории. Лишь немногие семьи в Наблусе могут позволить себе так долго финансировать развитие ребенка — это во-первых. А во-вторых, в стране, где так мало шансов найти работу, хорошее образование не дает никаких преимуществ. Или почти никаких, потому что многие после получения рабочей профессии или учебы в вузе уезжают на заработки за границу, например в Объединенные Арабские Эмираты, и оттуда оказывают своим семьям материальную помощь. Никто из семьи Саида не пошел по этому пути, никто не окончил вуза и не получил рабочей профессии.

Родители не давали Саиду советов, что делать в будущем. Мать была занята домашним хозяйством. Когда Саид бросил школу, у него было шесть братьев и сестер. Такое количество детей — не только большая радость, но и большой труд. В выходные отец возвращался домой из Рамаллы, где он работал на фабрике. Среди недели Саид отца не видел. Близких отношений между ними возникнуть не могло. Для отца сын оставался замкнутым юношей, с которым в то время не было особых проблем, но и тесного контакта тоже не было.

Первым местом работы Саида стала мастерская по пошиву джинсов. Он выполнял все подсобные работы: чистил старые швейные машинки, приносил со склада ткани, привезенные из Китая или Турции, готовил кофе и чай, подавал напитки взрослым. На производстве работали двадцать человек, четверть из них в возрасте Саида: им не было и двенадцати лет. В день они отшивали до шестисот пар джинсов, как на конвейере.

В одном помещении хранились тюки ткани, в другом была продукция — упакованные в пленку и готовые к отправке брюки. Швейные машины стояли в полуметре друг от друга. После пошива к джинсам прикреплялись кнопки. Этим занимался старший брат Саида. Он находился в конце производственной цепочки, работая на станке, на котором уже давно нельзя было различить имя производителя. С помощью Саида он успевал снабдить серебристыми кнопками три пары брюк в минуту.

Владелец мастерской помнит Саида как «робкого, боязливого» мальчика; возможно, поэтому Саид проработал там всего несколько месяцев. На вопрос, почему он берет на работу детей, предприниматель отвечает: «У них голова пока

еще ничем не забита. Дети особо не размышляют, потому и работают быстрее. Старшие думают о свадьбах и тому подобном». Он говорит, что и сам начал работать ребенком. Чтобы мотивировать детей, он выдает им небольшие денежные премии за особо быструю работу.

По словам предпринимателя, отцы полагают, что дети будут отдавать им все заработанные деньги. О дополнительном заработке мальчиков они ничего не знают. Получив премию, дети по дороге домой покупают себе мороженое: на него как раз хватает денег. Рабочий день Саида, как и занятия в школе, начинался в половине восьмого утра, но заканчивался не в час пополудни, а в пять вечера. За эту работу он получал (в пересчете на евро) два евро в день, включая премию.

Девять евро за десятичасовой рабочий день //

В швейной мастерской Саид проработал не более полугода. Затем он перешел на работу в кондитерскую. Там требовались мальчики для подсобных работ. С родителями перемена работы особо не обсуждалась. Он никогда не разговаривал с ними о том, где бы ему хотелось работать. Казалось, ему годилась любая работа, лишь бы приносила деньги. Главное — чтобы больше, чем в швейной мастерской. В кондитерской он зарабатывал девять евро в день, который часто длился до шести вечера — десять с половиной часов работы без официальных перерывов. Если работы не было, он мог ненадолго присесть, набраться сил, чтобы снова потом приняться за работу.

О питании заботился владелец кондитерской. В печи, где стояли противни с выпечкой, лежали и куриные окорочка. В кастрюле на газовой плите бурлил рис. Можно было перекусить лепешками хубес, сделав бутерброд с сыром или чем-нибудь еще. Главное — не со сладким. Кто сладости готовит, есть их не любит. «Они надоедают», — объясняет шеф. Саид был худым, как и большинство работников, но иногда он брал сладости домой. Выходной у Саида был раз в неделю. В особых случаях, например во время Рамадана, он и его коллеги — а это были только мальчики и мужчины — работали до самой ночи. Вечером, с наступлением темноты, перед кассой выстраивались очереди. Потому что ежевечернее прекращение поста после целого дня без еды и питья часто празднуется всей семьей. Сладкая выпечка на десерт — это часть праздника. Последний день поста празднуется особенно широко. Для этого дня даже покупается новая одежда. Коммерсанты хорошо зарабатывают на этом.

Судя по всему, долгий рабочий день не смущал Саида. В отличие от джинсовой мастерской, новое место работы ему нравилось. Это заметили близкие друзья. Он работал в кондитерской с удовольствием. Там у него открывалась возможность роста, пусть даже для этого требовалось большое честолюбие. Работники кондитерской начинали с должности посудомойщика, а затем могли постепенно подниматься по карьерной лестнице. «Тут учатся на рабочем месте», — говорит один из работников. «Все начинают с мытья посуды», — уточняет владелец кондитерской, унаследовавший предприятие от своего отца. До верхней ступеньки карьерной лестницы добираются не все; это требует «усердия и ума». Многие молодые работники стремятся дойти до изготовления *кнафе*, фирменного блюда кондитерской. Это сладость из теста, сыра и сахарного сиропа. На этой операции можно заработать до двадцати евро в день.

Но прежде чем добраться до этой должности, человек должен проработать несколько лет помощником, выполнять подсобные работы или готовить другую выпечку. Не прошло и года, как Саид уже готовил дома в маленькой кухоньке на газовой плите свои собственные *кнафе* для семейных встреч или просто так. «Тесто он брал отсюда и делал *кнафедома*», — рассказывает шеф; он не возражает, чтобы работники практиковались частным порядком. Продукты он привозит из Турции и Ирана. Израиль запрещает палестинцам поддерживать экономические отношения с Исламской Республикой, своим «заклятым врагом». Но точно так же, как оружие из Ирана доходит до групп боевиков на Палестинских территориях, так и ингредиенты сладостей доставляются на склады кондитерских.

Однажды Саид не выключил дома плиту, пламя потухло, и кухонька наполнилась газом. Саид потерял сознание, и родители нашли его лежащим на полу. Эту историю в семье рассказывают до сих пор.

Если не считать этой неудачи, у Саида были все предпосылки к тому, чтобы когда-нибудь подняться по карьерной лестнице до приготовления *кнафе*. «Он был сообразительным мальчиком, быстро учился», — говорит шеф. Лишь некоторые новички продвигаются так далеко; многие в какой-то момент останавливаются, сдаются или ищут другое место работы. Саид демонстрировал выдержку, даже если на него кричали, а это случалось нередко. В популярной кондитерской непростая рабочая атмосфера. Людям приходится много работать, часто они оказываются в цейтноте и вымещают свое напряжение на младших. Чем младше сотрудник, тем больше на него давление, тем больше гоняют его старшие.

В споры Саид не вступал, слушал молча. Шеф говорит: «Он был веселым мальчиком. Только сразу затихал, если чувствовал несправедливость». С этим он не мог справиться и иногда плакал, особенно если с ним обращались слишком жестко. Но родителям он никогда не жаловался. Тяжелые условия работы были ничто по сравнению с радостью от того, что он нашел место, где можно было расти, где работа была интересной и приносила доход.

От посуды к тесту //

С клиентами в зале продаж Саид контакта не имел. Они рассматривали товар на витринах и противнях, делали заказ, им упаковывали покупку, они расплачивались и уходили. Некоторые ели прямо в кондитерской, за столиками, накрытыми розовыми бумажными скатертями, которые вытягивали из деревянного ящика. Мальчик ставит перед гостями серебристые металлические стаканчики и наливает в них воду из графина. Если закажут, он приносит крепкий кофе в маленьких чашечках с двумя ложечками сахара. Можно заказать кофе *сэда* (без сахара). На ярко раскрашенных тарелках мальчик сервирует сладости, заказанные клиентом у стойки.

Весь первый год Саид вручную мыл эти тарелки, стаканы и чашки. Судя по всему, много усилий ему стоило отмыть чаны — такие большие, что в них мог бы уместиться ребенок, — и широкие противни, метр на метр, а также инструменты из пекарни: насадки для замешивания теста, венчики для взбивания, различные детали печи и т. д. В первые месяцы Саид стоял день за днем перед двумя мойками. Рядом, в ведре с водой, плавали разноцветные средства для мытья посуды. Мужчины, которые приходят в кондитерские в одиночку или с друзьями, сидят за передними столиками, отдельно от них располагаются семьи и женщины. В те времена в кондитерской было не найти свободных мест, дела шли

великолепно. Все изменилось в сентябре 2000 года, когда началась Вторая интифада: уличные бои, протесты, теракты в Израиле, израильские войска в Наблусе и развал местной экономики.

Несмотря на тяжелую работу, годы в кондитерской были, вероятно, самым счастливым временем в жизни Саида. Вскоре он перестал мыть посуду и теперь вместе с другими отвечал за приготовление теста. Заработанные деньги он получал после работы наличными и в тот же вечер отдавал отцу. «Обычно он отдавал мне весь заработок и только просил денег на карманные расходы». Саид продолжал подниматься по карьерной лестнице: ему еще не исполнилось и пятнадцати, а он уже готовил сладость *шифайеф*, что в переводе с арабского означает «губы». Он наполнял слоеное тесто размоченным сыром, складывал края теста таким образом, чтобы видна была начинка, и поливал все сверху сахарным сиропом. Если приглядеться, тесто действительно выглядит как губы, а сыр — как зубы.

Сладкий запах весь день заполняет пекарню. Сначала он кажется приятным, но в какой-то момент становится невыносимым; к нему примешивается резкий, бьющий в нос запах пальмового масла, которыми смазывают противни для приготовления *кнафе*. Через вентиляционное отверстие проникает немного света. Мужчины все белые от муки. На вид им всем не более сорока; возраст большинства — от двадцати до тридцати. Одна машина замешивает тесто для *кнафе*, другая вытягивает массу в нити, нагревает и подсушивает их. Машины, печи и плиты излучают тепло, нагревают сладкий воздух в помещении. Большую часть своей юности Саид провел в этой пекарне.

То небольшое свободное время, что было у него, он проводил со своим любимым кузеном и его друзьями-футболистами. По пятницам они жарили мясо. Каждую неделю они встречались во второй половине дня. На решетку над углями клали шампуры с кусочками курицы или кебабом из фарша, петрушки и приправ. Казалось, что с тех пор, как Саид стал работать в кондитерской, он ко всему, что касалось еды, относился как профессионал. Ребята ели, обсуждали прошедшую неделю и слушали кассеты с записями египетских певцов Ихаба Тауфика и Хани Шакера.

Мальчики почти все время проводили на улице. Их семьи ютились в тесноте, где было невозможно скрыться ни от родителей, ни от братьев и сестер.

К тому же, по всей видимости, отношения Саида с братьями были не очень хорошими. С одним из братьев он некоторое время разводил голубей на продажу. Во внутреннем дворике и в прилегающем к нему помещении содержалось более пятидесяти питомцев. Больше о совместных занятиях братьев ничего не известно. Два старших брата, по рассказам остальных, вели себя по отношению к Саиду строго и авторитарно.

Досуг должен быть бесплатным //

«Он почти не разговаривал с братьями. У них были разные взгляды и идеи. Он очень злился, если кто-нибудь из братьев брал его одежду», — вспоминает мать. Братья указывали Саиду, что ему можно делать, а что нельзя. Ему хватало приказов в кондитерской, где им командовали столько старших. Возможно, частые встречи у кузена были для Саида своего рода бегством. Мать говорит, что с кузеном у него сложились более близкие отношения, чем с братьями. У кузена они иногда смотрели видео. Без спутниковой тарелки принимались только программы

из соседней Иордании, из Рамаллы, Иерусалима и местных вещателей из Наблуса. А также израильские программы, которые нельзя было понять, не владея ивритом. Саид любил египетского комика Аделя Имама не меньше, чем мистера Бина. Как и большинству мальчиков, им нравились боевики; в те времена их копии можно было достать где угодно. Как говорит кузен, к числу самых любимых картин Саида принадлежали «Рэмбо» и фильмы с Брюсом Ли. Один против всех — вечная тема.

Летом, если у Саида выдавался свободный день, они ехали в Бадан. Пятнадцать минут на маршрутке, все время в гору, мимо сотен кипарисов и маленького парка развлечений. С началом Второй интифады парк закрывается. Заржавевшее колесо обозрения и брошенный на заросшей площадке пассажирский самолет, в котором раньше был ресторан, кажутся сегодня немymi свидетелями хороших (по крайней мере в экономическом отношении) времен.

В зеленой долине Бадана есть открытый водоем с горками, трамплинами, детским бассейном. На мальчиках шорты, молодые женщины плавают в длинных брюках и футболках, более старшие в головных платках сидят на краю бассейна, опускают прикрытые одеждой ноги в воду. Семьи устраивают пикники, достают привезенные с собой большие кастрюли, миски, прикрытые алюминиевой фольгой, тарелки и приборы. Повсюду под деревьями стоят пластиковые столы и стулья для гостей, официанты подают напитки и кальяны.

Саид, его кузен и остальные футболисты ездили и в Рамаллу. Сорок минут на юг на автобусе или тридцать минут на маршрутке. В центре Рамаллы жизнь была оживленнее, чем в Наблусе. Там можно было увидеть больше девушек без головного платка, больше кафе и, самое главное, там на улицах не было родственников. Рамалла была частью большого мира, причем недешевого. Саид и его друзья редко делали покупки; они не ходили ни в рестораны, ни в интернет-кафе. «Это было слишком дорого», — вспоминает кузен. Они гуляли вдоль магазинов, бродили по улицам туда-сюда — как сотни других мальчиков и мужчин во второй половине дня. Они разглядывали витрины, разговаривали друг с другом; некоторые гуляли обнявшись, некоторые — держась за руки (как это принято в тех краях между друзьями-мужчинами). Пройтись так с девочкой для Саида и его кузена было бы невозможно. Такого рода физический контакт или такое объятие становились возможны только после помолвки.

Иногда друзья уезжали еще дальше на юг, в Аль-Кудс («Святыню» — так на арабском языке называется Иерусалим). Они посещали мечеть Аль-Акса, открывали для себя жизнь Старого города, полного туристов и паломников. Улицы там шире, чем в Наблусе, товары — дороже. Площадь между Куполом Скалы и мечетью Аль-Акса — огромна. Тысячи мусульман молятся там вместе по пятницам, этот день недели по-арабски называется *йом аль-джума* — «соборный день».

Молиться вместе с коллегами //

В то время религия еще не играла в жизни Саида такой большой роли, как это будет позже. Его семья не была религиозной. Родители верили в Бога, но не практиковали религию и не молились пять раз в день. Коран дома был, но никто не читал его вслух и не делал его содержание темой для бесед. Видимо, лишь через два-три года после начала работы в кондитерской Саид почувствовал тягу к религии. Ему было тогда лет четырнадцать-пятнадцать.

Возможно, для Саида это был этап взросления, отдаления от родительского дома. Вместе с другими работниками кондитерской Саид начал соблюдать часы молитвы. Он молился вместе с ними утром, в обед и после обеда. Молитва длилась недолго, пару минут после призыва муэдзина. Его шеф заметил эту перемену: «Нам казалось, что он стал серьезнее относиться к жизни. Что он становится более зрелым и действует, думая о будущем».

В конце девяностых годов Саид, единственный в своей семье, начал по пятницам ходить в мечеть: ни родители, ни остальные дети туда не ходили. И лишь после пятничной молитвы он отправлялся к своему кузену, чтобы, как обычно, жарить мясо. Мечеть, которую посещал тогда Саид, находится на склоне горы, по дороге к дому кузена. Помещение оформлено просто: зеленый ковер, радиаторы под сдвижными окнами, вентиляторы и неоновые лампы под потолком. Справа у входа много деревянных стеллажей для обуви прихожан. В то время мало кто из ровесников Саида приходил в мечеть ежедневно. Ситуация изменится с началом Второй интифады.

3

Стать взрослым Даниель и наркотики Саид и проблемы в семье

Даниель //

«Сердце у меня черное». Это утверждение тогдашняя подружка Даниеля слышала часто. Однажды, когда они только познакомились, он сказал: «Я живу в гетто». «Как же, в гетто!» — подумала она, но промолчала. Она-то знала, что в том районе живут только обеспеченные люди. Там перед коттеджами на одну семью стоят новенькие автомобили. Но она не стала с ним спорить. Четырнадцатилетняя девочка рада была встречаться с парнем на два года старше.

Он был «крутой», носил «брендовые шмотки» и повязку на лбу; выбривал полосками волосы на голове и на выбритую кожу наносил крем. Они познакомились на концерте, где выступала группа из Нойнкирхена. Девочка влюбилась «ужасно». Внешним видом и манерами Даниель подражал гангстерам, и это произвело на нее впечатление, хотя она знала, что живет он в благополучном районе и что в их городке нет никакого гетто. Но «плохие мальчишки так притягивают». И подружки ей завидовали: «Какой у тебя парень!» Даниель и его подружка вместе курили: она — сигареты, он — марихуану. И только у нее дома. К себе Даниель ее никогда не приглашал. Границы их отношений были установлены ею. Полной близости она не хотела. («Так далеко зайти я ему не позволила, и он отнесся к этому с пониманием».) Оглядываясь назад, она называет объект тогдашней своей большой любви «скорее приятелем, чем партнером». Болтали они обо всем. Даниель рассказывал и о своей прежней подружке, отношения с которой продлились довольно долго; он все еще часто о ней вспоминал. Для девочки такие разговоры не составляли проблемы. Они мало куда ходили; разок сходили в кино, посмотрели фильм «Царь скорпионов».

Вместе они были полгода, но встречались нечасто: бывало, что всего раз в две недели. Причина была в Даниеле. Иногда он по несколько дней не давал о

себе знать, потом вдруг снова появлялся. Один раз она сама отправилась в его район и даже постояла перед его домом. Он снова надолго исчез; она хотела сделать ему сюрприз, но так и не решилась позвонить в дверь. Об этом она ему никогда не рассказывала. В другой раз мимо них на машине проехал отец Даниеля, и Даниель указал ей на него. Более близкого знакомства ни с отцом, ни с матерью так и не состоялось.

Девочки не интересуют //

В тот период из всех родственников наибольшим авторитетом у Даниеля пользовался, скорее всего, отец. Можно предположить, что сдержанность по отношению к подруге была связана с позицией отца, на которого сильно повлияли неудачный брак и бракоразводные баталии с матерью Даниеля. Отец советовал сыну не слишком доверять женщинам. Потому что женщины хотят иметь детей, а дети означают обязательства.

Такие разговоры не прошли бесследно. Даниелю было всего шестнадцать, а он уже подумывал о стерилизации. Кто бесплоден, тот неспособен иметь детей, и ему не нужно брать на себя никаких обязательств. Кроме того, можно сосредоточиться на карьере. Для отца карьера была важной темой. По словам друзей, он считал, что его карьера не удалась из-за семьи. О недостатке собственных усилий или отсутствии честолюбия речи не было — виноваты были другие.

Ни о чем этом Даниель не разговаривал со своей подругой. Их отношения закончились неожиданно для нее. «Без видимых причин», считает она. В течение многих лет она ничего не будет знать о Даниеле. Лишь в сентябре 2007 года увидит его фотографию в газете «Бильд». На первой странице — он и еще двое мужчин. Их называют «террористами». Лицо Даниеля она узнает сразу. Волосы, которые раньше были коротко пострижены, теперь свисают ниже плеч.

В то время, когда отношения с подругой близились к финалу, испортились отношения и с хип-хоповскими друзьями. Ребята из *crew* больше не понимали Даниеля. Даже лучший друг не мог до него достучаться, и их дружба угасала. Внимание Даниеля привлек другой мальчик из баскетбольного клуба — Нидаль. Новый член команды был на три года старше Даниеля. Один из его родителей был арабского происхождения. Тогда Даниелю, наверное, казалось, что это ворота в большой мир. В ближайшие два года никто не окажет на него большего влияния, чем Нидаль. Нидаль вел себя так, как будто у него были ответы на все вопросы. Он не слушал возражений и излучал авторитет — по крайней мере, так он действовал на Даниеля. Тот чувствовал, что его тянет к Нидалю. Большинство ребят в баскетбольном клубе, напротив, качали головой по поводу нового игрока, хотя и за его спиной: с Нидалем никто не хотел связываться. Он был здоровенным парнем, и нельзя было гарантировать, что он вдруг не сорвется. «Нидаль был главной проблемой Даниеля, — говорит один из баскетболистов сегодня. — С тех пор, как они подружились, о Даниеле можно было забыть».

О прошлом Нидаля, его школьных годах ребята ничего не знают; Даниель, вероятно, тоже. С двойками и тройками по большинству предметов, начиная с религии и кончая математикой, Нидаль перевелся из гимназии в общеобразовательную школу. Учителям с ним было непросто. Он был одним из самых старших учеников. С учителями он держался высокомерно, и они ему этого не спускали. Одноклассникам он мог пустить пыль в глаза, учителям — нет. И это

его раздражало. Одна учительница вызвала его к себе на разговор. «Сами ко мне приходите, блин!» — якобы ответил он. Учителя называют это «вызывающим поведением».

Наркотики и изречения //

Мнения школьников о Нидале разделились: одни восхищались им, другие презирали, но мало кто относился к нему нейтрально. Учителя вспоминают, что девочки «очень им интересовались». Хотя были и такие, кто смеялся над ним, называл его хвастуном и «лузером». Некоторым девочкам нравилось, что он хорошо выглядит: «ухаженный, чистый, симпатичный»; хотел быть «самым красивым», одевался «шикарно» и время от времени приходил на занятия в пиджаке. В общем, Нидаль был «привлекательным молодым человеком». С точки зрения учителей, именно в этом и была «проблема», потому что его внешность обманывала многих учениц.

Ни для кого не было секретом, что Нидаль приторговывает наркотиками. Он курил травку, и это отражалось на его успеваемости. Особенно после выходных, по понедельникам, «он полностью отсутствовал». Один из учителей вспоминает, что вскоре он «из чувства протеста» абсолютно ничего не делал на уроках, просто присутствовал. Одноклассникам он много и восторженно рассказывал о Штатах. Он говорил, что там у него есть родственник, ремесленник, и что он собирается у него работать, так что хорошие оценки ему не нужны.

Желание уехать в Америку резко контрастировало с его политическими взглядами. Он любил поговорить об Усаме бен Ладене. «Он считал его классным», — вспоминает одна учительница. Нидаля не смущало то, что основатель и духовный вождь «Аль-Каиды» вместе с исламистами борется против страны, в которую он собирался уехать. Возможно, ему просто в очередной раз хотелось обратить на себя внимание, спровоцировать окружающих, вызвать раздражение и шокировать их. Просто выступить *за то, против чего* выступают все остальные. В школе его не считали исламистом или хотя бы просто верующим мусульманином. К тому же он употреблял наркотики и не совершал намаза. А за его спиной говорили, что он «слишком глуп, чтобы быть мусульманином. Он ест свинину и даже не замечает этого».

Поведение Нидаля беспокоило учителей, но ситуацию с наркотиками не удавалось взять под контроль. Можно было воспрепятствовать торговле на школьном дворе, но вне территории школы могло происходить что угодно. На уроках Нидаль не решался рассуждать о деятельности бен Ладена. Но за пределами классной комнаты и на переменах он открыто высказывал свое мнение. Несмотря на многочисленные проблемы, он все же закончил школу. По всем предметам, кроме физкультуры и музыки, у него было «удовлетворительно». Учителя были рады, когда он покинул школу. Настоящие друзья у Нидаля были только за стенами школы. Одного звали Ильхам. Ильхам рос с отцом, который оказывал на него не очень хорошее влияние. «Мой отец был гангстером», — говорит сегодня Ильхам. Другие родственники также торговали оружием и наркотиками. Ильхам вырос в грубой среде. Возможно, поэтому высокомерное поведение Нидаля его не задевало: ничего другого он и не видел.

«У нас была крепкая дружба», — вспоминает Ильхам, которому, в отличие от Нидаля, удалось выбраться из круговорота насилия. Они вместе курили травку, слушали музыку — в основном хип-хоп. У Нидаля были все новые записи,

появлявшиеся на рынке. Ильхам вспоминает комнату Нидаля: там были «бесконечные ряды компакт-дисков, все новые альбомы, музыкальная установка, диван и телевизор». Другие знакомые тоже подтверждают, что родители покупали Нидалю практически всё, что он хотел. Бренддовая одежда, которую он надевал на занятия в школу, тоже стоила немалых денег.

Подражая мегаполису //

Ильхам познакомился с родителями Нидаля. Они, как и его мусульманская семья, не были религиозны. Телевизор они тоже смотрели в комнате Нидаля. Ребята часто пересматривали «Угрозу обществу». Они оба любили этот фильм о гетто, хотя трудно найти двух более разных зрителей, чем Ильхам, детство которого прошло в криминальной среде, и Нидаля, это блудное дитя среднего класса.

Ильхам до сих пор отчетливо помнит сцены из фильма: «Самым крутым в фильме был О-Дога; мы оба хотели быть на него похожими». У О-Дога палец всегда на курке, он не медлит — сначала стреляет, а разговоры потом. Эта картина 1993 года считается одним из лучших фильмов о гетто. Действие разворачивается в Уоттсе, одном из районов Лос-Анджелеса. Главного героя, друга О-Дога, зовут Кейн. Ему 18 лет, и он торгует наркотиками. У него появляется возможность уехать из гетто вместе с одной знакомой — матерью-одиночкой, муж которой сидит в тюрьме.

Фильм показывает, как возникает насилие и почему его так непросто остановить; именно поэтому он в свое время привлек к себе большое внимание. Но Нидаля и Ильхам ценили его за другое. Они не хотели быть похожими на Кейна, который «вышел из дела». Они хотели быть такими, как О-Дога, бесстрашными и опасными гангстерами. «Он был очень агрессивен. Именно таким людям принадлежит власть. Так нам казалось», — говорит Ильхам. Что привлекало его тогда в образе О-Дога? «Если тебя кто-то достал, ты просто вынимаешь пушку и убиваешь его». В финале фильма Кейн погибает — в том числе из-за людей типа О-Дога.

Ильхам и Нидаля подражали персонажам фильма. Они одевались и разговаривали как те, пытались имитировать утрированную жестикуляцию и мимику героев. Вскоре им было уже недостаточно широких штанов и размашистых жестов, чтобы быть похожими на своих кумиров. 31 декабря 1997 года они в очередной раз посмотрели фильм. А потом решили взяться за дело по-настоящему. Что бы потом ни рассказывал Нидаля своим друзьям типа Даниеля, как бы ни хвалился ограблением и добытыми деньгами, как бы ни расписывал опасность, которой они подвергались, правда выглядела совершенно иначе и гораздо менее привлекательно. В сочельник 1997 года его друг Ильхам напал сзади на пожилую женщину и попытался отнять у нее сумочку.

«Я шла по улице, и тут кто-то появился позади меня, — вспоминает женщина. — За три дома от моего он напал сзади. Я ударилась головой о стену, упала на спину. Нога была потом четыре недели в гипсе. Но сумочка ему не досталась». Сегодня Ильхам без удовольствия вспоминает этот поступок, ему стыдно. Тогда он предстал перед судом и должен был заплатить штраф. Сегодня он в ладах со своей совестью.

После судебного процесса он подошел к пожилой женщине и протянул ей руку. «А твой приятель Нидаля, что подбил тебя на это, не пришел», — сказала

она и была права. Нидаль сделал вид, что не имеет ко всему этому никакого отношения. «Слушай сюда, я буду здесь, а ты пойдешь», — якобы сказал он Ильхаму перед нападением. «Сам-то он не хотел», — говорит Ильхам. Нидаль «боялся, наблюдал издали». Грязную работу он предоставил делать своему другу.

О поведении Нидаля говорили не только в школе. В городской администрации его считали сложным случаем. Чиновники знали, что он делает «карьеру» в криминальном мире, слышали, что он будто бы «бунтовал против родителей». Но это ничего не меняло. Администрация продолжала руководить, а Нидаль — жить прежней жизнью. Ильхаму это однажды надоело. И Нидаль снова стал одиночкой — однако ненадолго.

Баскетбол, все время баскетбол //

Как и Даниель, Нидаль играл в баскетбол и на открытой площадке, и в зале клуба. Так они познакомились. Сначала просто обменивались дисками. Нидаль разбирался в музыке. Внешне он тоже был хорош. Он стремился выделяться, как и Даниель, который привлекал внимание своей футболкой от «Лакост» супер-большого размера, желтой курткой и головным платком. На Даниеля Нидаль произвел впечатление. А вот на тренера — нет. Нидаль очень хорошо играл в баскетбол, и проблема была не в этом. У него всегда всё получалось. Но он не хотел подчиняться, не слушал указаний тренера. Он вставал в позу. «По морде захотел?» — однажды ответил он тренеру. С Даниелем у тренера не было проблем, совсем наоборот. Мальчик уже много лет играл в клубе. Подростки тренировались по вторникам после обеда и по пятницам вечером. Разминка, потом упражнения: пробежка с мячом, броски из-под кольца, отработка других бросков, защита. Все это потом встраивалось в игру. Если в зале работала музыкальная установка, кто-нибудь подключал свой плеер, и тренировка шла под хип-хоп.

Даниель был одним из двух *guards*, «защитников». Он доставлял мяч вперед, начинал атаку, раздавал пасы. «Он мог бы играть в любой позиции, — говорит тренер, работавший с ним некоторое время. — Он хорошо владел мячом». Его слабой стороной были шаги, здесь он часто ошибался. Это досадная ошибка: игру останавливают, и мяч переходит к противнику. Тренер предполагает, что причина ошибок «была, возможно, в том, что он смотрел американские игры». Североамериканские профессионалы играют подругим правилам, согласно которым опорная нога может сделать шаг до того как мяч коснется земли.

Игроки НБА, Национальной баскетбольной ассоциации, были для ребят героями, образцами для подражания. Баскетболист Аллен Айверсон, игравший за команду «Филадельфия Севенти Сиксерс», очень нравился Нидалю и Даниелю. Этот скандальный персонаж отличался вызывающим поведением. Айверсон мог себе позволить не явиться на тренировку, однако его спортивные достижения впечатляли. Некоторые ребята из клуба Даниеля знали таблицу НБА наизусть, знали, какая команда выступает в каком «дивизионе», то есть в какой региональной группе, лиге. Они знали знаменитых игроков и их *moves*, их типичные движения на поле. В Интернете они кликали по рекламным роликам, в которых можно было увидеть звезд и фрагменты игры. На немецком телевидении показывали только эпизоды из игр НБА — в спортивных передачах или в обзоре игр. Говорят, что Даниель выходил на игру всегда, даже если был болен. За игру

он зарабатывал 25 очков — достаточно хороший результат. И если тогдашние участники игр ничего не путают, он часто приходил на тренировку в форме клуба «Миннесота Тимбервулвз». Но особенно бросался в глаза Нидаль: вне официальных игр он являлся на игру в *baggy pants* и в ботинках от «Тимберленд». Такая необычная спортивная форма означала протест против тренера.

Игроки встречались не только на тренировках, но и на открытой площадке рядом с начальной школой, где раньше учился Даниель. Некоторые тренировались по два-три часа ежедневно, чтобы подготовиться к игре в выходные, на которой засчитывались очки и определялось место в таблице. В какой-то момент баскетбольное кольцо с площадки убрали. Говорили, что там получил травму ребенок, сломал нос. Другие говорили, баскетболисты с их хип-хопом производили слишком много шума. Возможно, верно и то и другое. Сегодня вокруг старой площадки разрослась зелень, и если кто и гуляет там после обеда, то только владельцы собак. Баскетболисты встречаются в другом месте. Уже тогда они переместились на большую парковку у супермаркета или играли в соседних городках. Даниель был одним из тех, кому все казалось мало. Если уж играть в баскетбол, то на 150 процентов. Его увлечения в последующие годы будут меняться, однако неизменными останутся восторг, искренность и настойчивость, с которыми он будет им отдаваться.

Уже в первые годы занятий баскетболом Даниель посещал *hoop camp* — тренировочный лагерь для баскетболистов? В течение пяти дней он изучал всё, что можно было выучить за такое короткое время о *ball handling*^[12]. Распорядок дня в лагере немного напоминал армейский: ранний подъем, пробежка по лесу, занятие по теории, баскетбольные упражнения, обед, четыре часа баскетбола, ужин. В 22 часа был отбой для всех без исключения. Однажды ребята из комнаты Даниеля должны были ночью бежать кросс за то, что они громко протестовали против этого правила.

Не каждый мог позволить себе такую подготовку. Родители Нидаля тоже оплатили сыну пребывание в тренировочном лагере. Однако это не добавило ему популярности в клубе. Баскетболисты не любили его за поведение перед решающими играми. Он на них просто не являлся, без всяких причин. Или приходил без удостоверения личности, и его не могли зарегистрировать, так что он не мог выйти на игру. «Он просто подводил команду», — говорит один из баскетболистов, долгое время тренировавшийся вместе с Нидалем.

Деревенские гангстеры //

Однако Даниеля Нидаля явно притягивал. Нидаль разыгрывал роль непокорного бунтаря, употребляющего наркотики, деревенского гангстера, который принес дух большого города в провинцию. Нидаль вел себя как крутые парни из любимых Даниелем песен гангста-рэпа, пусть даже и в малом формате. Если у Нидаля и был какой-нибудь талант, то это талант увлечь за собой других. В данном случае он хотел вместе с Даниелем разыграть в их городке историю Кейна и О-Дога из фильма «Угроза обществу». Собственно говоря, сравнивать фильм о гетто с той реальностью, в которой существовали Нидаль и Даниель, невозможно. Но оба вжились в свои фантазии, и, видимо, граница между миром гетто и их собственным перестала для них существовать. Они много курили травку; возможно, и это тоже способствовало постепенной утрате чувства реальности. На трезвую голову можно усмотреть лишь весьма приблизительные

параллели между фильмом и жизнью; что-то общее было только у Даниеля и Кейна. Как безобидный Кейн встретился с brutальным преступником О-Догом, так и Даниель — с мелким криминальным элементом Нидалем. Пройдет немного времени, и Даниель, как и Кейн, начнет торговать наркотиками и примет участие в ограблении. У Даниеля, как и у Кейна, дедушка и бабушка со стороны одного из родителей очень религиозные люди, христиане. В фильме дед пытается однажды его образумить: «Ребята, Господь послал вас в мир не для того, чтобы вы друг в друга стреляли и друг друга убивали. Об этом и в Библии говорится».

Кроме того, Кейн получает советы от друга-мусульманина. Тот предостерегает его от алкоголя, резко критикует употребление свинины. Он начинает свои речи словами: «Священный Коран говорит, что...», но Кейн его не слушает. Этот друг, раздающий запреты, не был мусульманином изначально: он перешел в ислам. Его отец тоже попытается воззвать к совести Кейна: «Если Аллах и в самом деле сделает из моего сына лучшего человека, чем это смог Христос, то я полностью за». Кейн делает выбор не в пользу мусульманского приятеля, не в пользу ислама — и на этом сходство кончается. В 2004 году Даниель выберет ислам. Между детскими годами Кейна и Даниеля трудно обнаружить даже приблизительное сходство. Мать Кейна употребляла героин, отец убивал, вместо того чтобы заниматься воспитанием детей. Семья жила в ужасающей тесноте. В семье Даниеля никто не употреблял наркотиков. Отец работал в банке, вечером возвращался в собственный красиво обставленный дом. Мать забирала Даниеля из детского сада, играла с ним на чердаке, который специально перестроили в игровую комнату. Они много мастерили. До развода родителей его детство было беззаботным.

Саид //

С земли истребители F-16 напоминали металлических орлов. В солнечные дни они светлыми точками появлялись на горизонте. Иногда они кружили так низко, что на крыльях можно было разглядеть разноцветные военные знаки. Увидеть самолеты можно было не всегда, зато слышно было всегда: раскаты грома, режущий уши свист и громкие щелчки при разгоне до сверхзвуковых скоростей. В таком случае в Наблусе задавались вопросом: это F-16?

Или бомба взорвалась? С конца 2000 года могло быть и то и другое. Саиду было тогда 15 лет.

28 сентября 2000 года Ариэль Шарон взшел на Храмовую гору в Иерусалиме. Палестинцы называют ее *аль-Харам аш-Шариф* — «благородное святилище». Там находятся монумент Купол Скалы и мечеть Аль-Акса. Саид часто туда приезжал с кузеном, иногда ночевал у родственников в Иерусалиме. Мусульмане со всех концов земли совершают паломничество к этому месту в Старом городе. Ариэль Шарон был тогда лидером блока «Ликуд», занимавшего правые позиции в израильском парламенте, и возглавлял оппозицию. Его визит спровоцировал палестинских мусульман. Очевидно, Шарон сознавал возможность такой реакции, и потому его охрана была очень велика: свыше 1000 солдат и полицейских пытались держать протестующих под контролем. Многие палестинцы в этот день вышли на демонстрации против визита Шарона. Семья Саида следила за происходящим по телевизору. В последующие дни и недели ситуация продолжала ухудшаться. Давало о себе знать напряжение, накопившееся с обеих

сторон за последние годы. Мирные переговоры завершились в середине девяностых годов, но настоящий мир не наступил. Многие палестинцы были разочарованы, потому что израильское правительство не выполняло достигнутые договоренности. Израильтянам, в свою очередь, пришлось столкнуться с палестинскими терактами.

После визита Шарона разразилась Вторая интифада. В Наблус вошли войска. Израильтяне и палестинцы вели ожесточенные бои. На улице перед домом Саида взрывались бомбы. Члены «Бригад мучеников Аль-Аксы» и ХАМАСа размещали у обочин самодельные взрывные устройства. Они должны были срабатывать, когда израильская техника проезжала мимо. Материал для бомб был старым, их изготавливали в собственных мастерских из обломков оружия. Иногда они срабатывали раньше или позже, чем нужно. Мать Саида потеряла подругу: одна из бомб разорвалась, когда та возвращалась домой.

Работать, а не воевать //

У израильской армии была самая современная военная техника. Приборы ночного видения для ночных операций в Старом городе Наблуса. Истребители, которые вызывались по радиосвязи для подкрепления. Беспилотные самолеты, делавшие снимки земной поверхности. Если изображение в телевизоре дергалось, люди думали, что виноваты беспилотники. Они создают помехи, говорили в Наблусе. Саиду, как и большинству молодых людей, вооружение противника напоминало технику из фантастического фильма. Хотя члены «Бригад мучеников Аль-Аксы» с победоносным видом маршировали по улицам Старого города, неравенство сил воюющих сторон было очевидным.

Казалось, Саида бои не интересуют. Он должен был работать, зарабатывать деньги для семьи. Другие ребята из его квартала вступали в «Бригады мучеников Аль-Аксы», а он все чаще посещал мечеть. Уже с конца девяностых годов он ходил туда регулярно. Сначала несколько раз в неделю, после начала Второй интифады в конце 2000 года — ежедневно, и наконец дважды в день, утром и вечером. Это бросалось в глаза родителям; сами они редко ходили в мечеть.

«Мы ходим в мечеть только по праздникам», — говорит сестра Саида. Один из таких праздников приходится на конец Рамадана. В этот месяц многие верующие мусульмане постятся: от восхода до захода солнца они не едят и не пьют. Вскоре Саид начал поститься дополнительно — раз в неделю, а затем и два раза. Так поступали очень религиозные люди из его мечети, и он присоединился к ним. Его мать настораживало то, что он так часто ходит в мечеть. «Я спросила, может, у него какие-то проблемы». «Нет, я в порядке, не беспокойся», — ответил он.

Если Саид был не в кондитерской или в мечети, он оставался дома. На улице, как и во время Первой интифады, было слишком опасно. «Он все время сидел в своей комнате, слушал нашиды или Коран», — говорит мать. Нашиды — это религиозные песнопения; Саид слушал их в записи на кассетах, как и произносимые нараспев суры Корана. Видимо, для Саида это было своего рода бегством от будней Второй интифады. Истребители в небе, израильские солдаты и палестинские боевики на улицах, выстрелы из автоматов по ночам. «Он интересовался только своими молитвами и религией. Больше ничем», — говорит мать. О девушке, живущей по соседству, она ничего не знала.

«Это моя любовь», — сказал однажды Саид своему кузену, указав на одну девушку. Представить ее ему он не мог: они находились в оживленном торговом центре. В районе все друг друга знают, а о таких любовных историях люди как раз любят посудачить. Вполне возможно, что в тот же вечер кто-нибудь рассказал бы его родителям о девушке, и он бы не избежал проблем. Саиду было пятнадцать лет — слишком молод, чтобы быть помолвленным и, соответственно, иметь подружку. В торговом центре они не обменялись ни словом. Показать, что он ей нравится, она могла лишь издали. Саид купил ей мягкую игрушку, медвежонка. Смог ли он передать его ей, и если смог, то каким образом, не знает даже кузен. Скорее всего, Саид понимал, что, даже когда станет старше, жениться он не сможет. Свадьба обходится жениху и его семье очень дорого. Нужно организовать праздник для многих сотен гостей и еще потратиться на калым — деньги, которые мужчина платит семье девушки, на которой хочет жениться. Считается, что на эти деньги замужняя женщина сможет потом купить себе, что пожелает. Расходы на калым и традиционный праздник, включающий в себя прием, ужин и последующее торжество, могут достигать 10 тысяч евро. Чтобы собрать такую сумму, Саиду пришлось бы более трех лет откладывать все, что он зарабатывал, — девять евро в день.

Казалось, Саид знал, что у его любви нет шансов. Бабушка спросила его, когда он женится и родит детей. «Я хочу остаться холостым», — якобы ответил он. Он говорил ей, что хотел бы жить в квартире побольше. «Он всегда надеялся, что заработает на дом для семьи», — говорит бабушка. Если бы он зарабатывал больше, то копил бы скорее на дом, чем на свадьбу. На тот момент он все еще жил в одной комнате с пятью братьями и сестрой. У родителей к тому времени была отдельная комната. О новом доме нечего было и мечтать. С началом Второй интифады экономическая ситуация резко ухудшилась. Половина населения была без работы, а если и удавалось найти работу, за нее платили все меньше. Магазины закрылись, фабрики останавливали производство. Саид искал новое место, потому что у кондитера работы было мало и, соответственно, мало денег. «Кондитерская была открыта только раз в неделю», — говорит его тогдашний шеф; а ведь раньше она работала семь дней в неделю.

Саид был одним из главных кормильцев семьи и не мог ждать до лучших времен. Он нашел место подсобного рабочего на стройке. Там всегда есть работа, особенно в кризисные времена, когда многие соглашаются на самый тяжелый труд за малые деньги. Богатые инвесторы используют дешевую рабочую силу, чтобы строить в расчете на лучшие времена: многоэтажные жилые дома, торговые центры, офисные здания. Во время Второй интифады расчет не оправдался: кризис затягивался. Многие дома в Наблусе до сих пор стоят пустыми, без окон; на улицах нет асфальта. На стройках работает много детей и подростков. Они передают железные прутья, которые служат для армирования бетона. Работают на цементомешалке или таскают блоки из песчаника с этажа на этаж. Грузовик доставляет стройматериалы на деревянных поддонах. Мало у кого есть перчатки или защитная каска. Если кто-то поранится, заболеет или останется дома, он теряет деньги. Больничные листы на такой работе не оплачиваются. Саиду повезло — у него были только ссадины. «Он хотел научиться всему и уходил с работы последним», — говорит его мать, гордясь трудолюбием сына. «Он мог выполнять любую работу», — добавляет отец.

Саид не показывал, что ему трудно. Однако это не значит, что ему было легко. «Никогда нельзя было догадаться, о чем он думает», — говорит Рами, хотя он знал Саида лучше других. «Саид все держал в себе». Вообще-то ему было хорошо в кондитерской, он планировал остаться там, расти дальше профессионально. Работа на стройке не открывала никаких перспектив, это был тупик. С годами и он стал бы недостаточно молод и силен для такой работы. «Я уверен, что он был разочарован», — говорит Рами.

Между мечетью и кафе-бильярдной //

Рано утром Саид шел в мечеть, потом немного отдыхал дома, затем за ним заходили товарищи по работе, и они вместе шли на стройку. Грязный и уставший, он возвращался вечером домой, мылся и вновь шел в мечеть. Дни были однообразны. Распорядок несколько менялся только в пятницу, в праздничный день. По пятницам Саид играл в бильярд, чаще всего в кафе в центре города, где можно было курить кальян. Там пахнет яблочным табаком, потолочные вентиляторы разносят сладковатый запах по всему помещению. Кафе обставлено просто. Позади стойки установлен холодильник с надписью «Coca-Cola», на нем бокалы и стаканы. Играющие — молодые ребята в возрасте от двенадцати до двадцати лет; женщины сюда не приходят, как и в другие кафе-бильярдные. Сестрам Саида, когда они подрастут, тоже будет закрыт доступ в такие места. Встречаться с подругами можно будет, только когда поблизости находятся родители. Вместе ходить за покупками тоже разрешается, но появляться в местах, где много молодых людей, запрещено.

Еще одно кафе, где Саид играл в бильярд, расположено в районе Рафидия, в двадцати минутах пешком от дома. По вечерам там вдоль главной улицы гуляют, держась за руки, женатые парочки. Некоторые молодые люди берут отцовские машины и катаются с друзьями из центра в Рафидию и обратно. Стекла опущены, из динамиков гремит музыка. Магазины здесь закрываются позже, чем в Старом городе. Чтобы попасть в бильярдную в Рафидии, нужно спуститься по лестнице. По углам помещения стоят горшки с пластмассовыми подсолнухами, с потолка свисает пластмассовый плющ. В центре помещения на колоннах прикреплены изображения Мекки. Рядом с телевизором висит палестинский флаг. Игроки пьют чай, кофе, безалкогольные напитки; алкоголя, конечно же, нет. Мусульманам запрещено употреблять алкоголь, и в Наблусе этого правила придерживаются, по крайней мере в общественных местах. До середины девяностых годов палестинские христиане продавали в городе арак (арабскую анисовую водку), виски, вино или пиво. Радикальные группировки, например ХАМАС, оказывали на торговцев давление, угрожали им, и те вскоре вынуждены были отказаться от этого бизнеса. С тех пор некоторые ездят за алкоголем в Рамаллу. Там у торговцев больше свободы.

Все это Саида не интересовало, он испытывал отвращение к алкоголю и придерживался религиозных правил. Сыграть в бильярд в свободный день было для него роскошью. Дома рядом всегда были братья и сестры, даже если он хотел в одиночестве послушать музыку. Когда он играл в бильярд, у него, правда, тоже не было личного пространства, но, по крайней мере, здесь он мог отдохнуть от членов своей семьи и провести вечер, не ссорясь с братьями. Молодым людям в Наблусе больше негде было уединиться. Возможно, еще и потому Саиду было так хорошо в мечети.

Иногда он там встречался с Рами. Они задерживались в мечети и после окончания молитвы. «В то время заняться было нечем, после пяти-шести вечера пойти было некуда», — рассказывает Рами. После Первой интифады у палестинцев еще оставалась возможность путешествовать. Можно было поехать на Средиземное море, на юг — к Мертвому морю, или на север — на озеро Кинерет. Но с началом Второй интифады путешествия прекратились. Израильские военные поставили оцепление вокруг палестинских территорий; даже в соседние города было сложно проехать.

Одна из мечетей, в которую любил ходить Саид, располагается в Наблусе в центре Старого города. Речь имама верующие слушают, сидя на ковре. Некоторые вытягивают ноги вперед, другие сидят, скрестив ноги. Пожилые люди сидят на пластмассовых стульях. На некоторых надеты белые вязанные крючком шапочки и светлые одежды по щиколотку, другие приходят в футболках прямо из-за прилавка с базара в Старом городе. Отец внушает сыну: «Сиди тихо и слушай!» На молитве присутствуют несколько детей и около десятка молодых людей; остальным от 35 до 50 лет. Во время Второй интифады, когда сюда приходил Саид, молодежи было гораздо больше. Видимо, в период кризиса религия приобрела для них большее значение. Многие потеряли друзей или родных и приходили помолиться за них.

В мечети поверх бирюзового ковра натянута черная лента, вдоль которой располагаются молящиеся. Образуется множество рядов, и каждому находится место для преклонения колен и поклонов. На стене тикают часы с римским циферблатом. Окна летом открыты, снаружи доносятся крики рыночных торговцев, стены слегка гасят звук. Ступени ведут к раковине, перед которой можно присесть. Мужчины заворачивают штанины и рукава рубашек, моют лицо, руки и ноги. Они знакомы друг с другом, здороваются за руку. «Ассаляму алейкум!» («Мир вам!») — частое приветствие в мечети. Мечеть, куда ходил Саид, — это мужской мир, как и многие другие мечети в Наблусе. У женщин здесь есть свое помещение, но они редко молятся в мечети.

«Ты не веришь, это харам» //

В мечети Саид наверняка познакомился и с ортодоксальными мусульманами. У этих мужчин густые бороды, а кожа на лбу потемнела и ороговела. Перед местом для молитвы у них находится камень. При глубоких наклонах лоб касается камня, так что оставляет на нем следы. Потемневшая кожа на лбу показывает окружающим, как ревностно выполняет человек свой религиозный долг. Саид часто посещал мечеть, но все-таки не был похож на этих мужчин с мозолями на лбу. В повседневной жизни он не цитировал Коран вслух. Хадисы (дошедшие до нас высказывания или рассказы о действиях Пророка) он тоже упоминал редко.

То, что религия для него много значит, окружающие замечали лишь тогда, когда речь шла о чем-то запретном, по-арабски *харам*. Если он слышал, что кто-то из знакомых употребляет алкоголь, его комментарий был «харам!». Если его кузен смотрел вслед девушке, он говорил «харам!», хотя некоторое время назад он и сам бы так поступил. Однажды у них с кузеном зашел разговор о ежедневной молитве. «Ты не веришь, это харам! Ты не молишься, это харам!» — сказал Саид. Он требовал от кузена изменить образ жизни: «Харам, молись!» Кузену всё возрастающая религиозность Саида действовала на нервы. «Хорошо, я буду

молиться», — ответил он, но не потому, что решил измениться, а просто чтобы прекратить разговор.

Если Саид молился дома, он просил лишь о том, чтобы его оставили в комнате одного. Он не хотел молиться перед членами семьи. Может быть, ему было неловко или родственники смеялись над ним. Наверняка им было непросто привыкнуть к его религиозности. Большая семья жила в маленьком пространстве. Чьи-либо особые желания не приветствовались. Когда в комнату заходил кто-то из родственников, Саид прекращал молитву. У него был свой экземпляр Корана, но читать ему было, очевидно, трудно. Он слишком рано бросил школу, чтобы уметь бегло читать по-арабски. Наверно, поэтому он предпочитал слушать Коран с кассеты.

Одно время он постоянно слушал одну и ту же песню: «Акса, ты не одна». Такие записи можно купить в Старом городе. Торговец выставляет свой товар под массивной каменной аркой при входе на базар. Ящики и стеллажи полны кассет, компакт-дисков и DVD. Почти всё здесь — пиратские копии. Голливудские фильмы (в основном боевики, триллеры и военные фильмы), много DVD с портретом Аделя Имама — египетского комика, которого Саид раньше очень любил. Если спросить у торговца, можно получить и фильмы о мучениках из «Бригад мучеников Аль-Аксы» и компакт-диск с любимой песней Саида.

«О Акса, ты не одна, наши сердца защищают тебя», — поет мужчина. Хор повторяет за солистом припев, как и все остальное. Пение сопровождают только восточные барабаны — *дарбуки*. На палестинском диалекте эти небольшие инструменты называются *табле*. Речь в песне идет о мечети Аль-Акса в Иерусалиме и ее огромном значении для мусульман. Воспеваются их воля защитить мечеть от врагов. «Мы встречаем смерть с улыбкой» — так описывается готовность пожертвовать собой. Цитируется Коран, упоминаются события времен Мухаммада. Основной тон — это уверенность в победе: «Мы не приемлем капитуляцию. Свет твоего утра близок».

Все больше знакомых Саида выходили на улицы, чтобы сражаться с израильскими военными. Они бросали в военную технику камни и скрывались в узких переулках, куда невозможно въехать. Протест Саида, однако, ограничивался только прослушиванием песен и бойкотированием товаров израильского производства. Об этом вспоминает его мать. Они вместе ходили за покупками, и Саид оплачивал продукты. Мать захотела мороженого, и он передал ей одно. «А почему себе не взял?» — спросила она. «Я бойкотирую израильские товары», — ответил он.

4

Быть взрослым Даниель в поисках пути Саид теряет друзей

Даниель //

Пасхальные каникулы 2003 года изменили жизнь Даниеля. Все свободное время он проводил у Нидаля, который стал его лучшим другом. Нидаль действительно, как и планировал, съездил в США поработать у родственников. По возвращении он с восторгом рассказывал о поездке. Ребята из баскетбольного

клуба называли Нидаля «болтуном», но Даниель внимательно слушал его рассказы. Старший товарищ по-прежнему импонировал ему. Нидаля рассказывал, что жил в гетто. Что видел, как его сосед из-за ста долларов стрелял в водителя такси. Что конфликты там решаются при помощи оружия. И Нидаля, конечно же, всегда при этом присутствовал и видел все своими глазами.

Помимо прочего, Нидаля рассказал и о происшествии в американском аэропорту. Якобы у него возникли проблемы с визой, и он устроил скандал, не забыв упомянуть и теракты 11 сентября 2011 года, так что его арестовали. В тюрьме он познакомился с латиноамериканцем из Пуэрто-Рико, и тот рассказал ему о настоящей жизни, объяснил ему, что в этой жизни *real*, а что — лишь *fake*^[13]. Большинство людей и вся общественная система — *fake*, и только гетто — *real*. Об этой-то настоящей жизни Нидаля и рассказывал с утра до вечера после возвращения в Саар.

Нидаля говорил на своем, особом языке — смеси немецкого и английского. Обращаясь к окружающим, он начинал или заканчивал предложение словом «старик». «Это что еще за *shit*^[14], старик?» Он ругался по-английски «*damn!*» («проклятье!»), потом снова переходил на немецкий. При этом делал вид, что больше не может выговаривать звук «р» — разучился в США. «Р» он превратил в «уэ», из «направо» получалось «напуэаво», из «Держи мяч!» — «Деуэжи мяч!»

«Он сделал из себя посмешище», — вспоминает один из игроков. Но Даниеля это не смущало. Ему казалось, что в маленький саарский городок спустилась с экрана звезда из фильма о гетто. Нидаля разговаривал как актеры в фильмах, как рэперы в песнях. Он одевался как они, двигался как они, и, кроме того, он пожил настоящей жизнью гетто. По крайней мере, так он говорил. И потому он был настоящим, пусть даже только для Даниеля.

Всё — fake, нет ничего real //

Нидаля и Даниель все больше отдалялись от других. Их дружба крепла, но Даниель постепенно терял остальных друзей. Те не знали, как себя с ним вести, ведь он всё больше походил на Нидаля. Изменился даже его внешний вид. Теперь он носил дорогие брендовые вещи наизнанку. Внешняя сторона футболки теперь была внутри, логотипа больше не было видно. Девизом стало «Нет — коммерции!» Похоже, Даниелю и Нидалю нравилось, что в дорогих, но надетых наизнанку вещах они еще больше бросались в глаза. Чтобы быть *real*, они пошли еще дальше. Теперь они слушали только Dead Prez: лишь эта группа играла хип-хоп, который для них был *real*. «Правы только они, все остальное — *shit*», — заявил Нидаля ребятам из баскетбольной команды.

Группа Dead Prez состоит из рэперов stic.man и M-1, которых в обычной жизни зовут Клейтон Гейвин и Мутулу Олугбала. Название Dead Prez образовано от словосочетания *dead presidents*^[15] — так на сленге называют долларовые купюры, поскольку на многих из них изображены покойные президенты. Dead Prez — очень политизированная группа: в их песнях речь часто идет о дискриминации чернокожих. Эта тема по-прежнему очень интересовала Даниеля. Нидаля решил, что только группа Dead Prez противостоит коммерции, мейнстриму, что только они — *real*. И ему было неважно, сколько эти рэперы именно благодаря своей позиции зарабатывали на концертах и на продаже альбомов. На пасхальные каникулы родители Нидаля уехали в отпуск, и Даниель переехал к нему. Две недели они

прожили вместе. Часто у них бывал еще один приятель, Махмуд. Он участвовал во всех затеях друзей, но особо не выделялся. «Махмуд был довеском Нидаля, потому что у него была машина», — считали баскетболисты. Они знали Махмуда и его автомобиль «Форд Фиеста» по клубу. В те каникулы все дни Нидаля, Махмуда и Даниеля протекали по одному и тому же сценарию: с утра до ночи они пили шнапс, курили марихуану и разговаривали, находясь под сильным воздействием того и другого. Важной темой стал для них ввод американских войск в Ирак. В марте 2003 года американские солдаты вошли в страну, чтобы свергнуть диктатора Саддама Хусейна. Нидаля критиковал эту войну. Его арабские корни играли немаловажную роль в его критическом отношении к действиям США. Может, это война американцев против всего арабского мира? Чего они вмешиваются? Кто сможет их остановить? Парни быстро пришли к согласию: единственным злодеем в этой игре были Соединенные Штаты. О злодеяниях иракского диктатора речь, скорее всего, не заходила. Они интересовались числом жертв действий американских военных. Сколько погибло гражданских лиц? Сколько среди них было детей? События иракской войны радикализировали воззрения Даниеля, чему немало способствовали и речи Нидаля.

От критики США они перешли к критике всего западного мира, «системы». В этой системе всех интересует только зарабатывание денег, никому нет дела до сути. Все люди там — *fake*, всего лишь «шестеренки общественного механизма». В последний раз так глубоко Даниель задумывался, наверное, когда ему было лет тринадцать. Тогда он все в мире подвергал сомнению, а его отец думал, что ему помогут труды Шопенгауэра. В лице Нидаля Даниель нашел собеседника, который все объяснял гораздо проще, для которого существовало только хорошее или плохое, который занимал однозначную позицию. Нидаля излучал авторитет, Даниель доверял ему и готов был следовать за ним — все равно куда. Их дружба казалась нерушимой. «После этих роковых пасхальных каникул все люди стали казаться Даниелю *fake*», — вспоминает один из его бывших друзей; он тоже стал для Даниеля частью «ненастоящего» мира. После тех каникул Даниеля будто подменили, и он больше не искал контакта с другом. Друг наговорил ему на автоответчик сообщение и даже написал письмо. Он писал, что очень жалеет, что они больше не дружат. И что он всегда готов возобновить отношения, если Даниель этого захочет. Но Даниель не отреагировал ни на звонок, ни на письмо. Дружба закончилась.

Школа надоела //

Отношение Даниеля к школе — а он был в одиннадцатом классе — также изменилось. У него пропала всякая мотивация, он даже хотел бросить учебу. Но для этого требовалось согласие отца: ведь ему еще не было восемнадцати. Отец не возражал, но одна из учительниц попросила его не давать согласия. Даниель хорошо учится, у него всё наладится, надеялась она. Отец прислушался к ее совету, и Даниель был вынужден продолжать ходить в школу. Но при этом он не выказывал никакого интереса к тому, что происходило в классе. «Какие технические приемы нужно соблюдать при правильном выполнении переворота назад?» — так звучал один из вопросов по теории спорта. Таких приемов было шестнадцать. Даниель выбрал этот предмет, потому что хотел в двенадцатом классе посещать спецкурс по спорту. Но теперь для него все это оказалось под вопросом.

Учитель, знавший его много лет, попытался поговорить с ним о его проблемах. Они разговаривали наедине в одной из школьных аудиторий. Одна из учениц случайно оказалась у двери. Она не знает, как протекал разговор, но слышала, как он закончился. Рассерженный учитель выбежал из класса, качая головой. «Ему уже ничем не поможешь», — якобы сказал он. Ситуацию попытался исправить другой учитель. Он попросил одноклассников уделять Даниелю больше внимания. Может быть, пригласить его куда-нибудь в выходные. («Мне бросилось в глаза, что он был как бы в изоляции. У других голова была забита девушками и всякой другой ерундой. Он же ни о чем таком не думал».) Один из учеников спросил Даниеля, что случилось, почему он так отдалается от других. Даниель даже не обратил на него внимания. «Мы не можем до него достучаться», — сказал ученик обеспокоенному учителю. Даниелю казалось, что его одноклассники — совсем еще дети, что их слишком мало интересуют мировые проблемы. Он явно чувствовал свое превосходство над ними. Он вытатуировал на руках два слова: *Truth*, «истина», и *Strength*, «сила». В классе это ни на кого не произвело впечатления. Но мнение одноклассников больше не интересовало Даниеля. Главным для него было — что скажет Нидадь, а тот считал такого рода вещи *real*.

Для них двоих наркотики стали обычным делом. Одноклассники вспоминают, как Даниель являлся на уроки совершенно «обкуренный». И баскетболистам из клуба бросалось в глаза, как много оба употребляли «наркоты». Некоторые из баскетболистов тоже покуривали время от времени, но Даниель после пасхальных каникул «постоянно был под кайфом». Вскоре Нидадь и Даниель начали продавать наркотики знакомым. Ходили слухи, что «у Нидаля всегда есть травка». Он продавал наркотики по той же цене, что и другие мелкие торговцы, но делал из этого целое представление. Один из баскетболистов вспоминает, что Нидадь разыгрывал сцену передачи товара, как в фильмах о гетто. Он натягивал капюшон и здоровался с покупателем за руку, передавая ему при этом крошечный пластиковый пакетик. «С таким же успехом он мог держать в руках светящуюся рекламу „НАРКОДИЛЕР“», — говорит баскетболист. Даниель действовал более осмотрительно. В гимназии Нойнкирхена он был не единственным, кто курил травку. От школьного двора к асфальтированной дороге через небольшой лесок ведет тропинка. По ней можно дойти до профессионального училища. На этой тропинке и покупался «товар» — наркотики, упакованные в алюминиевую фольгу. «Так они выглядели тяжелее», — объясняет один из учеников, который тоже был покупателем. «Это были не настоящие дозы, скорее так — чтобы денег со школьников поснимать». «Марихуану было достать легко, кокс — через знакомых, с ЛСД было сложнее», — говорит тогдашний школьник. Нидадь и Даниель ограничивались марихуаной и торговали преимущественно в родном городке, а не в столице округа, Нойнкирхене. «Их лучшие клиенты — они сами», — смеялись в баскетбольном клубе.

Нидадь и Даниель все чаще служили поводом для пересудов среди знакомых. Почти после каждого выходных ходила новая история об их приключениях. Однажды товарищ по баскетбольному клубу увидел Даниеля в машине на заправочной станции. Это было странно, потому что у того еще не было водительских прав. Другие тоже видели его в то время за рулем.

Похоже, слухи о поведении Даниеля не доходили до его отца, а с матерью он не общался с тех пор, как в ноябре 2001 года переехал жить к отцу. Можно предположить, что и она не знала, насколько изменился ее сын с тех пор.

В августе 2003 года Нидадь и Даниель снова привлекли всеобщее внимание. Рассказывали, что они кого-то избили в Саарбрюккене. Эта история оказалась правдой, и существует ее документальное подтверждение. Сначала Нидадь и Даниель напились, потом катались на машине и искали, на кого бы напасть. Они выбрали какого-то мужчину и нацелились на его рюкзак. Они вдвоем напали на него сзади, ранили его и убежали с добычей в 50 евро. Нидадь купил на них бутылку «Реми Мартена», а час спустя они избили еще одного человека. Когда их задержала полиция, у Даниеля нашли сигнальный пистолет и марихуану.

Всего за несколько месяцев до того Даниель и Нидадь критиковали западный мир, клеймили систему и, накурившись, жаловались на несправедливость мира. И вот они уже превратились в преступников. После этих нападений местная газета писала о «шайке грабителей и бандитов». Даниель хвалился перед знакомыми первой ночью, проведенной в тюрьме. Многим из них памятна фраза «*Jo, night in jale*»^[16]. Его отец ничего не сказал по этому поводу и не предпринял никаких воспитательных мер. Спустя годы Даниель назовет этот поступок «выплеском» своего «разочарования в мире».

В школе также ходили слухи об августовских нападениях. Учитывая странное поведение Даниеля в последние месяцы, этому никто особенно не удивился. Даниель уже давно не жил жизнью класса, часто отсутствовал, на уроках сидел безучастно. Едва начался двенадцатый класс, Даниель бросил гимназию в Нойнкирхене. Это произошло в тот день, когда ему исполнилось восемнадцать. По достижении совершеннолетия подпись отца больше была не нужна. В аттестате Даниеля восемь оценок «удовлетворительно», три «отлично» (история, политика, религия), две «хорошо» (физика, физкультура) и одна «удовлетворительно с минусом» (биология).

Отъезд в Бразилию //

Ясно, что Даниелю казалось бессмысленным сдавать выпускные экзамены. Он больше не хотел быть адвокатом. Но он не говорил, какую профессию выбрал теперь. У него, у Нидаля и их приятеля Махмуда были другие планы. «Мне осточертела Германия», — якобы сказал он однокласснице. Парни хотели уехать из Германии, «соскочить», причем навсегда. Они обсуждали это еще на пасхальных каникулах. «Вернуться к истокам. Жить в гармонии с природой» — так звучали их планы. Джунгли — самое естественное место на Земле, считали они. Они хотели жить на берегах Амазонки, в Бразилии.

Они придумали, как подготовиться к новой жизни, причем подобное могло прийти в голову, пожалуй, только в результате ежедневного употребления наркотиков. Все вместе они ходили в зоопарк Нойнкирхена, думая, что смогут общаться с содержащимися там животными. Приобретенный таким образом опыт они хотели потом использовать при общении с дикими животными Бразилии. Они хотели говорить с животными, жить с ними вместе, стать с ними на одну ступень. Даниель рассказывал ребятам из *crew*, хип-хоповской тусовки, как они, обкурившись, пытались разговаривать с леопардами.

Через несколько дней после того, как Даниель оставил школу, он попрощался с отцом. Даниель напрасно пытался убедить отца отправиться вместе с ним в

джунгли, «соскочить». Чтобы собрать денег на дорогу и чтобы «освободиться от всего имущества», Даниель продал знакомым всё, что не хотел или не мог взять с собой в Бразилию. За две коробки дисков с записями хип-хопа он выручил тридцать евро. Плюс его сбережения, в том числе те деньги, что он заработал в летние каникулы. Кроме того, молодые люди немало заработали на продаже наркотиков. Всего у Даниеля набралось четыре-пять тысяч евро.

Приятель из баскетбольного клуба отвез Даниеля в аэропорт. Приключения в джунглях продлились всего несколько часов. Даниель, Нидаль и Махмуд не учли москитов, а также опасности болезней и сильного солнечного ожога. Вскоре после прибытия их фантазии превратились в кошмарный сон. При этом неясно, кто из них троих и насколько серьезно собирался жить в джунглях. Вот как Нидаль объяснял знакомым, почему он выбрал Бразилию: «Большие сиськи, пляж и солнце». Однако велика вероятность, что «стопятидесятипроцентный» Даниель действительно считал, что жизнь в джунглях — это то, что ему необходимо. Он слышал о Рюдигере Неберге. Этот искатель приключений в течение длительного времени в одиночку пробирался сквозь джунгли, часто даже не имея необходимого снаряжения. Рюдигер Неберг произвел на Даниеля большое впечатление. Но вскоре он узнал, что для жизни в джунглях одного энтузиазма недостаточно.

После вылазки в джунгли Даниель с товарищами направились в маленький бразильский городишко. Там они вернулись к жизни, которую вели в Сааре: курили марихуану, употребляли алкоголь, проводили время за высокопарными разговорами.

К этому добавилось общение с женщинами, отнюдь не бесплатное. Через два месяца от денег Даниеля ничего не осталось. Он позвонил отцу, попросил его о денежной помощи и пообещал всё вернуть. Отец перевел ему сумму, которой хватило на обратный билет до Германии. Нидаль и Махмуд остались в Бразилии.

В Бразилию Даниель отправился неопытным мальчиком. Когда он улетап обратно, его бразильская подружка была беременна. Но он не хотел бросать ее на произвол судьбы. Он хотел зарабатывать в Германии и помогать ей. По возвращении он работал в «Бургер Кинг» и в компании по заправке картриджа для принтеров. Он запомнился начальнику. «У него были странные взгляды на жизнь. И очень радикальные высказывания», — вспоминает предприниматель, не вдаваясь в подробности. Даниель сортировал товар на складе, доставал из коробок пустые картриджи. Его рабочие часы приходились на вторую половину дня.

По возвращении из Бразилии он наведася к старым друзьям-баскетболистам. Он сидел на трибуне, где во время тренировки обычно никого не бывает, и читал книгу Майкла Мура. Одному из игроков, который подошел поздороваться, он показал главу «Жирные тетушки на пособии». Американский автор бичует на этих страницах транснациональные корпорации («жирных тетушек»), которые имеют миллиардные прибыли и тем не менее претендуют на государственные субсидии. «Фирмы загребают больше денег налогоплательщиков, чем люди, пытающиеся обогреть квартиру керосинкой, и делают они это по гораздо более сомнительным причинам», — пишет критик капитализма.

Но разговор о книге не сложился. «После возвращения Даниель стал копией Нидаля», — вспоминает один из баскетболистов. Даниель говорил, что всё вообще — *fake*, «ненастоящее». Всё в Германии — *shit*. Везде действуют «двенадцать правил» (какие — он не уточнял). О своей неудаче в Бразилии он, очевидно, не рассказывал. По нему не было заметно, что все вышло не так, как он себе представлял.

Рухнули последние мечты //

У одного из своих лучших друзей по хип-хоповской тусовке Даниель попросил денег. «Ему были нужны 1000 евро, он хотел купить винтовку, потом раздобыть побольше денег, ограбив кого-нибудь, и уехать обратно в Бразилию». Ответ друга означал для Даниеля конец дружбы: «Ты совсем обалдел!» Друг огорчился: он «хотел бы дружить с ним с прежним». Теперь им не о чем было говорить.

Даниель был вынужден и дальше добывать деньги законным путем. Свой заработок он отсылал Нидалю и Махмуду в Бразилию. Они должны были отдавать деньги беременной подружке Даниеля. Но они этого не делали. А Даниель не знал, как ему наладить контакт с бразильяночкой: он плохо говорил по-португальски, она — по-английски.

В какой-то момент он узнал, что у нее был выкидыш; скорее всего, ему об этом сказал Нидаль. Поэтому Даниель решил не возвращаться в Бразилию — ни к Нидалю и Махмуду (чьё поведение его очень разочаровало), ни к подружке. Почему он не хотел ее увидеть и утешить после выкидыша — вопрос, на который он и сам, возможно, не смог бы ответить. Однако бросается в глаза, что с годами ему, как видно, было всё труднее поддерживать отношения. Не важно — с друзьями, с подружками или даже с собственной матерью.

В апреле 2004 года, спустя почти год после возвращения из Бразилии, он должен был предстать перед судом в Сааре. Слушалось дело о прошлогодних нападениях. Это судебное разбирательство, возможно, стало одной из причин отъезда в Бразилию. Но теперь, после возвращения в Германию, у Даниеля не оставалось выбора. Суд приговорил его к двум неделям заключения и 250 часам общественных работ. В тюрьме и в доме престарелых, где он отработывал свои часы, у него было время о многом подумать.

О чем в это время размышлял Даниель, знает только он. С тех пор как он подружился с Нидалем, все шло наперекосяк; он потерял контроль над собственной жизнью. Возможно, он осознал, что его жизнь в действительности вовсе не была *real*. Какие из собственных ошибок он признал, мы не знаем; также неизвестно, в каких из них он обвинял других. Одно можно утверждать с уверенностью: в будущем он больше не собирался попадать в тюрьму — у него были другие планы. Даниель решил завербоваться в бундесвер: он хотел стать фельдфебелем (это была идея его отца). Но ему отказали. Он растерялся, потому что рядом не было Нидаля, не было человека, который сказал бы ему, куда двигаться дальше, и он продолжил поиски. В конце концов он нашел новое место работы и нового друга. Друга звали Хусейном. Это был прилежный, верующий мусульманин — во всяком случае, так казалось на первый взгляд. Нидаль остался в прошлом — теперь Даниель следовал за Хусейном.

Саид //

Мальчик со стройки по имени Тейссир стал Саиду лучшим другом. Фотограф запечатлел обоих на рабочем месте. Правой рукой Тейссир небрежно обнимает Саида за плечи. На Саиде клетчатая рубашка, голова повязана платком для защиты от солнца. На этой фотографии Саиду лет пятнадцать-шестнадцать. Он смеется от всей души. Ни на одной из немногих более поздних фотографий, сохранившихся у родителей, он не выглядит таким счастливым. И это несмотря на то, что фотография была сделана в тяжелые времена. Конца Второй интифады не предвиделось. Палестинские смертники взлетали на воздух в Израиле. Израильские солдаты занимали города, арестовывали жителей, которых считали закулисными организаторами терактов. Израильцы создавали все больше контрольно-пропускных пунктов, и палестинская экономика рухнула, как и во время Первой интифады. Найти работу было фактически невозможно. Особенно трудно приходилось мужчинам в возрасте отцов Саида и Тейссира. А вот мальчикам устроиться было легче. Они всегда находили какую-нибудь работу, часто физически очень тяжелую, на которую не брали более старших.

Оба приятеля работали на строительстве школы по восемь-десять часов в день. Они носили мешки с цементом, а также выполняли другую черную работу. В конце рабочего дня каждый получал на руки деньги — в пересчете по восемь евро; если рабочий день затягивался, то немного больше. Вечером Саид по-прежнему отдавал деньги отцу. Тейссир тоже отдавал заработок в семью. Отец Саида хотя бы время от времени находил работу, а вот в семье Тейссира дела обстояли хуже. Его отец не мог найти места и вынужден был рассчитывать только на восемь евро, заработанных Тейссиром, да на помощь других работающих родственников. Большие и разветвленные семьи часто образуют кланы, где все поддерживают друг друга. Особенно повезло тем, у кого были родственники за границей: там можно было заработать больше, чем в Наблусе. Они переводили деньги, помогали купить квартиру или участок земли.

В семье Тейссира таких родственников не было. Зачастую денег хватало лишь на самое необходимое.

На рынках Старого города продавались дешевые овощи и фрукты. У некоторых жителей лимоны, апельсины и инжир росли в собственных садах. Но мясо было очень дорого, и ежемесячно приходилось много платить за электричество и квартиру. Почти нереально было купить машину или оплатить медицинскую страховку. Лишь очень немногие жители Наблуса были достаточно застрахованы от болезней и несчастных случаев. Не каждый мог позволить себе визит к зубному врачу.

Экспансия насилия //

Жизненные пути Тейссира и Саида были очень схожи, и, может быть, поэтому они так хорошо понимали друг друга. Тейссир был спокойным подростком; он старался избегать ссор. Он рано бросил школу, потому что ему, по словам родителей, «не хотелось учиться». Но дальнейшие расспросы выявили то, в чем мало кто любит признаваться: еще до начала интифады семья испытывала материальные трудности, и ей был необходим заработок Тейссира. Со школьной скамьи он отправился прямо на стройку. Там он познакомился с Саидом, который был на год младше его. 2 марта 2002 года — Саиду было тогда семнадцать — их дружба трагически оборвалась. Тейссира застрелили израильские солдаты. Обстоятельства трагедии неизвестны. Родители Тейссира говорят, что он не

принадлежал к сопротивлению. Некоторые факты подтверждают их слова, другие же опровергают. ХАМАС напечатал плакаты с портретом Тейссира, но то же самое сделал ФАТХ. Боевиков на плакатах обычно изображают на фоне Купола Скалы и с оружием в руках. Но для плаката с портретом Тейссира была использована его паспортная фотография, предназначавшаяся для водительских прав. Во время Второй интифады многие погибли из-за несоблюдения комендантского часа. Или просто потому, что оказались не в том месте не в то время и попали в перестрелку. Родители Тейссира напечатали собственные плакаты с той же паспортной фотографии. На них он именуется «героическим мучеником джихада, присоединившимся к каравану героических мучеников». Над портретом Тейссира напечатаны строки из Корана: «Среди верующих есть мужи, которые верны завету, данному ими Аллаху. Среди них есть и такие, которые исполнили свой обет, есть и такие, для которых срок его исполнения еще не наступил, но они ни в коей мере не изменили завету» (сура 33, аят 23)^[17]. Такие плакаты часто печатали вне зависимости от того, был ли изображенный на них человек боевиком или погиб случайно.

Для Саида все это не имело значения. Он потерял друга. Отец вспоминает, что он вернулся домой в слезах. «Мой друг — мученик», — сказал Саид и ушел к себе в комнату. В похоронной процессии участвовали сотни людей, и среди них был Саид. Тейссира положили на носилки; мужчины, сменяя друг друга, пронесли его от больницы до центральной площади. Эта площадь носит имя Хусейна в честь иорданского короля, но многие называют ее Площадью мучеников. Плакаты с изображением мучеников развешены на фонарных столбах, на стенах зданий и на тяжелых металлических дверях магазинов. Когда вечером магазины закрываются, вместо витрин видны лица мучеников. На этой площади часто молятся во время похоронных процессий.

Тело Тейссира обернули палестинским флагом. На голове у него была куфия — белый платок с черным орнаментом. Этот головной платок был отличительным знаком Ясира Арафата, тогдашнего президента палестинцев. Он также был символом борьбы против Израиля за независимость Палестины. Младший брат Тейссира сидел на плечах взрослого мужчины. На лбу у него была черная повязка с желтой надписью на арабском: «Нет божества, кроме Аллаха». Эта фраза — первая часть исламского Символа веры, в котором выражено такое же представление о Боге, как в иудаизме и в христианстве: согласно всем трем религиям существует лишь один Бог. «Аллаху Акбар» («Бог — величайший») — эту фразу постоянно повторяют во время похорон мучеников. Часто кто-нибудь идет впереди процессии и произносит в мегафон фразу, которую затем все произносят вслух хором.

От Площади мучеников людские толпы направились дальше, к Восточному кладбищу, расположенному на склоне холма. Там среди белых надгробных плит растут редкие пальмы. Мужчинам, несущим тело, все время приходилось останавливаться, потому что люди хотели прикоснуться к мученику. Толчея началась уже в больнице. Гроб с телом Тейссира установили в помещении, выложенном белой плиткой. Его отец хотел помолиться за него. «Да будет Бог милостив к тебе, мой сын, — воззвал он. — Пусть рай станет твоим последним приютом». Помещение постепенно наполнялось людьми, все хотели видеть мученика, поцеловать его в лоб и щеки. Кто-то ухватился за Тейссира и за

носилки и не хотел отпускать, и так он продержался около тридцати секунд, пока его не оттеснили другие. Отец Тейссира хотел покинуть помещение, он кричал, плакал, но люди всё прибывали, протискиваясь сквозь узкий вход. Сохранилась видеозапись происшедшего.

Фотографии и видео похорон часто выкладывают в Интернете. Некоторые снимают такие процессии на мобильный телефон и затем рассылают фото, особенно если хоронят друзей или членов семьи. Фотографиями умерших обмениваются и показывают их гостям.

Разрушенный дом //

После похорон Тейссира Саид часто навещал его отца. Он заглядывал фактически через день и задавал одни и те же вопросы: «Как дела?», «Я могу что-нибудь сделать для вас?», «Если вам что-нибудь нужно...». Отец Тейссира хорошо помнит вежливого молодого человека. Саид был очень опечален, и отец, возможно, только теперь понял, насколько дружны были мальчишки. Саид все время говорил, что хочет снова увидеть Тейссира. Но разговоры не затягивались надолго. «После смерти Тейссира голова Саида как будто опустела», — вспоминает отец друга.

Не прошло и месяца после смерти Тейссира, как семье Саида пришлось переехать. В центре города, где располагалась их квартира, стало слишком опасно. Израильтяне и палестинцы вели ожесточенные бои. Израильская армия уничтожала в Старом городе дома, где, по их предположениям, базировался противник. При этом рушились и соседние здания. Похожая ситуация была и в Дженине, расположенном менее чем в часе езды от Наблуса. Палестинская газета «Аль-Кудс» писала в начале апреля о «десятках мучеников и сотнях раненых». Ситуация в Наблусе еще больше обострилась после того, как палестинец совершил теракт в израильском городе Натания. Он подорвал себя вместе с десятью килограммами взрывчатки. Было много погибших и более 140 человек получили ранения — гораздо больше, чем обычно. Последовали и другие теракты.

Переезд семьи Саида, как и многих сотен палестинцев, напоминал бегство. Времени паковать вещи не было, большую часть имущества пришлось бросить. Саид хотел остаться, но мать настаивала на отъезде. Он упорствовал, но потом все же отправился вместе со всеми на гору, подальше от Старого города. Звуки взрывов и перестрелка в долине доносились и туда. Паника так подействовала на Саида, что он упал в обморок и очнулся только в доме дяди. Семья собиралась пробыть там несколько дней. Первым рискнул вернуться старший брат Саида. Он рассказал родителям по мобильному телефону, что квартира разрушена.

Мать Саида узнала, что в их доме скрывались вооруженные палестинцы. Возможно, поэтому израильские войска взяли здание на прицел и решили похоронить боевиков под обломками. Или они хотели показать другим палестинцам, что не нужно оставлять свой дом бойцам сопротивления. Для Саида это роли не играло: его дом лежал в руинах. Его любимый кузен вспоминает, что Саид испытывал гнев и отчаяние. Семья кузена жила не в центре, и война пощадила их дом. «Мы чувствовали гнев Саида, хотя он ничего не говорил», — вспоминает кузен. По крайней мере, ему Саид ничего не говорил.

Мазен Фрайтах был активным членом «Бригад мучеников Аль-Аксы» в Наблусе. Он разделял гнев Саида и искал соратников. Мазен участвовал в

сражениях с первых дней Второй интифады; он продал квартиру, чтобы купить на черном рынке оружие — винтовку М-16. Его дом тоже был разрушен израильскими солдатами. Погибли две его тетки, старшая сестра стала инвалидом. Когда бои в центре города достигли апогея, Саид потерял еще одного знакомого. Погиб брат его друга Рами. «Израильские военные знали, что он был в сопротивлении», — говорит Рами. Друг вспоминает, что никогда еще не видел Саида в таком отчаянии: «Когда Саид узнал, что мой брат погиб, он поклялся, что вернет его кровь. Я был поражен, услышав это. Но подумал, что он так говорит, потому что находится в шоке».

В некоторых частях города израильское командование запретило жителям покидать свои дома. Когда запрет на два часа сняли, состоялись похороны брата Рами. В них приняли участие двадцать-тридцать человек, а не сотни, как на похоронах Тейссира. Погибших становилось все больше, их всех нужно было хоронить. К тому же большинство жителей старались закупить продуктов и уладить другие бытовые дела, пока запрет снова не вступил в силу. Времени на то, чтобы отдать последние почести мученикам, уже не оставалось.

Саид был одним из немногих, кто присоединился к похоронной процессии. Вместе с остальными он нес носилки с телом брата Рами на своих плечах до могилы. На установленной позже надгробной плите — вновь строки из Корана: «Среди верующих есть мужи, которые верны завету, данному ими Аллаху...». На белом камне начертано не *кабр* («могила»), *адары* («мавзолей») — распространенное обозначение мест упокоения мусульманских святых и героев; так обычно называют могилы мучеников. На могильной плите в виде фотоколлажа изображен Купол Скалы, а под ним надпись красным цветом — «Бригады мучеников Аль-Аксы».

Нужно что-то делать //

После того как был разрушен его дом и погиб брат Рами, Саид начал частенько заговаривать со своим кузеном о молодых людях из сопротивления. «Нужно что-то делать», — якобы говорил он. Боевики, погибавшие как мученики, производили на него сильное впечатление. Кузен не поддерживал его в этих размышлениях. Саид сильно отличался от того молодого человека, которого он знал раньше. Кузен боялся за него. Но он никогда не думал, что Саид когда-нибудь решится на теракт. Любимой тете Саида такое тоже не приходило в голову. Племянник приходил к ней смотреть телевизор. В новостях сообщали о терактах палестинцев в Израиле. Саида такие известия радовали. «Я горжусь мужчинами, которые проводят такие операции», — якобы сказал он ей. Его больше не интересовала соседская девушка, которую он когда-то называл «моя любовь». Это очень удивляло его кузена: многие ровесники Саида обзаводились тайными подружками. Они слали друг другу эсэмэски и перезванивались, когда никто их не слышал. Они ходили в интернет-кафе и писали друг другу мейлы. Они общались в чате, даже если жили на одной улице. Молодые люди покупали девушкам подарки в парфюмерном магазине или в магазине компакт-дисков. Упакованный подарок продавец откладывал на имя девушки, и та сама его забирала.

Саид все реже вспоминал о соседской девушке и все чаще о гуриях (так в Коране называются райские девы). «Когда девушки избегали его, он заявлял, что ему нужны гурии в раю», — вспоминает Рами. Он не придавал этому особого

значения; он не знал, насколько серьезны рассуждения Саида о рае и райских девах. Согласно хадисам (так называют письменные свидетельства изречений и деяний пророка Мухаммада) мученика в раю ожидают 72 девы. Хадисы насчитывают десятки томов. Одни свидетельства считаются надежными, другие — нет, причем нередко бывает, что некоторые мусульмане признают надежным хадис, который другим кажется сомнительным. Согласно хадисам мученика в раю ожидает высокое положение. Он может провести в рай определенное количество родственников.

В Наблусе во время войны было много разговоров о рае. Подобные дискуссии подогревались многочисленностью жертв Второй интифады. Представления о рае у женщин и мужчин примерно одинаковы. В раю нет болезней, нет ран, нет проблем, нет бедности, нет печалей. Всем обитателям рая примерно по тридцать лет. В раю сколько хочешь еды и сладкого вина, которое не пьянит. Там не нужно ни о чем беспокоиться, всё дается само собой. Обитатели рая живут в огромных дворцах, покоятся на прекрасных ложах и ни о чем не тревожатся. Схожий образ создают суры Корана. Мы можем прочитать о «райских садах, в которых текут ручьи» (сура 3, аят 15), о «ложах», «подушках» и «коврах» (сура 88, аяты 13, 15, 16).

Такие рассказы если и не мотивировали Саида, то по крайней мере примиряли его с тем, что он задумал. А он искал контакта с «Бригадами мучеников Аль-Аксы». Неизвестно, когда он впервые присоединился к ним. Дети и подростки часто бежали за боевиками, когда те маршировали по Старому городу. Вооруженные мужчины были для них героями и примером для подражания. В них видели защитников и борцов против израильской оккупации. Для Израиля и других западных стран они были террористами. Когда отец Саида услышал, что его сын следует за боевиками в Старом городе, он лично забрал его оттуда. Он боялся за него. Для Саида это была, конечно, неловкая ситуация. Саид все чаще ходил к жившему по соседству Мазену Фрайтаху. Фрайтаха часто называли «шейх Мазен» — так обычно обращаются к очень религиозным людям. Саид знал, что Мазен был не последним человеком в «Бригадах мучеников Аль-Аксы». Для любимого кузена не было секретом, что Саид и Мазен часто виделись. Остальным это тоже бросалось в глаза. Но никто не мог и подумать, что Саид действительно готовил теракт.

Его родители заметили только, что примерно с мая 2002 года он каждый день на два часа исчезал из дома. Они не знали, куда он уходил и зачем. Его объяснения звучали не слишком убедительно, но правду он не мог открыть никому.

5

Путь к вере

Даниель находит дорогу к исламистам

Саид открывает для себя мечеть

Даниель //

Хусейн довольно хорошо играл в баскетбол. Даниель познакомился с ним летом 2002 года на одной из игр. Тогда их знакомство так и осталось просто знакомством. Дружить с ним Даниель не хотел. Своим поведением Хусейн

выделялся среди баскетболистов. Этот уроженец Ливана постоянно говорил об Аллахе, о его деяниях, о том, как должен жить истинный мусульманин, что ему делать запрещено (*харам*), а что разрешено (*халяль*). Даниель спорил с ним, пытался убедить его в правоте атеизма, показать, как мало смысла в том, о чем рассказывал Хусейн. Но Хусейн оставался непоколебим. И в какой-то момент Даниель стал избегать этих разговоров. Позже он назовет их «напряжными». В течение следующих лет он лишь изредка видел Хусейна.

Но после того как Даниель вернулся из Бразилии, их разговоры стали более частыми. Теперь ситуация изменилась: Даниель бросил школу в Нойнкирхене и не нашел спасения на берегах Амазонки. Бегство из западного мира окончилось неудачей, его «натуралистическое мировоззрение» (как он это называл) оказалось мыльным пузырем; вместо того природа научила его испытывать страх. Он работал в Саарбрюккене, узнал о выкидыше, случившемся у его бразильской подружки. Друзья Нидадь и Махмуд были далеко, к тому же они его разочаровали. Заманчивые картины, когда-то привидевшиеся ему в наркотическом дурмане, потеряли привлекательность при ярком солнечном свете. Потом он отсидел срок за телесные повреждения в тюрьме для подростков. Он оказался на самом дне и, вероятно, нуждался в поддержке родных. Но не получил ее. Отец был болен, с матерью он не общался уже много лет. Даниель сам так решил, да и отец требовал этого.

Пережив в течение года все эти удары судьбы, Даниель стал внимательнее прислушиваться к Хусейну, меньше возражал и начал соглашаться с его аргументами. Он хотел больше узнать о религии, о которой с таким восхищением рассказывал Хусейн. Они часами разговаривали об исламе. Подробности тех разговоров известны только им двоим. Но точно известно, что Хусейн хотел, чтобы Даниель сменил веру и стал мусульманином.

Тот, кому довелось вести подобные разговоры с людьми типа Хусейна и читать брошюры для новообращенных, легко может представить себе их беседы. Один из тех, кто оставил среду исламистов, помог нам реконструировать возможный диалог, который приводится ниже. Примерно так мог выглядеть разговор между людьми в ситуации Хусейна и Даниеля: между радикальным мусульманином, вербующим новичка, и человеком, испытавшим много неудач и ищущим новые ориентиры. Если Хусейн и не говорил чего-то из нижеизложенного или говорил несколько иначе, Даниель вполне мог услышать об этом из других источников. Возможно, их разговоры строились по-другому, но что касается содержания, идей, весьма вероятно, что они говорили на схожие темы.

О единственной истине //

По-видимому, Хусейн постарался создать располагающую атмосферу. Молодые люди пьют чай или, может быть, кофе, напряжение спадает, они чувствуют себя в безопасности; восточное гостеприимство противостоит немецкой отстраненности. Хусейн наводит мосты, беседует с Даниелем как с давним другом.

- Могу я тебя кое о чем спросить?
- Да, конечно, спрашивай.
- Как ты думаешь, для чего мы созданы?
- Слушай, у меня и так проблем хватает. Столько всего надо исправить.

— Ты хочешь контролировать свою жизнь? Хочешь создать фундамент? Но для чего?

Молчание.

Хусейн продолжает:

— Для чего ты живешь на свете? Может, ты, как другие, думаешь, что мы произошли от обезьян? Разве мы животные, такие же, как ослы и собаки? Животные не задумываются, для чего они живут. А мы задумываемся! Для того и создал нас Аллах — благословен Он и велик! Или ты думаешь, что мир возник случайно? Даниель не отвечает. Он слушает, хочет посмотреть, куда клонит Хусейн.

— Сегодня многие забыли о цели жизни. Будничные хлопоты поглотили их целиком. Смысл жизни — служить Аллаху. Благодарить Его за жизнь, поклоняться Ему. Ведь любое праведное деяние — поклонение Аллаху. Ты христианин?

— Крещеный. Но я больше не верю во всю эту ерунду, — говорит Даниель.

На губах Хусейна появляется осторожная улыбка. Он радуется, потому что вести подобный разговор с христианином гораздо легче. Людей, не получивших религиозного воспитания, уговорить перейти в ислам сложнее. Они подвергают сомнению все, в том числе и существование Бога. А если человек в течение многих лет практиковал какую-либо религию, пусть даже ребенком и подростком, как Даниель, значит, он, по крайней мере когда-то, верил в Бога. И потому более восприимчив к религиозным идеям, к переходу в другую веру.

— Не верить во всю эту ерунду у вас, христиан, не так уж сложно. Возьмем, например, Троицу. Ну как такое возможно? Истинно другое: Аллах был един, есть един и всегда будет един. Но мы тоже верим в вашего Иисуса. Для нас он — пророк. Его имя часто упоминается в Коране. Ты знаешь, что единственная женщина, которая в Коране названа по имени, это Мария? Даниель слушает внимательнее. Люди типа Хусейна дают понять, что хорошо разбираются не только в Коране, но и в Библии. Хусейн пытается обосновать ислам при помощи Священного Писания христиан.

— Даже в вашей Библии написано, что придет посланник! Это же про Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует. Он пришел, чтобы указать нам путь. Ты знал об этом?

Согласно христианству, речь в Библии идет не о Мухаммаде, а о Святом Духе, но кто из участников подобной дискуссии хорошо знает Библию? Хусейн использует любой пробел в знаниях Даниеля. Чем реже Даниель отвечает, тем смелее становится Хусейн.

— В ваших церквах — пусто. Вашим священникам не верят! Сердца холодны, как каменный пол. У вас кто-нибудь еще ходит по воскресеньям в церковь? А наши мечети полны. Мы все — как одна большая семья. Почему у нас так, а у вас иначе?

Даниель размышляет.

— Ты веришь в Бога? — продолжает обрабатывать его Хусейн.

— Да, верил раньше. Вообще-то вроде как и сейчас верю.

В другое время Даниель, может быть, закончил бы разговор или, во всяком случае, решительнее отстаивал бы свое мнение, чаще бы возражал. «Как же может существовать Бог, если в мире случается столько катастроф и войн? — мог бы спросить он. — Мы лишь шестеренки общественного механизма», — мог бы

ответить он религиозному фанатику и привести цитату из Карла Маркса, назвавшего религию «опиумом для народа».

Но после Бразилии Даниель стоит перед грудой обломков. А Хусейн предлагает ему метлу.

— Мы тоже верим в Создателя, как и христиане. Аллах послал пророков, и они принесли священные книги. Мы верим, что нами руководят, показывают нам путь. Ты не веришь, что Аллах указывает, что правильно, а что неправильно? Аллах не бросает нас на произвол судьбы, не предоставляет нас самим себе. Он дает человеку систему.

— Моя система достаточно запутанна, — пытается пошутить Даниель, имея в виду неразбериху последних лет. Хусейна интересуют подробности, и Даниель рассказывает, правда, не всё. Но некоторые события, относящиеся к периоду его наркотической зависимости, он упоминает.

Эта тема Хусейну подходит.

— В исламе нет наркотиков! Все одурманивающие вещества запрещены! Сколько автокатастроф случается в Германии каждый год по вине алкоголиков? Этого Даниель не знает.

— Сколько людей ежедневно умирает от наркомании?

Даниель продолжает молчать.

— Всё, через что ты прошел, имеет смысл. Все это было испытанием, посланным тебе Аллахом. Аллах хотел, чтобы все это произошло, чтобы ты потом нашел путь к нему. Аллах всемогущ.

Теперь Хусейн снова говорит о наркотиках, но не конкретно о Даниеле, а обо всем западном мире, и теперь его голос звучит резче:

— И это вы называете культурой? Западное общество погрязло в разврате! Наркотики и проституция — это вы называете свободой? Посмотри на женщин, как они выглядят! Неужели ты не видишь, что ислам мудрее? Что он лучше знает людей? Мы испытываем к женщинам уважение. Мы дорожим ими. У нас они не шляются по улицам, одетые как гулящие девки. Даниель вспоминает об обязательном ношении платка и спрашивает, при чем здесь уважение.

Хусейн рассчитывал, что рано или поздно этот вопрос прозвучит. Его задают все. Ответ готов заранее.

— Раньше и в ваших церквах все женщины покрывали голову платком. Но многие отпали от веры и потому больше этого не делают. Только ваши монахини все еще носят платки. А почему? Потому что они знают, что так нужно. А Мария? На всех изображениях ее голова покрыта. Почему ваши женщины больше не носят платка? Почему они ходят по улицам почти голые? В исламе женщина — это не девка, как у вас. Женщина в исламе — это королева, а ее платок — это корона! Своим сестрам Хусейн объяснил ту же проблему более жестко. В отличие от приведенного разговора, это не предположение, а достоверный факт: Хусейн заставил сестер носить платок.

Система с ясными правилами //

В воображаемом разговоре с Даниелем Хусейн теперь в своей стихии:

— Ислам — это система, которую дал нам Аллах! Человеку необходима система. В исламском государстве нет воровства. Мы придерживаемся правил, системы.

Даниель совершенно не разбирается в исламе и ничего не знает об исламском мире. Он не знает, что в мусульманских странах, как и везде, где живут люди, существуют проституция, наркомания и преступность. Только там это замалчивается больше, чем в других регионах. И все же Даниель недоверчиво переспрашивает:

— А как же насилие в мусульманских странах?

— Это всё неверные, оккупанты! Подумай о наших братьях в Палестине, в Ираке, в Афганистане, Аллах благослови их! Кроме того, многие мусульмане неправильно исповедуют ислам, не чисто. Кто правильно его исповедует, того ислам защищает от наркотиков; он защищает твою семью. Аллах знает, что нужно человеку.

И, не дав Даниелю возразить, Хусейн задает следующий вопрос:

— В Коране говорится о чудесах науки! Это доказано. Это подтверждают всемирно известные ученые! Ты знал об этом?

Даниель качает головой.

— В Коране говорится о таких вещах, которые ученые открыли лишь много столетий спустя. Как такое возможно? Это Аллах посылает нам знак! Никто не мог знать тогда об этих чудесах науки, только Аллах! В Коране объясняется, как возникли горы, облака, моря, как возникла вся Вселенная. Там говорится и о происхождении людей и даже об эмбрионах. Научно доказано, что Аллах создал человека.

Хусейн знает еще больше:

— В Коране говорится, что горы могут бегать. Сегодня мы знаем, что это так, что они находятся в движении. В те времена это знание могло прийти только от Аллаха. Кто не верит в эти чудеса, тот в наказание будет гореть в адском огне. Ты не веришь в ад? Но Коран говорит и о нем. Неверующих ждут там такие мучения, которых нет на этом свете. И вот теперь я спрашиваю тебя: если то, что говорится про горы, правда, то почему про ад должно быть неправдой?

Хусейн делает выводы из «чудес науки»:

— В Коране заключено истинное знание. Все доказательства налицо. Кто верит в науку, тот должен верить в ислам. Все остальное — ложь и неправда. Даниель вряд ли думает сейчас о Нидале. Хотя и тот когда-то объяснял ему разницу между правдой и ложью, между real и fake. Не прибегая к помощи Корана. Даниелю хорошо знакомо это нехитрое деление мира на добро и зло.

— Ты когда-нибудь читал Коран? — спрашивает Хусейн; ответ ему уже известен.

Даниель отвечает «нет», и Хусейн декламирует наизусть стих, не открывая книги. Если бы Даниель ответил «да», Хусейн продолжил бы расспрашивать о Коране:

— А на каком языке ты читал Коран?

— На немецком.

— Тогда ты не читал Корана. Коран написан на арабском, все остальное — недействительно. Ты должен прочитать его на арабском.

— Я не знаю арабского.

— Чей перевод ты читал?

Не играет никакой роли, знает ли Даниель имя переводчика или нет. Ответ Хусейна предопределен. Даже если бы Даниель прочитал один из переводов

Корана, который бесплатно распространяют мусульманские объединения в Германии, стандартный ответ Хусейна звучал бы следующим образом:

— Это плохой перевод. Ты должен прочитать Коран на арабском!

— Это довольно трудный язык.

— Ты можешь его выучить. Ты должен его выучить. Подумай только: в каждом предложении скрыто послание тебе. Никто из твоих друзей и родных не сможет получить это послание, потому что никто из них не знает языка. Но ты можешь его выучить.

Это стоит того. После смерти два ангела у гроба спросят тебя, читал ли ты Коран. Если ты ответишь отрицательно, тебя спросят, почему ты его не читал.

Ты так много времени потратил на развлечения, на телевизор, на наркотики и на женщин. Но у тебя не нашлось времени, чтобы прочитать священнейшую из книг?

Теперь Хусейн меняет тон: он достаточно запугал Даниеля. Он снова улыбается, говорит приветливее, смотрит уже не так серьезно, не так свысока.

— Ты можешь узнать об исламе гораздо больше, если захочешь. Могу я пригласить тебя пообедать? Или давай сначала зайдем ненадолго в мечеть. Ты увидишь там твоих ровесников со всего света. Ты же только что вернулся из Бразилии, да? Им будет интересно, они точно захотят послушать об этом.

В завершение разговора он подкидывает Даниелю идею для дальнейших размышлений:

— Если ты придешь к единственной истинной вере, к исламу, тебе откроются врата в рай. Ты не попадешь в ад, ты наконец-то обретешь мир в душе. Аллах будет руководить тобой. Он будет присматривать за тобой. Ты больше не будешь одинок, все мусульмане этого мира станут твоими братьями. И вот еще что, Даниель. Мухаммад, Аллах благослови его и приветствуй, сказал, что тому, кто обратится в ислам, простятся все прежние грехи. Такое предложение делается только один раз. Теперь ты видишь, насколько щедр Аллах? Ты должен всего лишь произнести Символ веры, и все твои грехи будут забыты. Для тебя начнется новая жизнь, чистая жизнь. У тебя много бонусов перед лицом Аллаха, потому что ты, в отличие от меня, не впитал ислам с молоком матери. Ты пришел к единственной истинной вере собственным умом. Мир и милость Аллаха да пребудут с тобой, брат мой.

Конец воображаемого разговора.

В июне 2004 года, все лишь через несколько месяцев после первого серьезного разговора с Хусейном, Даниель обратился в ислам. Он произнес при свидетелях Символ веры мусульман: «Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник его». Этого достаточно для перехода в ислам. Обычно новообращенный выбирает себе арабское имя. Даниель выбрал имя Джихад. В арабских странах, в отличие от Запада, это имя встречается часто. Потому что в западных странах мало кому известно, что у этого слова много значений. В немусульманском окружении Даниеля слово *джихад* почти всегда ассоциируется со «священной войной». Трудно представить, что Даниель об этом не подумал.

Кнопка Reset //

«Лучший день моей жизни» — так назовет Даниель день своего обращения в ислам. Даже после ареста. По его словам, это был «самый большой подарок», который только мог сделать ему Бог. В исламе он якобы нашел ответы на все

свои вопросы. Позже он заявит, что вовсе не Хусейн привел его в ислам. «Меня ведет Аллах», — скажет он. Однако решающую роль сыграл Хусейн. Он был лишь на год старше Даниеля, но на две головы выше его, и он дал ему возможность начать всё сначала.

Он показал, где находится кнопка «Reset». Эту кнопку на компьютере нажимают, когда компьютер зависает, когда ни одна программа не реагирует и требуется перезагрузка.

Даниель принял предложение: он хотел начать всё сначала. Новую жизнь под новым именем, с новым местом работы и с новыми друзьями. И с Аллахом. Но это было не так просто. На компьютере при помощи кнопки «Reset» стирается лишь оперативная память и навсегда исчезают лишь следы последних операций. Информация на жестком диске сохраняется и после перезагрузки. То же самое произошло с Даниелем. Старые слабости никуда не исчезли. Он следовал за сильным авторитетом, бесцельно искал ориентир, не имел собственных, важных для него ценностей. Никуда не исчезли и его сильные стороны: способность увлекаться, открытость новому. Именно такая комбинация сильных и слабых сторон сделала его восприимчивым к идеям Хусейна.

Можно предположить, что сразу после обращения Даниеля Хусейн обучил его пяти важнейшим заповедям ислама: верить в единого Бога и в его посланника Мухаммада; соблюдать пост в месяц Рамадан; раз в жизни совершить паломничество в Мекку; совершать намаз пять раз в день; жертвовать обездоленным. Постепенно Хусейн, по всей видимости, объяснил Даниелю и многие другие правила, которые ему теперь надлежало соблюдать. Многотомные труды, содержащие изречения пророка и предписания, информируют, какой должна быть жизнь правоверного мусульманина. Позже, на суде, будет ясно видно, что Даниель и его сообщники не слишком хорошо разбирались в содержании этих трудов.

«Ученые говорят...» — так будут заявлять они неоднократно в ходе судебного процесса. Отвечая на вопросы, они будут говорить, что об этом может знать только ученый или Аллах. Речь будет идти о «знаниях экспертов» и о «доказательствах». «Я не ученый», — будет говорить Даниель. Очевидно, они не чувствовали личной ответственности за свою жизнь и за свои решения. Однако в исламе не существует одного-единственного ученого, одного-единственного правильного мнения, которого придерживаются все мусульмане. Уже столетия высказывания разных ученых противоречат друг другу — как и в любой другой религии. Вследствие различий в высказываниях и возникли разные течения, ветви, враждующие партии; даже велись войны.

Новые товарищи Даниеля, друзья Хусейна, придерживались радикального толкования Корана. Среди прочих к дружескому кругу принадлежал Хамза. Собственно, его звали Ян, но он тоже принял ислам. Некоторые из новых друзей посещали семинары, которые проводили за небольшую плату разные организации, союзы или частные лица. Один день занятий стоит иногда не более трех евро, включая питание. Мероприятия редко продолжаются дольше, чем позволяют выходные. Участники живут изолированно от внешнего мира и всё время — начиная с утренней молитвы и до самого вечера — проводят вместе. Спят они чаще всего в спальнях мешках на ковре в мечети. Большое значение на таких семинарах имеет чувство общности. Организаторы привлекают людей,

устраивая футбольные соревнования для «участвующих братьев». Особенно популярны подобные семинары среди молодых людей, желающих вступить на путь особого благочестия. Так как среди них много новообращенных, языком преподавания чаще всего бывает немецкий.

Против таких семинаров в принципе нечего возразить. Многие христианские группы предлагают похожие встречи разного формата — от палаточного лагеря до уединения от мира в выходные дни. Но в семинарах типа тех, что посещали новые друзья Даниеля, участвуют и радикальные исламисты. Они ищут людей, восприимчивых к фундаменталистским идеям. Там быстро складываются группы, придерживающиеся схожих взглядов. Участники обмениваются записями с изображениями мучеников, показывают на своих ноутбуках фотографии бойцов джихада. «На таких семинарах ничего особенного не происходит, но это хорошая служба знакомств», — говорит молодой человек, принимавший участие в подобных мероприятиях. Можно предположить, что друзья Даниеля подробно рассказывали ему о семинарах. Вспоминают, что группа, сложившаяся вокруг Хусейна, выделялась как «очень радикальная» на фоне других верующих в мечети в Нойнкирхене, где часто собирались тогда друзья. С течением времени и Даниель присоединился к этому кругу. С другими членами общины он, по всей видимости, общался мало и не знал их мнения о своем лучшем друге Хусейне. Он ориентировался на него и на его слова. Хусейн «научил Даниеля неправильному исламу», возмущается один из постоянных посетителей мечети. Хусейн требовал выполнения религиозных правил даже от тех верующих, которые были намного старше его. Он указывал им, как себя вести, говорил, например, что нельзя курить. Становилось все очевиднее его радикальное толкование Корана. Большинство посетителей мечети — турки, десятилетиями живущие в Германии. Молельный дом находится в одном из неблагополучных кварталов Нойнкирхена. В некоторых квартирах безработные родители живут вместе со своими взрослыми безработными детьми. Риэлторы называют эту часть Нойнкирхена «городским районом, особенно нуждающимся в развитии». Очевидно, что именно здесь можно было дешево купить помещение, достаточно просторное для мечети. Мусульмане основательно перестроили старый склад и отремонтировали его. Они заказали в Турции хрустальные люстры и керамическую плитку с сине-белым рисунком и арабскими надписями.

«Мы все должны быть терпимы друг к другу, и мы все должны лучше узнать друг друга», — сказал глава окружной администрации на открытии мечети в середине девяностых годов. В церемонии приняли участие представители протестантской и католической церквей. Община, которой принадлежит мечеть, сегодня приглашает школьников на экскурсии. Члены общины принимают участие в городских праздниках в Нойнкирхене: они стремятся преодолеть предрассудки. На пятничную молитву приходят от 100 до 250 верующих. Молитва читается на арабском, речь имама звучит на турецком. На сайте в Интернете можно прочитать текст на немецком. Если кто-то всерьез заинтересуется, он может наблюдать за происходящим — достаточно только снять обувь при входе. Возможно, вам встретится пожилой пакистанец, который часто там бывает. «Террористы неправильно прочитали Коран. Ты кто? Христианин? Если я порежу палец и если ты порежешь палец, что мы увидим? Кровь у нас обоих красная. Мы братья». У входа в молельню висят рядом турецкий и немецкий флаги.

Новая семья //

Позже, после ареста Даниеля и после того, как в газетах напишут, что Хусейн и Даниель посещали мечеть в Нойнкирхене, у общины возникнут серьезные проблемы. До тех пор в этой неблагополучной части города привлекали к себе внимание только правые экстремисты с их дешевыми забегаловками («Платишь 15 евро, пьешь на 50») и секс-шопами. Небольшая группа радикалов перечеркнет усилия верующих мусульман, годами работавших на создание атмосферы доверия. И это при том, что посетители мечети однажды даже сказали Хусейну, Даниелю и членам их группы, что им разрешается являться только на молитву. Многие члены общины не скажут о Даниеле и Хусейне ни одного доброго слова. Вспоминая о Даниеле, молодой мусульманин, его ровесник, на вопрос, почему против этой группы сначала не предпринималось никаких мер, обиженно отвечает: «Каждый может прийти, чтобы помолиться. Это дом Бога. Мы не умеем читать мысли».

После того как им было сказано являться только на молитву, Хусейн, Даниель и их товарищи нашли другие места для встреч. Часто они собирались у знакомых. Там Даниель мог видеть то, чего сам был лишен с тех пор, как его родители развелись: счастливые семьи. Возможно, он связывал семейное счастье с исламом. Многие нормы поведения не понравились бы ему, если бы он оставался атеистом, а теперь он принимал их, не критикуя. Его новые друзья, например, не здоровались с женщинами за руку. Даниель должен был привыкнуть к этому: в конце концов, это было *харам*, «запрещено». Мужчина должен сначала жениться, и прикасаться ему можно только к своей жене; к незамужней женщине и к жене другого ему прикасаться нельзя.

Новые друзья вскоре стали для него больше чем друзьями. По его собственным словам, он видел в них «вторую семью». И в этой семье он находил больше понимания, чем у родных: постепенно утрачивался контакт с отцом и братом. «Вторая семья» вскоре помогла ему найти и новое рабочее место. Отец одного из его новых друзей руководил отрядом уборщиков. Он искал пополнения, и Даниель согласился. С этого момента он вместе со своими мусульманскими братьями делал уборку на промышленных объектах. Он выполнял работу за такие деньги, на которые немцы обычно не соглашались. Здесь нормой является ночная смена, и за нее платят 7,50 евро в час. При этом существуют непредсказуемые риски для здоровья из-за использования в работе агрессивных химикатов. Некоторые агрегаты продолжали работать, когда их мыли, и нужно было соблюдать осторожность. Обычно в уборщики шли работать те, кто не нашел ничего лучшего и кому нечего было терять. Вместе с Даниелем работали многие молодые посетители мечети.

Иногда руководитель отряда уборщиков получал премию, если его люди работали особенно хорошо и быстро, и делил ее между работниками по собственному усмотрению. Обычно смена длилась 8 часов. Иногда приходилось мыть экскаватор весом 20 тонн, и тогда работа могла затянуться. Приходилось им чистить и подземные каналы или, например, крышу фабричного здания. Тогда нужно было возводить подмости или леса. Рабочими инструментами Даниеля были шпатель для соскабливания грязи, щетка и пароочиститель. Отряд уборщиков работает на большой концерн, который предлагает свои услуги различным предприятиям в Сааре. Нам неизвестно, сколько этот концерн

получает с заказчика за каждого работника, который зарабатывает 7,50 евро в час. Но можно предположить, что гораздо больше. Некоторые сотрудники концерна еще помнят Даниеля и отряд, в котором он работал. Он и его коллеги носили головные уборы зимой и летом; окружающие предполагали, что это «шапочки для молитвы». Один сотрудник видел, как в перерывах мужчины становились на колени на листы картона, чтобы помолиться. Однажды в связи с этим возникла проблема: специально для уборки был прерван производственный процесс, и на время остановили станки; но вместо уборки работники принялись молиться. «Я понимаю, что это важно, — говорит один из сотрудников, — но оборудование нельзя просто так включать и выключать». За исключением этого случая бригада работала образцово и ничем не выделялась. «Они так старались быть незаметными, что это само по себе уже обращало на себя внимание», — описывает свои впечатления другой сотрудник концерна. Когда он был поблизости, члены бригады почти не разговаривали. У него не возникало никаких подозрений — он просто чувствовал себя лишним.

Мусульманство тайком //

В апреле 2005 года жизнь Даниеля снова изменилась. Он был призван на службу в бундесвер, куда он безуспешно пытался попасть еще до обращения в ислам. И теперь он проходил срочную службу. Он не стал уклоняться от прохождения службы; значит, армия по-прежнему его интересовала. Начальную подготовку он прошел в батальоне ракетной артиллерии. Там он вместе с другими новобранцами выучил основные военные понятия: аббревиатура ANT означала идентификатор, в котором закодированы полученное солдатом образование и род деятельности, PK — личный идентификатор, RAK обозначает ракету. Кроме того, Даниель, должно быть, узнал и циничный лозунг, популярный среди солдат-артиллеристов: «Мы расчищаем горизонт, мы устраняем препятствия».

Потом он служил в Саарлуисе в саперной роте ВДВ «Луфтландепиониеркомпани», занимавшейся разминированием. Именно тогда он познакомился с устройством детонатора. Служба начиналась в 7 утра и заканчивалась в 16:30. Трижды в неделю проводились плановые занятия спортом. «Он хорошо бегал», — вспоминает один из его командиров. Он ценил Даниеля: «Он схватывал всё на лету и скоро стал помощником инструктора». Найти и обезвредить мины — совсем не просто. В Афганистане, к примеру, в земле зарыты восемьдесят различных типов мин, и Даниель в Сааре учился их различать. Многие солдаты из его казармы участвовали в зарубежных операциях. Он все еще не отказался от мысли остаться служить в бундесвере, скорее, по причинам практического толка. Он по-прежнему, как и в подростковом возрасте, интересовался оружием. Бундесвер как таковой его особо не привлекал. Он не думал о солдатах как об одетых в униформу гражданах и не видел себя в роли слуги государства. Когда во время торжественной церемонии приведения к присяге новобранцы давали присягу на верность, он этого не сделал — сознательно, как он рассказывал позже. Он стоял рядом с товарищами, не произнося ни слова. Очевидно, что в бундесвере он хотел научиться военному ремеслу, и только. Отслужив девять месяцев, он остался в армии еще на три месяца, а потом демобилизовался. Во время врачебного осмотра у него обнаружили проблемы со спиной, то есть он был пригоден не к любой военной службе.

В течение всего срока службы он старался не афишировать свое вероисповедание. Он опасался, что его будут дразнить другие солдаты. Он не молился на глазах у товарищей, а делал это тайком. Тем не менее он выделялся. В общем душе он не мылся в присутствии других; по-видимому, он был убежден, что так велит ислам. Остальным в душевой он, возможно, просто казался странным. Он также не хотел брить бороду. В рассказах о деяниях и изречениях Мухаммада говорится, что мужчина должен носить бороду. А Даниель понимал такие вещи буквально. Командир потребовал его к ответу. Борода у Даниеля толком не росла. «Смотрится плохо», — сказал начальник, вероятно, имея в виду «неаккуратно». Даниель начал спорить, причем запальчиво, чего обычно не позволял себе в армии. «Он был относительно спокойным солдатом», — вспоминает командир, которого тем более удивила столь резкая реакция Даниеля. Даниель проиграл — в конце концов командир приказал ему побриться, и он подчинился. Даниель никогда не объяснял, что ведет себя таким образом по религиозным причинам. Это наверняка смягчило бы инструкторов. В казармах бундесвера встречаются и солдаты-мусульмане. Скрытность Даниеля все усложняла. Когда во время проверки шкафчиков в спальне на шестерых инструкторы решили посмотреть шкафчик Даниеля, они, собственно, просто хотели проверить, правильно ли убрано снаряжение, чисто ли там и разложено ли всё как следует. В шкафчике Даниеля они нашли кусочек древесины. «Зубы чистить», — объяснил Даниель, и больше расспрашивать его не стали. К тому моменту Даниель был уже достаточно известен благодаря своему странному поведению. *Мисвак* — это корень определенного дерева. Некоторые мусульмане чистят с его помощью зубы, как это делал, по преданию, пророк Мухаммад. Чтобы не есть свинину, он объявил себя вегетарианцем. Это был самый надежный способ. В конце и получил его.

В этот период, осенью 2005 года, Даниель впервые за многие годы появился у своей матери. Он приехал к ней и рассказал о многом, что произошло за последние годы. И он извинился за то, что годами избегал ее, что прервал отношения. Неизвестно, извинилась ли она за то, как вела себя во время развода и до того. Поступок Даниеля связан с его обращением. От своих друзей-мусульман он узнал, что в исламе семья — одна из важнейших ценностей. Отца и мать следует уважать безоговорочно. Будучи новообращенным, он хотел всё делать правильно, соблюдать все предписания. Его отцу эти правила были неважны. Он не одобрил то, что сын снова общается с матерью. Но помешать ему больше уже не мог. Новая вера сделала Даниеля более стойким.

Многое, чему Даниель научился у Хусейна, противоречило тому, с чем он столкнулся в доме у матери.

Там ели свинину, пили алкоголь, на стене висели изображения женщин без паранджи (хоть это и были портреты членов семьи). Когда Даниель приходил в гости к матери, она должна была подчиняться его правилам. После ареста Даниеля она расскажет об этом в одном из газетных интервью.

На время его посещений она закрывала фотографии. «Я была так рада, что он вернулся, — скажет она. — Он был очень фанатичным, но я не хотела снова его потерять. Я хотела создать атмосферу доверия».

Во время Рамадана он все чаще встречался с Хусейном. Тот, очевидно, заметил, что в течение армейских будней Даниель не мог заниматься исламом

основательно. Хусейн вернулся к старым дискуссиям, выбирая всё более острые темы. Он рассказывал о борьбе мусульман в Чечне, в Ираке, в Афганистане. Источником всех зол для него были США. Его работу облегчали скандалы по поводу пыток и истязаний, совершенных американскими военными, Главной темой Хусейна была освободительная борьба мусульман против западных оккупантов.

То, что при терактах мусульманских боевиков погибает больше мусульман, чем американских солдат, для людей склада Хусейна не играет роли. Ведь мусульмане, согласно его взглядам, в любом случае являются мучениками — и как исполнители, и как жертвы. Радикалы типа Хусейна умалчивают о кровавых конфликтах между шиитами и суннитами в Ираке, о жестокой междоусобице в Афганистане. Военные конфликты и споры внутри ислама не играют для них никакой роли. Для Хусейна существовали только добрые и злые, правоверные и неверные — у него была предельно простая картина мира. Как некоторые фанатичные немусульмане в каждом мусульманине видят террориста, так и Хусейн в каждом немусульманине видел угрозу.

Джихад как долг //

Разговоры с Хусейном оказывали на Даниеля всё большее влияние. Мы не знаем, как именно он пришел к этому решению и сколько времени это заняло, но однажды он решил, что, будучи мусульманином, обязан принять участие в джихаде. После службы в армии, в начале 2006 года, Даниель захотел выучить арабский язык. Он подготовился к поездке в Египет и в феврале того же года отправился туда. Он хотел остаться в Египте на три месяца, чтобы учиться на языковых курсах в Каире. Сразу по прибытии он повторно принял ислам в знаменитом университете Аль-Азхар. Вероятно, Даниель думал, что, имея на руках свидетельство этого университета, он скорее будет восприниматься как мусульманин и сможет пройти большее число курсов. При новом обращении он захотел выбрать себе другое арабское имя. До сих пор он называл себя Джихад, что, конечно же, вызывало неприятные вопросы. Теперь он пожелал носить имя Абдула. Это благочестивое имя в переводе означает «слуга Бога». Даниель жил в скромных условиях, посещал языковые курсы и мечети, знакомился с новыми людьми и все больше привыкал к мысли о джихаде. Раз в два дня он писал матери и отцу по электронной почте, но о своих новых идеях и планах ничего не рассказывал. Знакомые Даниеля беспокоились о нем. Одна из подруг матери захотела узнать, как у него дела. «Он снова взялся за ум. Хороший мальчик», — якобы ответила мать.

Языковые курсы в Каире предлагались организациями, не имевшими отношения к университету, так что жизнь университетского городка, скорее всего, осталась Даниелю неизвестной. Стать студентом этого университета не так просто — для этого недостаточно свидетельства о принятии ислама. Нужно представить аттестат зрелости и рекомендации. Перед университетом выстраиваются длинные очереди желающих быть зачисленными. Сотрудник университета достает из ящика письменного стола форму заявления. Он оглядывает людей в очереди, выбирает двух белых иностранцев и указывает на них пальцем; чернокожие из Ганы стоят в очереди раньше, но им придется подождать. Если кто-то захочет пожаловаться на произвол, он не скоро найдет

соответствующую инстанцию. Благодаря цвету кожи Даниель одним из первых добрался бы до цели, но без необходимых документов у него не было бы шансов.

В отличие от университета, языковые школы принимают любого, кто интересуется арабским языком. Они рекламируют свои образовательные программы в Интернете и распространяют рекламные листовки. Помещения для занятий расположены в Наср-Сити, одном из районов Каира. Лицо района определяют серые новостройки высотой до одиннадцати этажей и стройплощадки. Перед окнами натянуты бельевые веревки, вода капает на улицы, по обочинам которых скапливаются мусор и пыль. Между домами в палатках и в каморках, сделанных из гофрированных стальных листов, дерева и частей стены, ночуют строительные рабочие. Так же живут многие из тех, кто не может позволить себе иметь квартиру. В центре Каира, рядом с роскошными отелями, бедность страны незаметна, но бросается в глаза вдали от туристских районов.

Полицейские в белых формах и черных кожаных ботинках охраняют музеи, достопримечательности и дорогие отели, а также следят за тем, чтобы нищие не были слишком навязчивы. Туристам показывают Египет глянцевых рекламных проспектов: пирамиды и песчаные пляжи протяженностью в несколько километров. Даниель наверняка обнаружил там пропасть между богатыми и бедными. Очень может быть, что он видел, как ночью люди спят, подложив под голову свернутую одежду, на обочине дороги с четырехполосным движением, по которой днем идет сплошной поток автомобилей. Даниель не жил в дорогих отелях и не ездил по городу в туристских автобусах с кондиционером. В Каире Даниель открыл для себя новый мир, совершенно отличный от Саара. Из громкоговорителей раздается призыв к пятничной молитве. Трое мальчиков несут в мечеть свои маленькие коврики для молитвы. В уличном кафе передают в прямом эфире проповедь. Мужчины курят там кальян, пьют кофе или пепси-колу. В магазине по радио звучит речь имама. Для многих мечети, когда там не проходит служба, служат местом отдыха посреди суеты большого города. Рабочие отдыхают там в перерыве, некоторые спят. Вне стен мечетей шумно, в воздухе висит густой смог.

Учеба в Каире //

В гуще дорожного движения велосипедист одной рукой управляет велосипедом, а другой поддерживает на голове поднос, нагруженный несколькими килограммами лепешек. В запряженной ослом повозке сидит тучный мужчина в галабее — сером длинном одеянии. На повозке пирамидой возвышается гора арбузов. На обочине таксисты ожидают клиентов в своих «ладах», «фиатах», «дачиях» и египетских «сахинах». Позади виднеются ультрасовременные высотки, в которых располагаются офисы и дорогие квартиры. В нескольких кварталах отсюда находятся базары, открытые далеко за полночь. Туристы-немусульмане и местные мусульмане воспринимают этот город совершенно по-разному. Первые высаживаются из автобуса у пирамид в расположенной неподалеку Гизе, одетые в клетчатые шорты, белые носки и кроссовки; для вторых поездка к пирамидам — это праздничная экскурсия, отправляясь в которую следует надеть блузку с длинными рукавами, покрыть голову и нанести макияж. Это утверждение звучит как стереотип, но жизнь ежедневно его подтверждает. Неизвестно, замечал ли Даниель эти различия. Возможно, он был слишком поглощен занятиями на курсах и разговорами и не

замечал повседневной жизни. Его наверняка бы возмутило неуважительное поведение западных туристов по отношению к чужой культуре.

Среди языковых школ, которые посещал Даниель, одна находится в сером доме в квартале Наср-Сити. Чтобы найти ее, придется несколько раз спросить дорогу. Кроме вывески над входом ничто не указывает на то, что в этом старом доме люди, приехавшие со всего света, учат арабский язык. На двери — тяжелое металлическое кольцо, чтобы постучать. В коридоре висит расписание занятий, там же стоит заполненный книгами шкаф. В маленькой кухне на газовой плите молодой сотрудник готовит еду для учителей и учеников. Стены в классах окрашены в розовый цвет, к удлиненным подлокотникам кресел прикреплены маленькие столики.

Даниель искал кого-нибудь, кто мог бы подробнее рассказать ему о джихаде. Он нашел человека, который стал давать ему частные уроки. Тот положил перед Даниелем труд Ибн Таймия и заговорил о нем. В некоторых книжных магазинах Каира имеется двадцатитомное собрание фетв этого правоведа. (Фетвы — это заключения по разным вопросам, выносимые мусульманскими учеными-законооведами, которые, однако, авторитетны только для тех мусульман, которые признают соответствующего ученого.) Даниель и его учитель занимались только одной главой из Ибн Таймия. Даниель рассказывал позже, что в этой главе ученый пишет о важности джихада. Только годы спустя Даниель признает, что аргументы Ибн Таймия можно использовать и против джихада. Но будет уже поздно.

В Египте Даниеля посетил один его друг, мусульманин из Нойнкирхена, бывший членом его «второй семьи». Они говорили о джихаде. Друг хотел отправиться в лагерь подготовки боевиков. Он хотел научиться всему, что было, по его мнению, необходимо для джихада, и непременно в таком лагере. Эти лагеря существуют в Пакистане, а в Египте их нет. Но в Египте такие интересующиеся, как Даниель и его друг из Нойнкирхена, могут найти в соответствующих кругах нужных людей и завязать контакты.

Когда в середине мая 2006 года Даниель вернулся в Саар, его решение поехать в лагерь подготовки боевиков, вероятно, окончательно созрело. Как он сам говорил, в своем намерении он укрепился благодаря письму из тюрьмы Абу-Грейб в Ираке, находящейся под контролем американских военных. Речь идет о письме, якобы написанном одной из заключенных. В нем говорится об изнасилованиях и жутких издевательствах. У Даниеля не было оснований сомневаться в этом. Достоинством гласности стали фотографии американских солдат, подтверждавшие факты бесчеловечного обращения с заключенными и пытки в этой тюрьме. Весь мир обошла фотография теперь уже осужденной и с позором уволенной из армии американки Линди Ингланд, на которых видно, как она держит на поводке, как собаку, лежащего на полу голого заключенного. Начиная с весны 2004 года, за пару недель до обращения Даниеля, появлялось все больше шокирующих сообщений и фотографий. Эти же фотографии облегчили Хусейну его пропагандистскую работу против западного мира. Один старый товарищ из хип-хоповской тусовки случайно встретил Даниеля в Нойнкирхене. Он заинтересовался, что у того нового. Бывший друг вспоминает: «Теперь он говорил только о деяниях Аллаха. Весь окружающий мир и почему он таков Даниель хотел объяснить при помощи Корана. Мне хотелось с ним

поболтать, а ему нужно было только, чтоб я поверил в то же, во что верит он. Тогда я подумал: забудь. Я больше не мог этого слушать». Для Даниеля в мире теперь существовали только братья по вере. Со старыми друзьями у него больше не было ничего общего; наверное, их жизнь казалась ему такой же бессмысленной, как и его собственная до встречи с Хусейном.

Не прошло и месяца после возвращения Даниеля из Каира, как он покинул Саар и направился в сторону Турции. Оттуда он хотел добраться до лагеря подготовки боевиков джихада в одной из близлежащих стран.

Саид //

Саид родился мусульманином, но это не значит, что он с самого начала был религиозен. Не все христиане из окружения Даниеля ходили в церковь, и не все в окружении Саида были религиозны. Саид вырос в семье, где вера практиковалась мало. Подобно некоторым христианам, которые посещают богослужение только на Рождество, семья Саида отправлялась на молитву только в конце месяца Рамадан. В какой-то момент Саид сам нашел дорогу в мечеть и стал ходить туда все чаще. А во время Второй интифады он познакомился с людьми, исповедовавшими радикальные взгляды, как его сосед Мазен. О религиозном развитии Саида все уже сказано в главах о его жизни. Отдельная глава, в отличие от Даниеля, ему не нужна.

6

Подготовка

Даниель в «Союзе исламского джихада»

Саид в «Бригадах мучеников Аль-Аксы»

Даниель //

«Мы тоже будем писать завещание?» — спрашивает кто-то из группы Даниеля. Члены группы знали, что джихадисты зачитывают свои завещания перед видеокамерой. Затем запись выкладывается в Интернете и рассылается по крупнейшим телеканалам. На заднем фоне колышутся черные знамена с надписями на арабском. На некоторых из них написано белым: «Нет божества кроме Бога, и Мухаммад — посланник Бога». Это Символ веры мусульман всего мира, который присвоили себе джихадисты.

Вопрос повис в воздухе. Надо сказать, что Даниель и его новые друзья уже тогда находились под колпаком различных спецслужб. Велась тайная видеосъемка и записывались их разговоры. «Террористы готовы пожертвовать собой», — прошло сообщение в прессе. Якобы даже писались «прощальные письма». Позже информация в прессе изменилась. Очевидно, участники группы не написали писем и не составили завещаний.

Напротив, Даниель и его новые друзья после теракта планировали бегство. Они хотели скрыться, как только сработает взрывное устройство, начиненное концентрированным пероксидом водорода. Возможно, в Пакистан. Даниель бредил этой страной. Он говорил, что там он чувствует себя хорошо, что он уже познакомился с кем-то, кто обещал отдать ему в жены дочь. По крайней мере, это предложение было действительно в период, когда он готовился к теракту.

Вначале, задолго до прохождения подготовки в Пакистане, Даниель хотел воевать в Чечне. Эта страна на юге России относится, с точки зрения Москвы, к Российской Федерации. Однако многие чеченцы хотят иметь независимое государство. Большинство из них — мусульмане. И военному конфликту между российскими военными и чеченскими боевиками не видно конца.

Чечня или Ирак? //

Чеченским сопротивлением руководят исламистские повстанцы. В труднопроходимых горных районах Чечни Даниель хотел сражаться на стороне боевиков против российского государства. В чеченцах Даниель видел братьев по вере. Всего лишь за два года до этого он перешел из христианства в ислам. Люди переходят в другую веру с тех пор, как возникла религия. Но иногда новообращенные оказываются особенно ревностными: они хотят показать остальным, насколько сильна их вера. За короткое время Даниель превратился в фундаменталиста и тем самым стал частью немногочисленного меньшинства внутри мусульманской общины Германии. Только один процент мусульман в Германии принадлежит к исламистским организациям.

К войне в Чечне Даниель подготовился еще на родине, в Сааре. Он наведалься в магазин спецснаряжения в Саарбрюккене, ассортимент которого простирается от светло-коричневых тропических шлемов до армейских ботинок со стальными набойками. Вещи, приобретенные Даниелем в этом магазине, рассчитаны на минусовые температуры: ему была нужна крепкая обувь и теплая одежда. Чечня расположена на Кавказе, где горы достигают высоты более 4000 метров. Зимой температура опускается до двадцати градусов ниже нуля.

Кроме того, у Даниеля была идея отправиться воевать в Ирак, куда он думал добраться сухопутным путем через Иран, преодолев горы и пустыню. Он слышал об израильских женщинах-солдатах, которые еще в период военной подготовки совершают сорокакилометровые марш-броски через пустыню Негев. Это импонировало ему. Хотя армия еврейского государства — один из традиционных врагов исламистов.

Готовясь к походу через Иран и Ирак, Даниель приобрел GPS-навигатор, при помощи которого он хотел самостоятельно находить дорогу в приграничных районах. Он купил прибор в том же магазине, что и зимнее обмундирование для Чечни, но не смог разобраться в нем. Посчитал его слишком сложным и отдал одному из своих новых друзей.

Чечня или Ирак? В тот майский день, когда Даниель садился в самолет на Стамбул, он еще не знал, куда направится. Соответствующие указания он должен был получить лишь в Турции. Существовала опасность того, что его разговоры прослушиваются. С контактными лицами Даниель общался по электронной почте. Но из-за опасения, что спецслужбы перехватывают электронные письма, сообщники вскоре прибегли к хитрости: они не отсылали письма, а сохраняли сообщения в почтовом ящике. Все члены группы знали пароль для входа в почту. Таким образом каждый мог читать и стирать сообщения; отсылать не требовалось ни строчки.

Однако «мертвые почтовые ящики» были известны и службе безопасности. И ее сотрудники тоже читали эти сообщения. Об этом Даниель узнал много позже, уже находясь на скамье подсудимых. Прежде чем уехать в Турцию, Даниелю нужно было придумать какую-нибудь «легенду» для родителей. Перед отлетом он

провел по одной неделе у матери и у отца. Он сказал, что уезжает в Египет, потому что хочет вдали от цивилизации изучать Коран, выучить его наизусть. Такую историю он рассказал обоим. Он говорил, что хочет провести в стране пирамид четыре месяца. Как видно, ни у кого не возникло подозрений. Родители, очевидно, не знали, что в школах по изучению Корана учащиеся — даже те, для кого арабский язык родной, — проводят не месяцы, а годы, заучивая суры наизусть.

В Стамбуле двадцатилетний Даниель жил вместе с новыми друзьями. Он познакомился с ними в Сааре. Они уже в Германии идеологически подготовили его к джихаду. Теперь его ждала практическая подготовка, с оружием в руках. До отъезда в тренировочный лагерь он ни в коем случае не должен был (как, впрочем, и во время всей поездки) привлекать к себе внимание. Поэтому вряд ли он что-то увидел в двенадцатимиллионном мегаполисе. Может быть, только Голубую мечеть с ее шестью минаретами, да и то мельком. Или пассажирские суда, которые, как автобусы, каждые пару минут следуют от остановки к остановке. Рыбаков, которые, стоя вплотную друг к другу на одном из многочисленных мостов, выбирают леску, когда под мостом проплывают грузовые суда. Возможно, он обратил внимание на портреты основателя турецкого государства Мустафы Кемала Ататюрка. Они висят повсюду — в чайханах, ресторанах, магазинах и на фасадах домов — и бросаются в глаза всем приезжим.

Из Стамбула в Исламскую Республику //

Даниель провел в Стамбуле довольно долгое время, точно не зная, что его ожидает. И вот наконец ему сказали, что он отправляется в Иран. Из Стамбула в Тегеран, столицу Ирана, ходит поезд. Путь неблизкий — примерно 2000 км, причем дорога идет и по горам, и по паромной переправе через озеро Ван. Добраться можно и на автобусе, но в этом случае дорога займет три дня и две ночи. В пути показывают фильмы. На границе с Ираном диск меняют: вместо танцующих турецких звезд в мини-юбках — разрешенные цензурой художественные фильмы. Даниель не поехал ни поездом, ни автобусом, а выбрал самый дорогой и самый быстрый вариант: полетел самолетом. Еще на подлете к Тегерану женщины начали выполнять правила Исламской Республики. Они покрыли голову, сменили одежду с короткими рукавами на одежду с длинными (лучше слишком много ткани, чем слишком мало). Еще не прибыв на место, Даниель увидел, как меняется жизнь женщин в радикальном религиозном государстве. В этом было сильное отличие от Турции, в особенности от современного Стамбула, где он провел некоторое время. Большинство жителей Турции — мусульмане, но государство там светское. Правда, Даниель бывал еще и в Египте, где религия играет большую роль, особенно в сельской местности. Но Иран — это все же нечто совсем иное.

В Исламской Республике Иран власть принадлежит мусульманскому духовенству. До конца семидесятых годов XX века страна была ориентирована на западный, светский путь развития, но ситуация в экономике была почти катастрофической: при тонком верхнем слое очень богатых граждан — миллионы бедняков. Кроме того, политические инакомыслящие подвергались преследованиям и арестам. В 1978 и 1979 гг. сотни тысяч иранцев вышли на демонстрации протеста.

За так называемой Исламской революцией стояли самые разные группы. Организации левой ориентации принимали участие в демонстрациях вместе с радикальными религиозными группировками. Последние одержали верх и захватили власть. Вождь революции аятолла Хомейни провозгласил Исламскую Республику. Вскоре, однако, многие участники протестов почувствовали себя обманутыми. Они хотели избавиться от старого режима, но отнюдь не желали установления фундаменталистской теократии. Сопrotивляться новым властителям было практически невозможно: новое руководство страны сажало политических противников в тюрьмы, подвергало пыткам и уничтожало физически. На смену ранее существовавшим параграфам законов пришли строгие религиозные установления. Теперь власть имущие ввели исламское право — шариат. Исламская революция в Иране повлияла на мусульман всего мира. В первую очередь на тех, кто стремится к созданию государства по иранской модели. Аятолла Хомейни начал процесс исламизации, распространившийся затем далеко за пределы его страны. Кроме того, во многих регионах Ближнего и Среднего Востока возникло движение джихада. Его члены ставили своей целью создание исламской теократии. Некоторые палестинцы в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан тоже присоединялись к подобным группировкам. Деньги и оружие для борьбы против израильского врага поставляет им Иран.

В Иране Даниель ожидал указаний от своего проводника. Его целью теперь была не Чечня, а Пакистан. Теплая зимняя одежда оказалась ни к чему. До нелегального въезда в соседнюю страну у него было время познакомиться с Исламской Республикой Иран. Можно сказать, что это было частью его подготовки. Он мог увидеть — и, скорее всего, увидел — многое в этом новом для него мире. Но многое осталось ему неизвестным.

В Иране он видел женщин, с головы до ног закрытых черной чадрой; открытым оставалось только лицо. Нерелигиозные женщины должны носить по крайней мере накидку — абайю. Это достаточно длинная одежда, закрывающая как минимум ягодицы. Руки должны быть закрыты до кисти. Ношение головного платка обязательно для всех женщин. В местах паломничества преобладает чадра, в более современных частях Тегерана — абайя. Каждый день Даниель слышал муэдзина, созывавшего мусульман на молитву. Громкоговорители на минарете доносят его слова до самых дальних уголков: «Аллах величайший. Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха. Я свидетельствую, что Мухаммад — посланник Аллаха. Я свидетельствую, что Али — наместник Аллаха. К молитве. К спасению. К добрым делам. Аллах величайший. Нет божества, кроме Аллаха». Муэдзин созывает на молитву много раз за сутки. Часто эту работу выполняет за него магнитофон.

Даниель видел, как образцово соблюдают иранцы религиозные правила. Они не употребляют алкоголя; алкогольные напитки не продаются в магазинах и не предлагаются в ресторанах. Мужчины и женщины не обмениваются нежностями на виду у всех. Везде развешены портреты покойного вождя революции Хомейни, который почитаем всеми. Повсюду молельни. Каждый соблюдает сотни предписаний и запретов. Все это Даниель мог видеть, и, весьма вероятно, это производило на него впечатление.

Но, возможно, он увидел и обратную сторону медали: в Тегеране полиция нравов задерживает женщин, показывающих слишком много тела. В автомобиле с

затемненными стеклами записывают их личные данные. Им может грозить денежный штраф или тюремное заключение. В столице некоторые автобусы разделены металлической балкой на две части: в передней части салона сидят мужчины, в задней — женщины. Ехать рядом друг с другом запрещено.

В иранском городе Авазе одетые в униформу люди ходят вечером по берегу реки и прогоняют прогуливающиеся за ручку неженатые парочки. Во время политических протестов в Тегеране войска президента избивали дубинками мирных демонстрантов. Многих потом допрашивали с применением пыток. Иранцы не всегда могут узнать, что происходит в мире, через Интернет: доступ к определенным страницам закрыт.

Правила можно нарушать, но за это приходится платить. Богатые граждане избавлены от неприятных проверок и допросов, но бедняков — а это большинство жителей страны — они не минуют. То, чего официально быть не должно, все-таки существует. Проститутки работают тайком и сильно рискуют. Как и наркоторговцы. В городе Кермане на обочине дороги, ведущей на кладбище, валяются использованные шприцы. В городах раздобыть алкоголь нетрудно. Можно заказать доставку на дом, для чего достаточно протянуть руку к телефонной трубке; нужные номера передаются из уст в уста. Торговец доставляет на такси красное вино, разлитое в пластмассовые канистры. Самый дешевый нелегально изготовленный шнапс из изюма стоит в пересчете на европейскую валюту пять евро за литр. Таковы цены, такова реальность.

Культ мучеников //

Другое дело — государственные ориентиры. В Исламской республике существует культ мучеников. От внимания Даниеля наверняка не укрылось, как много средств расходуется на их прославление. В период правления Хомейни, в восьмидесятых годах, в войне против Ирака погибли сотни тысяч иранцев. На кладбищах могилы мучеников расположены вплотную друг к другу, отдельно от остальных. В некоторых местах, например в Тегеране, посетители ходят прямо по могильным плитам, потому что уже не осталось места для дорожек. В маленьких витринах перед могилами лежат вещи боевиков. Фотографии или портреты за стеклом напоминают об умерших.

То и дело встречаются фотографии детей. Во время ирано-иракской войны многие из них носили на шее ключ. Им говорили, что он открывает ворота в рай. Они знали, что их ожидает на том свете. «В раю есть фрукты, которых здесь нет. Там тебя ждут ангелы. Там есть вода, совершенно чистая вода. Здешняя жизнь длится только сегодня и завтра. Все самое главное ждет нас в раю», — так говорили детям солдаты. У иранской армии не было оружия для детей. Их посылали на минное поле, чтобы мины взрывались под тяжестью их тел.

Портреты на фасадах домов также напоминают о мучениках. В Тегеране огромные, яркие изображения особенно бросаются в глаза на фоне серых, темных как смог зданий. Портреты такие же красочные, как плакаты на родине Даниеля, рекламирующие новые тарифы мобильной связи или шикарную одежду. В Тегеране на одном из плакатов высотой с дом изображен иранский мальчик и танк с иракским флагом. Лицо ребенка больше гусеничной машины, и мальчик кажется великаном. Этот плакат — единственное цветное пятно на сером фасаде дома. В Тегеране именно смерть вызывает к жизни краски.

В честь известных мучеников называют автострады; существуют и музеи мучеников. В одном из них, в Тегеране, сотрудница приветствует иностранных посетителей небольшой речью: «У нас есть мученики из Ирана, мученики из Ливана, мученики из Палестины, а наверху представлено искусство мучеников. Мы все любим мучеников». Демонстрируются покрытая кровью одежда жертв войны и черно-белые фотографии, изображающие их при жизни. В магазине при музее предлагаются комиксы для детей и книги и фильмы для взрослых. В боковом помещении висят портреты палестинских террористок-смертниц.

Время, проведенное в Исламской Республике, сыграло важную роль в жизни Даниеля, даже если сам он и его учителя не сознавали этого. Пребывание в Иране подготовило его к миру, с которым ему вскоре предстояло встретиться в Пакистане. Однако здесь, как и в Турции, ему ни с кем нельзя было разговаривать о своем желании бороться, «делать джихад», как это называли его новые друзья в Сааре. Ему приходилось быть очень осторожным. Иностранцы в Иране всегда бросаются в глаза. Приезжают, правда, туристы и бизнесмены, но их мало.

При этом иранские спецслужбы были для Даниеля не опасны — опасаться следовало западных агентов. Он должен был следить за тем, с кем разговаривал. Это было непросто, потому что приезжих из-за границы всегда встречают очень радушно. Даже если вы не говорите по-персидски, всегда найдется иранец, говорящий по-английски. Некоторые разговаривают бегло, многие на начальном уровне. Ответ «Germany» на вопрос «Where are you from?»^[18] часто вызывает восторг. Иногда молодые иранцы говорят: «I have an uncle near Bonn» или «in Hamburg»^[19] (родственники эмигрировали или стали беженцами).

«What are you doing in Iran?»^[20] — так часто звучит следующий вопрос. Ответить «studying»^[21] Даниель, вероятно, не мог. Он не говорил по-персидски, а для учебы в университете было необходимо знание языка. «Visiting friends»^[22] — мог бы он ответить. Но каких друзей? Где они живут? Возможно, с какого-то момента он стал отвечать просто «travelling»^[23]. Потом он мог перечислить места, где уже побывал; главное, не нужно было называть имен.

В конце разговора часто спрашивают: «What is better: Germany or Iran?»^[24] Независимо от ответа может последовать приглашение выпить сладкого черного чая; к нему в чайхане часто подают финики или печенье. Могут также пригласить домой на ужин. Если Даниель побывал у иранца в гостях, он мог узнать, что тот на самом деле думает об Исламской Республике.

Скорее всего, Даниель не общался с местным населением или это были крайне редкие встречи. Проводник приказал ему не выходить из отеля. Перед отправкой в Пакистан он жил в Захедане. Этот город на границе Ирана с Пакистаном и Афганистаном известен как место нелегального перехода через границу. Даниель посещал мечеть Макки. Так по-персидски называется место, где родился Мухаммад (город Мекка в сегодняшней Саудовской Аравии).

Чтобы пересечь границу между Ираном и Пакистаном, удачи не требуется — нужны только деньги.

Водитель Даниеля сунул солдатам на контрольно-пропускном пункте пачку купюр, и они могли ехать дальше. Взятка на границе — обычное дело. Проехав 500 км по занесенным песком дорогам, они добрались до города Кветта. В течение многих часов они двигались дальше на северо-восток, вдоль афганской границы. Добравшись до Вазиристана, они съехали с асфальтированной дороги.

Братья в Вазиристане //

Вазиристан — это регион в горах Пакистана на границе с Афганистаном. Здесь живут разные племена. Жители региона живут в деревнях, ведут традиционный образ жизни, разводят скот. Между семейными кланами и племенами часто вспыхивают конфликты. Но Даниелю Вазиристан был интересен по иной причине: благодаря близости к району боевых действий, Афганистану, и труднопроходимой местности в этой части страны охотно скрываются исламисты. Там существуют лагеря подготовки боевиков, подземные хранилища оружия и система туннелей, где можно укрыться в случае опасности и преследования.

Долгие часы тряся Даниель по ухабистым дорогам горной местности, где машина может проехать с трудом. С тех пор как он начал свой путь в Стамбуле, контактные лица, проводники и водители сменились не раз. Так поступали с каждым, кто хотел стать джихадистом. Например, с Фрицем, молодым человеком из южной Германии. Фриц родился в 1979 году в Мюнхене, затем жил в федеральной земле Баден-Вюртемберг. Позже он будет одним из сообщников Даниеля при подготовке теракта в Германии.

Где-то посреди Вазиристана водитель Фрица был остановлен группой мужчин в тюрбанах и с автоматами Калашникова в руках. После проверки они поехали дальше. В течение многих часов они ехали в гору. Если до сих пор дорога была малопригодна для проезда, то теперь они едва продвигались вперед по неукрепленным тропам. И все же и Фриц, и Даниель, и все остальные добрались до места — в разные дни, но сходными путями. В учебном лагере «Союза исламского джихада» их ожидали многие недели муштры.

В этой группировке, отколовшейся от более крупной организации, состояло тогда от 100 до 200 членов. Большая часть членов «Союза» была родом из Узбекистана, но были в нем также чеченцы, уйгуры и таджики. Изначально целью группы была борьба за исламский Узбекистан. Члены «Союза исламского джихада» осуществляли теракты в разных местах: на полицейских участках, контрольно-пропускных пунктах или в американском и израильском посольствах в Ташкенте — столице Узбекистана. Одним из главных врагов группировки является Израиль. Члены «Союза» считают своим долгом бороться за дело палестинцев и не признают еврейского государства.

«Союз» также занимался подготовкой террористов-смертников и посылал их на задания. Вскоре он расширил радиус действия: группировка хотела стать частью «Аль-Каиды», глобального движения джихада (*Аль-Каида* в переводе с арабского значит «основа», «база»). Крупные террористические акты служат для джихадистских организаций рекомендательным письмом. При помощи теракта, привлекающего внимание мировой общественности, группировка показывает, что располагает достаточными контактами и средствами — оружием и людьми. В качестве теракта годится, например, угон самолета или нападение на хорошо защищенные здания, например посольства или правительственные резиденции. В период подготовки Даниеля главной целью «Союза исламского джихада» были военные базы западных стран в Афганистане.

Чего ожидал Даниель от учебного лагеря подобной организации? «Я, конечно, думал о борьбе». Хотел ли погибнуть в борьбе? «Смерть мученика меня не привлекала», — так он скажет в суде. Самым важным для него было сообщество мусульман — умма. Именно ее хотел он защищать, причем неважно где — в

Чечне, в Ираке или в Афганистане. Инструкторы Даниеля так объяснили ему свою позицию: в Афганистане западные солдаты воюют против народа, иностранные войска — это оккупанты. Поэтому талибы — это борцы сопротивления (в переводе это слово означает «ищущие» или «учащиеся»). А с точки зрения западного мира талибы — это фанатичные исламисты. Железной рукой, опираясь на собственные жестокие законы, правили они Афганистаном после вывода советских войск. Только поражение, которое они потерпели в борьбе с войсками США и афганскими отрядами, положило конец их режиму.

Даниель безгранично доверял своим инструкторам и разделял их точку зрения. Он и себя видел борцом сопротивления, который служит в «Союзе исламского джихада». Причем ему было неважно, в какой группировке состоять. И Даниель, и Фриц хотели воевать на стороне братьев по вере, и им было все равно, где к этому готовиться. По-видимому, вначале им было известно только то, что «Союз исламского джихада» — это узбекская группировка (ее название они узнали позже). Эта группировка была не единственной, осуществлявшей подготовку боевиков в приграничном регионе.

Возможно, Даниель не знал ничего о происхождении и названии организации, потому что не решался расспрашивать. Излишнее любопытство могло вызвать недоверие. В этом лагере редко проходили подготовку христиане, принявшие ислам, такие как он и Фриц. Видимо, Даниель ощущал определенный скепсис инструкторов по отношению к себе. Кроме того, правило секретности действовало не только в Германии, Турции и Иране, но и в Пакистане.

Лагерь //

Даниель ночевал вместе с остальными в глиняных домах с высокими стенами и внутренним двором. Полученное от наставников оружие он клал на ночь под подушку. Это было ему привычно. «Мужчина всегда должен держать оружие при себе», — гласит правило бундесвера, если солдаты проводят ночь вне казармы, в палатке. В его подразделении вряд ли было иначе. Впрочем, пакистанский лагерь, конечно, сильно отличался от казармы бундесвера. Постоянно случались перебои в электроснабжении, иногда электричество давали только на пару часов в день. Обстановка в домах была предельно проста. Фрицу однажды показалось, что он узнал дом, где снимали на видеокамеру вооруженного пистолетом Джюнейта Чифчи. Чифчи родился в турецкой семье в баварском городе Фрайзинге, но отказался от немецкого гражданства. После подготовки в «Союзе исламского джихада» он отправился на грузовичке в расположение войск НАТО в провинции Хост, что на востоке Афганистана. Там он подорвал себя, двух американских солдат и двух афганцев. Американцам было 22 и 23 года, о возрасте афганских граждан ничего не известно, Джюнейту Чифчи было 28.

Когда немцев переселяли в другое место в лагере, они говорили: «Нас передислоцируют» — как будто речь шла о солдатах или воинских подразделениях. Их наставники сами обучились у военных. Советская армия вошла в Афганистан в 1979 году.

Тогда Пакистан обучал афганские подразделения, которые должны были воевать против советских войск. Оружие афганцы получали от американской секретной службы — ЦРУ.

Некоторые наставники в «Союзе исламского джихада», вероятно, прошли подготовку, когда самой группировки еще не существовало, а главным врагом был

Советский Союз. Во всяком случае, Даниелю на это намекнул один из инструкторов. Он сказал, что они ведут подготовку по образцу ЦРУ. Даниель усомнился в этом, но не показал виду. Это казалось Даниелю неправдоподобным — возможно, потому что при его обучении использовалось много старого оружия российского производства. Выбор оружия, скорее всего, был обусловлен финансовой ситуацией. Американское оружие и снаряжение стоят в пять-десять раз дороже, чем оружие и снаряжение из бывшего Советского Союза. А «Союз исламского джихада», как и многие подобные организации, не располагает большими средствами. Джюнейт, баварский террорист-смертник, имел в Вазиристане отдельное жилье для себя и своей семьи и получал от группировки от пятидесяти до шестидесяти долларов США в месяц на личные расходы.

Хотя цены в Вазиристане намного ниже, чем в Германии, денег джихадистам все равно не хватает. Не по карману оказываются даже некоторые продукты питания, например сыр и яйца. Поэтому подобные организации направляют гонимых в Иран и государства Персидского залива. Те должны там выпрашивать пожертвования у других группировок, богатых спонсоров, а также — под чужим именем — у государственных организаций. Результат предсказуем: чем больше на счету группировки крупных, резонансных терактов, тем больше она может рассчитывать на получение средств. Больше средств, в свою очередь, означает больше терактов — и так далее. В период подготовки Даниеля «Союз исламского джихада» был мало кому известен. Этим объяснялась его нужда в деньгах.

В учебную группу входило от четырех до десяти человек. Они могли быть из бедных или из обеспеченных семей, студентами или недоучившимися школьниками, женатыми или холостыми, новообращенными или мусульманами с рождения. На первый взгляд, их объединяло только одно — все они были молодыми мужчинами. Западная пресса называет их «членами террористического лагеря». Даниель и Фриц считали себя новобранцами.

Те, кто прошел подготовку в подобных лагерях, рассказывают об устраиваемых там проверках. Одна из проверок касается питания. Кормят в лагере мало и однообразно. Наесться досыта — это роскошь. И тут вдруг при раздаче еды из рук молодого человека вырывают полную тарелку и смотрят: насколько он себя контролирует? Сохраняет ли самообладание?

Другой тест, о котором вспоминают участники таких лагерей, еще трудней. Обучаемому без предупреждения дают наркотики, изменяющие его сознание. Некоторые начинают говорить сами. Других нужно расспрашивать. А вопросы задают такие: «Зачем ты здесь?» «Чего ты хочешь?» «Во что ты веришь?» «Кому ты подчиняешься?» «Готов ли ты выполнить любой приказ?» «Готов ли ты погибнуть как мученик?»

Подчинение было главной заповедью и для Даниеля. Нужно было безоговорочно признавать авторитет инструктора. Тот отдавал приказы, которые следовало выполнять. «Идем!» — говорил он, и все шли. Сколько идти — час или неделю, — не говорилось. Куда и зачем — тоже. Нужно идти — значит, идем: такова была позиция Фрица в лагере. Позже, оглядываясь назад, Даниель будет критиковать эту практику и назовет ее «упреждающим повинованием». Он хотел выкладываться на сто пятьдесят процентов, чтобы не разочаровать инструкторов. Руководителя группы они называли *эмиром* (в переводе с турецкого это слово означает «повелитель, вождь»; по-арабски — *амир*).

Эмира звали Наджмуддин Джалолов, он родился в 1972 году в Узбекистане. Предполагают, что он прошел подготовку у инструкторов «Аль-Каиды», затем присоединился к талибам в Афганистане. Кроме того, он сражался в Пакистане. Имя Джалолова значилось в нескольких списках приговоренных к смерти, в том числе и в списке конкурирующей группировки. В джихаде многие группировки воюют не только вместе друг с другом, но и друг против друга.

Из-за этого Даниель чуть было не лишился жизни. Группировки конкурируют между собой за жертвования, за новое оружие и новых членов. Причем участники из западных стран особо желанны. Часто они сами привозят деньги на свои поездки и другие расходы. Однажды ночью, когда Даниель стоял в карауле, взорвался джип. Он предположил, что это был теракт. Взорвали автомобиль руководителя его группы. Но Джалолова в машине не было. Он погибнет два года спустя во время атаки американского беспилотного летательного аппарата.

Джалолову приходилось быть крайне осторожным. У него было много имен: Яхьё, Мухаммад Фатих Аль-Бухари, Абдур Рахмон, Командир Ахмед и некоторые другие. Даниель и Фриц называли его Командир Ахмед и после возвращения в Германию. Даниель говорил о своей подготовке в «группе Ахмеда», а не в «Союзе исламского джихада». Командир Ахмед потребовал от него присяги на верность, по-арабски *байя*. Даниель должен был перед лицом Аллаха поклясться исполнять все приказы командира, чего бы тот ни потребовал. Даниель был от этого не в восторге и толком не знал, что ему об этом думать, но принял присягу. Как западный человек и новообращенный, он уже и так выделялся среди других, и присяга могла укрепить доверие к нему и поднять его авторитет.

Даниель называл себя в лагере Юнусом, что соответствует немецкому имени Йонас. В лагере не велось религиозной или идеологической подготовки. Главным делом была подготовка к теракту. Языковые курсы для обращенных в ислам не предусматривались: если человек ничего не понимает или понимает мало, то он и не задает вопросов. Самое необходимое Даниелю переводили другие участники группы.

Обращение со взрывчатыми веществами //

Первые десять дней Даниель учился обращаться с автоматом Калашникова. Кроме автоматов в лагере были пулеметы и российские ручные гранатометы РПГ-7. Такой гранатомет выпускает до шести двухкилограммовых гранат в минуту. Дальность стрельбы — до 350 метров, попадание в цель — более или менее точное. Но из гранатомета в лагере не стреляли: это было слишком накладно. Даниель научился выдергивать чеку и кидать гранату. Использувавшийся в лагере пистолет ТТ был принят на вооружение в Красной армии во время Второй мировой войны. Следующая модель, ПМ, тоже уже не новая: она была разработана более пятидесяти лет назад. С одной из новейших моделей из лагерного арсенала Даниель уже был знаком: разработанная в конце пятидесятых годов немецкая винтовка Г-3. Эта модель и следующая, Г-36, использовались при обучении солдат в бундесвере, как раз когда Даниель проходил в нем службу.

Боеприпасы ему выдали лишь в последний день. Он учился заряжать, целиться и стрелять. Один из членов группы снимал бойцов на видеокамеру. Такие видеозаписи нужны для посланий с угрозами, которые «Союз исламского джихада» рассылает своим врагам. Кроме того, демонстрация ударной силы членов организации важна в переговорах с потенциальными спонсорами.

В первые недели они учились передвигаться на местности. Совершали многочасовые марш-броски по горам. На занятиях по дзюдо их готовили к ближнему бою. Затем инструктор проводил опрос. Бойцы отвечали на вопросы о дальнобойности различных видов оружия, о том, как следует держать оружие, как целиться, какие боеприпасы применяются при различных видах атаки, как следует разбирать и чистить оружие, как прятаться на местности. Инструктор давал домашнее задание. Кто его не выполнял, должен был отжаться пятьдесят раз или отправлялся мыть посуду.

На второй ступени обучения Даниель освоил обращение с взрывчатыми веществами. Обезвреживать взрывные устройства он научился еще во время службы в бундесвере. В Пакистане он узнал, как из будильника и небольшого количества дополнительных материалов можно собрать бомбу с часовым механизмом. Какая взрывчатка подходит для какого теракта. Как закрепить на старой mine дистанционно управляемый детонатор. Короче говоря, как без больших затрат и современного оборудования добиться максимальных разрушений и как можно большего числа погибших. Число учеников уменьшалось с каждым днем. Некоторых готовили не к терактам с использованием взрывчатки, а к боевым акциям с применением автомата Калашникова. Они в основном тренировались целиться, стрелять, разбирать и чистить оружие. Некоторые уже отправились воевать. Даниель продолжал обучение. Добавилась еще неделя занятий химией. Ему объяснили, как сделать бомбу из пшеничной муки, детонатора и пероксида водорода, который в Германии имеется в свободной продаже.

Пробные взрывы прошли удачно. Изготовление яда из грибов и других ингредиентов оказалось более сложной задачей: наставник накормил этим ядом кролика, и вскоре тот, живой и здоровый, поскакал прочь. Но яды не особенно интересовали Даниеля и Фрица. Фрицу бросилось в глаза, что их учили преимущественно тому, что могло пригодиться для осуществления теракта за границей. Например, конспирации. Они учились использовать фальшивые документы и менять внешность.

В лагере существовал строгий распорядок дня, который должен был соблюдаться всеми: ранний подъем, совместная молитва, зарядка, изучение оружия, лишь после этого завтрак, занятия, обед, перерыв, совместная молитва, снова занятия, ужин, занятия спортом. Кто знал арабский, читал вечером Коран. Из дня в день жизнь текла по этому распорядку. Правда, иногда вмешивались болезни. И Даниель, и Фриц часть времени провели в постели. Плохое питание, трудный путь до лагеря и нервное возбуждение с самого начала негативно сказались на состоянии здоровья Даниеля. У него возникли проблемы с желудком. Температура воздуха, доходившая до 40 градусов, также ослабляла организм.

Если начинался дождь, то это было надолго. Из-за дождя сухая земля превращалась в жидкое месиво. Такая сырая погода, например, стояла вскоре после приезда Даниеля из Ирана. Фриц и Даниель познакомились в дождливую ночь в одном из домов «Союза исламского джихада». Нависшие темные тучи и отсутствие электричества делали ночь особенно черной и угрожающей.

Фриц закончил обучение раньше Даниеля. Успешная подготовка в лагере джихадистов — обязательный ритуал. Его не избежать тому, кто хочет бороться в рядах подобной организации или тем более в рядах «Аль-Каиды». Знания,

полученные за многие недели учебы, менее важны, чем приобретенные за это время контакты, связи с другими боевиками, особенно с джихадистской группировкой. Потому что именно группировка выбирает цели для терактов, достает оружие, а затем берет на себя ответственность за теракт и оглашает имя своего мученика.

После возвращения на родину ученики, прошедшие подготовку в лагере, сохраняют контакты друг с другом и с группировкой. Они учатся, работают, создают семьи, живут как обычные, ничем не примечательные граждане до тех пор, пока не созреет план очередного теракта. Командир Ахмет примерно уже представлял, где можно будет использовать Фрица и Даниеля, и обсуждал это с Фрицем. Он говорил, что осуществить успешную операцию в Афганистане крайне сложно: там в большом количестве дислоцированы хорошо вооруженные американские войска. Гораздо лучше организовать теракт за границей. Там и резонанс гораздо больше.

Мысль показалась Фрицу убедительной. «Мы были единственными европейцами, и только у нас была такая возможность», — скажет он позже о терактах за границей, например в Германии. И у «Аль-Каиды» нет для этого людей, утверждает Фриц. Очевидно, он чувствовал, что избран совершить теракт. Он, как и Даниель, принес клятву верности Командиру Ахмеду. Их наставник «командовал операцией» в Германии.

Фриц должен был спланировать теракт и осуществлять руководство небольшой группой. Против этого он не возражал. Однако Командир Ахмед не желал предоставлять ему полную свободу в выборе цели. Консульства годились. А вот посольства — нет, их слишком сильно охраняют. Лучше выбрать места, где бывают американские солдаты. Их казармы в Германии. Или бары и дискотеки, которые они посещают в свободное время.

Теракт должен напугать немцев и американцев. И донести до них главное требование «Союза исламского джихада»: вывод западных войск из Афганистана.

Прощание с лагерем далось Даниелю нелегко, несмотря на все трудности пребывания там. Он не хотел возвращать оружие. Без оружия он чувствовал себя беззащитным; он хотел оставить его себе для самообороны. Но оружие пришлось вернуть, потому что своей очереди уже ожидали новые ученики. У группировки были союзники, которые доставили закончивших обучение лиц на иранскую границу. Однако дальнейший путь Даниеля без соответствующих бумаг закончился неудачей. Возможно, он где-то кому-то не заплатил. Или у него кончились деньги.

Как бы там ни было, на границе его арестовали, и пакистанский суд приговорил его к двум месяцам тюрьмы. Потом он позвонил отцу, и немецкое посольство позаботилось о немце, который якобы заблудился на приграничной территории. На самом деле этой истории никто не поверил, и немецкая служба безопасности стала пристальнее наблюдать за Даниелем. Через два месяца Даниель покинул пакистанскую тюрьму и вернулся в Германию. Родным он сообщил, что изучал Коран в Иране, а не в Египте, как говорил раньше. В феврале 2007 года он снова поселился в квартире у отца, в маленьком саарском городке. Большой контраст трудно вообразить.

Отец не расспрашивал сына: очевидно, он не хотел знать, что всё это значит. Он оставил Даниеля в покое, не критиковал его, не ругал. Как и в предыдущие

годы, он вел себя «деликатно» (так это называет Даниель). Наверное, Даниель мог бы назвать причиной такого поведения состояние здоровья отца, не задумываясь о том, были ли их отношения другими, когда болезни еще не играли такой большой роли в жизни отца. После возвращения сына из Пакистана отец жаловался только на его ночные молитвы, из-за которых он не мог уснуть. Даниель перебрался ночевать в подвал; теперь он больше не мешал отцу своими молитвами. Жильцам дома запомнился этот странный юноша.

В марте его посетили сотрудники Федерального ведомства по охране конституции. В эту спецслужбу обратилась мать Даниеля, потому что тревожилась о нем. Ведомство направило к Даниелю двух сотрудников. Они расспрашивали Даниеля о его поездке в Пакистан, но не задавали опасных вопросов. Они сделали вид, что поверили всему, что он им говорил. Позже они назовут его истории «сказками тысячи и одной ночи». Они дали Даниелю почувствовать, что его рассказ кажется им правдоподобным. Он должен был думать, что они и не подозревают о его подготовке в лагере. На самом деле сотрудники ведомства хотели продолжать следить за ним, не вызывая подозрений.

После возвращения в Саар Даниель жил, как и до подготовки в лагере, по жестким религиозным правилам. Возможно даже, что он соблюдал их еще строже. Он не принимал наркотиков и не употреблял алкоголя — запрещено. Он не слушал музыку, если пела женщина, — запрещено. Ему не нравилось, когда мусульманки не покрывали голову платком, — запрещено. Он вел жизнь правоверного, а вскоре и фанатичного мусульманина.

Саид //

Саид смотрит серьезно в объектив фотокамеры. Почти на всех фотографиях этого периода у него одинаковый взгляд: безучастный, незаинтересованный, безрадостный. На улицах его родного города бушует война. Новые друзья Саида воюют против израильских войск. В руке у Саида автоматическая винтовка. Его новые друзья знали, как чистить оружие, как ползти с ним по асфальту, как прятаться за стены, как прицеливаться и стрелять. И они точно знали название винтовки — М-16.

А вот Саид не разбирался в оружии. На фото он крепко держит рукоять винтовки и упирает ее приклад в правое бедро; при этом верхняя часть туловища некрасиво отклоняется влево. Винтовка М-16 весит четыре килограмма и не предназначена для использования одной рукой — Саид ощутил это. Ствол винтовки указывает в небо. Одной рукой Саид держит винтовку, другая свободно свисает вдоль тела. На Саиде черные брюки, черный ремень и красная футболка, рукава которой доходят ему до локтя. Другие ребята, собиравшиеся погибнуть как мученики, надевали на фотосеансы оливково-зеленые жилеты или военную форму. У Саида ничего подобного не было — ни в платяном шкафу дома, ни где-нибудь в тайнике.

На стене позади Саида прикреплена фотография размером примерно два на три метра: Купол Скалы в Иерусалиме, голубое небо и белые облачка. Семнадцатилетний юноша стоит, немного расставив ноги, с винтовкой в руках, на фоне одного из самых значимых для мусульман мест. Согласно исламу, именно отсюда вознесся на небеса пророк Мухаммад. Цель Саида была схожей — *джанна*. Так звучит одно из многих обозначений рая на арабском языке.

Фотоателье никак не рекламируется. В городах на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа таких студий десятки. У них нет названия, и официально они не существуют. Фотокамеры и экраны ежедневно меняют местоположение. Только узкий круг посвященных знает, где хранится аппаратура для этих мобильных фотоателье. Люди, встающие перед объективом, принадлежат к этому кругу лишь нескольких дней или недель. Они погибают, и на их место приходят другие. Меняются помещения, и молодые мужчины и женщины сменяют друг друга перед объективом фотокамеры.

О среднестатистическом террористе //

Амару Абдуру Рахиму, например, было шестнадцать, когда он взорвал в Тель-Авиве пять килограммов взрывчатки, закрепленной у него на ремне. Тауфику Али было тридцать, и он совершил аналогичный теракт в Иерусалиме. Некоторые террористы были гораздо старше. Одни выросли в бедных лагерях беженцев, другие — в коттеджах, расположенных в богатых кварталах. Кто-то не закончил и начальной школы, кто-то учился в университете. Были женатые и холостые террористы, семейные и бездетные, безработные или работающие. Большинство из них мужчины, но встречаются среди них и женщины. Если, несмотря на это разнообразие характеристик, кто-то все же попытается создать портрет среднестатистического террориста, он вряд ли справится с задачей. Мученику на плакате от 20 до 25 лет. Но под это описание подходят сотни тысяч палестинцев, не имеющих отношения к терактам. Типичного террориста, обладающего набором характерных черт, не существовало и не существует.

В свои семнадцать лет Саид был одним из самых юных террористов. Он рано оставил школу. Семья была бедной, и родные нуждались в его помощи. Людей с подобными биографиями в его городе было предостаточно. А он был скорее неприметным подростком. Именно этим он был интересен организации, готовящей теракты. Неприметным людям легче проникнуть в Израиль, они не бросаются в глаза. А для террориста-смертника это самое важное.

После фотосеанса Саид должен был вернуть винтовку. Для теракта она была не нужна. Скорее всего, он учился передвигаться с поясом. Тяжелой была не сама взрывчатка — гораздо больше весили гвозди, болты и гайки. При взрыве мелкие металлические части разлетаются во все стороны на сотни метров. Саид узнал, как подорвать бомбу на своем теле. Он также запомнил, к кому обращаться, если что-то пойдет не по плану.

Был предусмотрен и запасной вариант. Территория между Наблусом и местом, запланированным для теракта, патрулировалась военными. На всех дорогах и перед всеми крупными палестинскими городами уже давно действовали израильские контрольно-пропускные пункты. Если бы Саида остановили на пути к цели, он должен был сохранять спокойствие. В случае обыска был только один выход: немедленно взорвать себя вместе с израильскими солдатами. Иначе его бы арестовали, посадили в тюрьму и стали допрашивать. Персонал израильских тюрем не церемонится с арестованными. Освободившиеся рассказывают о жестких методах ведения допроса. Заключенных по многу дней держат в очень холодных помещениях, во время допросов надевают на голову мешок и на долгие часы оставляют со связанными за спиной руками. Рассказывают и о более страшных вещах.

При таком обращении некоторые заключенные начинают говорить, однако это не значит, что они говорят правду. Но они сообщают о подготовившей их организации. О местах укрытия и контактных лицах. Чтобы не оказаться в такой ситуации, Саид в любом случае должен был взорвать бомбу, не важно где — среди солдат или в запланированном месте. Таково правило при подобных терактах.

Однако опаснее израильских солдат были предатели среди своих — по крайней мере, в период подготовки к теракту. Когда Саид готовился к теракту, экономическое положение в этой развивающейся стране было хуже некуда: каждый второй житель Наблуса искал работу. Мало кто из работодателей мог позволить себе во время кризиса выплачивать полную зарплату, и некоторые палестинцы улучшали свое незавидное материальное положение за счет израильских спецслужб.

Военные постоянно арестовывали палестинцев, обвиняя их в организации теракта или намерении совершить теракт. Даже если ничего нельзя было доказать и обвинение основывалось лишь на подозрениях, это далеко не означало освобождения. Нередко задержанные продолжали оставаться в тюрьме без предъявления обвинения и проведения следствия — под так называемым административным арестом. Одно из предписаний израильской армии одобряло такой арест «из соображений безопасности». Поэтому при подготовке Саида главной заповедью с самого начала была секретность.

Это заметил и друг Саида — Рами. За несколько недель до теракта Саид перестал с ним общаться. Зато он каждый день встречался с Мазеном Фрайтахом, своим личным инструктором. Мазена хорошо знали в Старом городе, на краю которого жила семья Саида. Говорили, что он состоит «в сопротивлении». Хотя то же самое говорили о паре сотен других мужчин в этой части города. О том, что на самом деле делал и что планировал Мазен, знали очень немногие.

Проверка на прочность //

Мазен вырос в Старом городе. Он родился в 1978 году, то есть был на семь лет старше Саида. Мазен рано бросил школу. «На первом месте для него был баскетбол, на втором — футбол», — вспоминает один из его учителей. Во время Первой интифады Мазен вместе с другими детьми и подростками швырял камни в израильских солдат. Те отвечали сначала звуковыми бомбами, которые должны были отпугивать резким звуком, потом слезоточивым газом, затем резиновыми пулями и, наконец, боевыми патронами. Впрочем, такая последовательность соблюдалась не всегда. В одной из стычек израильский солдат выстрелил Мазену в бедро. Тогда ему было одиннадцать лет. После школы Мазен работал подсобным рабочим на стройке. Его отец умер рано, когда он был еще ребенком. Ему пришлось вместе с другими братьями зарабатывать на жизнь. Мать умерла, когда ему было двадцать. С началом Второй интифады Мазен вступил в «Бригады мучеников Аль-Аксы» и воевал теперь уже с оружием в руках. При встрече с Рами Саид и Мазен меняли тему разговора. Рами быстро сообразил, что они что-то скрывают. Но что это был за секрет, он узнает уже после теракта. Встречи происходили не в условленном месте, а дома у Мазена. Ни у кого не должно было возникнуть подозрений — всё должно было выглядеть как обычная дружба. Визиты Саида никому не бросались в глаза. Мазен пользовался популярностью у сверстников Саида, проживавших в том квартале, как бывают популярны молодые

люди с оружием в руках. На таких мальчишки смотрят снизу вверх: для них они бойцы сопротивления.

Во время подготовки (предположительно, в самом начале) Саид прошел проверку на прочность. Со слов свидетелей можно реконструировать это испытание: вооруженный ножом Саид должен был пройти мимо израильских постовых. За ним наблюдал один из членов организации. Как он ведет себя с солдатами? Сохраняет ли спокойствие? Или на лице написана тревога? Как он реагирует на непредвиденные обстоятельства? Саид выдержал экзамен, и началась следующая стадия подготовки.

Позже его друзья говорили, что он хотел напасть на израильских поселенцев; годы спустя после теракта в Наблусе даже утверждали, что Саид кого-то убил. Поселенцы — это израильские граждане, живущие на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме, то есть на палестинской территории. В те времена они проживали еще и в секторе Газа. По мнению многих поселенцев, палестинцы не имеют права на собственное государство. Поселенцы живут на специально для них построенных улицах и ездят на только для них курсирующих автобусах. Израильское правительство оказывает финансовую поддержку строительству этих укрепленных жилых районов; размер субсидий зависит от результатов выборов. Израильские солдаты охраняют в первую очередь крупные поселения, которые уже превратились в города со своими школами, торговыми центрами и парковками. Международное сообщество смотрит на все это неодобрительно. С точки зрения ООН поселения на палестинской земле нарушают нормы международного права.

Кажется неправдоподобным, что Саид и в самом деле планировал нападение на израильских поселенцев. У Мазена были на него другие виды. В старой части Наблуса Мазен был одним из главных членов «Бригад мучеников Аль-Аксы». Это название отсылает к иерусалимской мечети Аль-Акса («удаленная мечеть» по-арабски). Она расположена на той же площади, что и Купол Скалы. «Бригады мучеников Аль-Аксы» считаются боевым крылом движения ФАТХ. Речь идет о популярной у многих палестинцев партии, чьим лидером в те годы был Ясир Арафат.

Задачей Мазена была подготовка террористов-смертников. Многие члены этой организации в Наблусе занимались подготовкой подобных терактов. Нередко члены группировки знали только имя своего непосредственного руководителя, но не знали лидеров, живущих в соседнем квартале. Правило секретности действовало и здесь. Мазен вербовал молодых людей из старой части города. Хотя слово «вербовал» не совсем соответствует действительности. Искать кого-либо по-настоящему Мазену не приходилось. Определенный тип молодых людей считали за честь быть избранными на эту роль.

Промывка мозгов не нужна //

Чтобы быть избранным на роль мученика, не нужно обладать особым талантом. В том деле, какое планировал Саид, важны были не технические навыки, а вера. Уже за несколько лет до теракта он обратился к религии. Начал регулярно посещать мечеть и молиться дома. Верил в жизнь после смерти, которая будет намного лучше, чем жизнь в Наблусе. Однако для теракта этого было недостаточно. Чтобы расстаться с жизнью и подорвать вместе с собой других людей, требовалось большее: твердая уверенность в том, что поступаешь

правильно. Саид считал, что, совершая теракт, он выполняет долг — защищает свою страну, как бы парадоксально это ни звучало для посторонних.

Саид не нуждался в целенаправленном религиозном просвещении или в чем-то, что можно было бы назвать «промывкой мозгов». Тревожные события последних лет радикализировали мировоззрение его друзей, да и всего города. На городских стенах и фасадах зданий висели портреты горожан, потерявших жизнь в борьбе против Израиля. К траурным маршам присоединялись тысячи жителей. Они называли боевиков мучениками. Их дела были известны всем. О них говорил весь город.

«Ты знаешь Махера аль-Хабиша?» Некоторые отвечали с ходу: «Он был в ХАМАСе». Эта организация, как и «Бригады мучеников Аль-Аксы», осуществляет теракты. Но кроме того, она содержит сеть социальных учреждений, например школы и больницы. ХАМАС называет себя «Исламским движением сопротивления». Некоторые, говоря о террористе ХАМАСа Махере аль-Хабиша, добавляли: «Он убил 15 евреев». Другие даже называли его возраст: «Двадцать лет». И люди знали, как он стал мучеником: «Это тот, кто провел операцию в Хайфе».

Под словом «операция» (по-арабски *амалия*) подразумевается теракт — именно так и называют его израильтяне. Крупные американские газеты также используют определение *terror attack*^[25]. Дикторы немецкого телевидения тоже говорят в новостях о «терактах в Израиле». Однако в тех странах, где преобладает мусульманское население, многие СМИ переняли формулировку палестинцев. А в Исламской Республике Иран СМИ говорят о «сионистах», убитых в «оккупированной Палестине».

Сионистами называли себя евреи, которые хотели основать свое государство в Палестине. В конце XIX века это было распространенное понятие. Но тот, кто в начале XXI века, спустя более пятидесяти лет после основания Государства Израиль, все еще называет сионистами всех израильтян, имеет в виду другое: он не признает еврейское государство.

Словосочетанием «оккупированная Палестина» иранские СМИ обозначают не палестинские территории, занятые израильскими военными, а области, включающие в себя как палестинские, так и израильские территории. Радикальные палестинцы требуют отдать палестинскому государству всю территорию. А радикальные израильтяне требуют создания Большого Израиля без Палестины.

Новые друзья Саида пользовались всеми этими понятиями. О «сионистских солдатах», «оккупантах» и «освобождении Палестины» можно было прочитать на плакатах мучеников. Возбужденная толпа выкрикивала эти кодовые слова во время маршей протеста. Вскоре в каждой семье были свои мученики или заключенные израильских тюрем. Вряд ли кому-либо в Наблусе был нужен наставник, преподающий радикализм. Всё, что было известно Саиду о политике, он узнал на улице.

Незадолго до смерти он получил ответ на свои религиозные вопросы у имама мечети, расположенной недалеко от Старого города. Священнослужитель был известен своими радикальными речами. Но Саид знал и без имама, что ожидает мученика после совершения теракта. В то время некоторые молодые люди в окружении Саида обсуждали эту тему так, как их сверстники в странах со

стабильной политической обстановкой говорят о выборе профессии. Наградой мученику будет рай. В этом Саид не сомневался.

На одной из фотографий он держит в руке *мисбаху*. Так на арабском языке называются четки, которыми пользуются также некоторые христиане и индуисты. У мусульман есть разные варианты четок. Они могут состоять из 99 бусин — по числу имен Аллаха. Передвигая их, верующий молится Аллаху. Он также может произносить три разных молитвы, каждую по 33 раза. Большой палец Саида вставлен между двумя бусинами, как будто он передвигает бусину.

Его левая рука — в кармане брюк. На нем черные джинсы, черные ботинки, черная куртка и черный пуловер. На красочном полотне позади него изображены две колонны, окруженные плотными розовыми облаками. Колонны соединяет, как арка, узкое длинное облако. Эти облачные ворота, ведущие в ясное голубое небо, обвиты растением с белыми цветами. В нижней части фотографии виден кафельный пол фотостудии.

Существуют только два экземпляра фотографии, где Саид изображен с автоматической винтовкой в руках на фоне Купола Скалы. Один из них его мать обнаружила в своем доме еще до теракта. Она показала фотографию отцу Саида, тот порезал ее на мелкие кусочки и выбросил. Он не хотел, чтобы у сына были проблемы с израильскими солдатами. Армия противника по ночам регулярно обыскивала дома подозрительных палестинцев. Такой фотографии было бы достаточно в качестве доказательства. Отец вызвал Саида на разговор, но добиться от него ответа было уже невозможно. Правило секретности действовало и в отношении собственной семьи.

Вторая фотография Саида с оружием висела над входом в обувной магазин в Старом городе еще годы спустя после теракта. Она не была заклеена изображениями последующих мучеников, как это бывало в других местах. Слева от фотографии стоял металлический стеллаж, заполненный блестящими босоножками и розовыми полуботинками. Перед магазином грудились коробки с разноцветной спортивной обувью.

На другой стороне переулка горкой сложил свой товар торговец редькой. Ему была хорошо видна фотография Саида и многие другие фотографии, приклеенные рядом с помощью скотча. Другие мальчишки тоже были сняты на фоне Купола Скалы. На одной из фотографий — инструктор Саида Мазен в полный рост. А на самом верху — портрет закулисного организатора многих терактов «Бригад мучеников Аль-Аксы» Найефа Абу Шарха, мужчины с густой черной бородой, в белой рубашке и сером пиджаке. Он тоже снялся на фоне золотого купола знаменитой мечети.

В центре, окруженная фотопортретами, висит карта страны. На ней нет государства Израиль, есть только большая страна под названием «Палестина». Еврейского государства между сектором Газа и Западным берегом реки Иордан не существует. У радикальных израильтян — аналогичные карты, только там вся территория называется Израиль. Столица на палестинской карте называется Аль-Кудс — Иерусалим. Карты развешены по всему городу. Были они и на стенах классных комнат в старой начальной школе, где учился Саид. Поэтому инструкторам Саида не было нужды объяснять ему значение таких карт.

Подготовка Саида должна была завершиться терактом. Между подготовкой и операцией не предполагалось перерыва. Ожидание могло ввести его в искушение

рассказать кому-либо о запланированной акции. И этот «кто-то» мог отговорить его и помешать осуществлению теракта. Или даже проинформировать израильскую армию. У Саида не должно было остаться времени ни на разговоры, ни на размышления. Он принял решение — он хотел взорвать себя. Излишек времени мог подтолкнуть его к размышлениям. А размышления могли привести к сомнениям. Но именно этого, с точки зрения Мазена, ни в коем случае нельзя было допустить.

Завещание //

В последний день подготовки, за день до теракта, Саид составил завещание. Такой текст не мог сочинить семнадцатилетний парень, который бросил школу и никогда особенно не интересовался чтением и письмом. Его родители, читая завещание, удивлялись, что он так хорошо пишет. А его друг Рами узнал почерк, но не узнал слога. Можно предположить, что Саид написал прощальные слова под диктовку Мазена. Тот хорошо разбирался в формулировках, годившихся для такого рода текстов.

Составители подобных завещаний придерживаются определенной схемы. Во всех прощальных письмах повторяются определенные слова и выражения. Друг у друга заимствуются подходящие формулировки. Образцами считаются завещания знаменитых мучеников. Часто приводятся одни и те же цитаты из Корана. Может показаться, что автору завещания остается лишь добавить в некий образец свое имя и место рождения. Иногда в завещаниях встречается и личная информация; в тексте Саида ее нет.

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного» — так начинает Саид свою «последнюю волю». Этими словами открываются все 114 сур Корана за исключением одной. Этой же формулой, *басмалой*, мусульмане начинают все религиозные выступления. Верующие часто произносят ее перед началом путешествия или при входе в дом. Одним словом, если человек отдается на волю Аллаха, он произносит басмалу. Так начинали свои завещания многие террористы, и не только в Наблусе.

После басмалы Саид процитировал 14-й аят девятой суры Корана. «Сражайтесь с ними. Аллах накажет их вашими десницами, ввергнет их в позор и поддержит вас против них. Ведь Он исцеляет сердца людей верующих». Таков полный текст; Саид записал его не полностью и с ошибками.

К кому относится слово они в этом аяте, то есть против кого нужно бороться, объясняет предыдущий стих, который Саид не цитирует: «Неужели же вы не сразитесь с людьми, которые преступили свои клятвы и усердствовали, чтобы изгнать Посланника? Они первые начали сражаться с вами. Неужели вы боитесь их? Вам надлежит больше бояться Аллаха, если вы веруете». Таким образом, под словом они подразумеваются те, что «преступили свои клятвы» и собирались «изгнать» Посланника, то есть пророка Мухаммада.

Но так просто смысл не объяснить: для каждой суры Корана существуют разные толкования. Цитируя этот аят, Саид хотел оправдать свой поступок с точки зрения религии. Поэтому он толковал Коран радикально, как это делают исламисты.

Для него они обозначало «враги», «неверные», а в его случае, кроме того, «оккупанты» и «евреи». Подавляющая часть мусульман читает этот аят по-другому. Всё зависит от толкования. Исследователи ислама обратили бы

внимание на происхождение стиха. Он написан в определенное время, а именно после того, как последователи Мухаммада бежали из Мекки в Медину. В Мекке их преследовали из-за их религиозных взглядов. Текст направлен против тех, кто изгнал последователей пророка.

После цитаты из Корана Саид написал: «Мое завещание перед встречей с Аллахом, Великим и Всемогущим». Затем он назвал себя: «Ваш сын, ищущий мученичества Саид, рожденный в Наблусе — Джабал ан-Наре». *Джабал ан-Нар* означает «огненная гора». Для этого названия города у жителей есть два объяснения. Как и в случае с Кораном, существуют умеренное и радикальное толкования. Согласно первому, дело в особенностях местности: город расположен в долине и почти полностью окружен горами. Закатное солнце окрашивает каменные холмы в темно-красный цвет, и они как будто полыхают, «как на пожаре». Другие говорят, что город получил такое название потому, что именно в Наблусе началась борьба против оккупации, то есть в этой долине «вспыхнул пожар». Видимо, Саид имел в виду второй вариант. «Вот что я хочу вам поведать перед своей встречей с избранником Мухаммадом, да благословит Его Аллах и приветствует, с Его чистыми благонравными спутниками и моими братьями по истишхаду, и моими друзьями, и моими друзьями — шухада, которые опередили меня». «Избранником» часто называют Мухаммада. Оба слова, *истишхади* и *шахид* (во множественном числе *шухада*), означают мучеников, но эти понятия существенно различаются. *Шахидом*, например, можно назвать и того, кто случайно погиб в перестрелке. Даже если он просто направлялся в супермаркет или в школу и вовсе не собирался умирать. Такое сотни раз случалось в Наблусе. Это слово для обозначения погибших существует давно. В Средние века *шахидами* называли даже жертв чумы. А вот *истишхади* относится только к человеку, который сознательно, как Саид, стремится стать мучеником, например совершив теракт.

Слово *шахид* переводится как «свидетель». В случае теракта шахид — это тот, кто что-то «свидетельствует» своей смертью. Во многих религиях мучениками называют людей, которые погибли во имя веры и тем самым подтвердили свою преданность ей. Однако многие государства сооружают памятники своим мученикам безотносительно к религии. Мучениками называют, например, павших за родину солдат.

«О моя семья, о мои братья, о мои друзья, воистину пожертвую я моими ничем не стоящими душой и телом во имя прославления слова Аллаха и его Пророка; и во имя любимой чистой страны, и во имя единой Палестины, дорогой нашему сердцу; во имя вознесения нашего Пророка, мир ему и благословение, и во имя святого Иерусалима». «Вознесением» верующие называют путь Мухаммада к Аллаху и его возвращение на землю. В своем завещании Саид призывает мусульман идти «дорогой джихада и мученичества». Джихад — центральное понятие завещания. Под так называемым большим джихадом понимается борьба верующего с собственными недостатками и ошибками. Под малым джихадом понимается защита и распространение ислама. Здесь требуется безоговорочная борьба за Аллаха и за умму — сообщество всех мусульман. Безоговорочно — значит без оглядки на свою собственность и даже на свою жизнь.

О свадьбе мучеников //

Саид верил, что «путь джихада и мученичества» ведет в рай. Однако в завещании он упоминает о потустороннем мире лишь коротко. Он цитирует аят 169 третьей суры: «Не считай же покойниками тех, которые были убиты во имя Аллаха. Нет, живы они и получают удел от Господа своего». Далее он обращается к матери: «Когда ты получишь известие о моем мученичестве, встань, и начни напевать, и скажи сообществу Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует: Вот жених. Это день свадьбы моего сына».

На Палестинских территориях нет ничего необычного в том, что день смерти мученика называют днем его свадьбы, а самого погибшего — женихом. Саид тоже слышал истории о мучениках, которые якобы погибли с улыбкой на устах. Широко распространены фотографии и видеозаписи, показывающие мертвых боевиков джихада в морге со счастливым выражением лица. Распространители подобных снимков говорят, что это улыбка жениха в брачную ночь, потому что мученики непосредственно после теракта женятся на райских девах.

Те, кто в это верит, исходят из Корана, где можно прочитать о «пречистых супругах», которые ожидают богобоязненного верующего в раю (сура 3, аят 15). Рядом с верующими рабами Аллаха там находятся «гурии, потупившие взоры, большеглазые, чистые, словно оберегаемое наседкой яйцо» (сура 37, аяты 48–49). Существует много разных интерпретаций этих аятов, единственного верного толкования не существует и здесь. Критики сообщений об улыбающихся мучениках и их райской награде показывают другие фотографии. На них можно видеть искаженные лица мучеников и их израненные тела. Как раз от террористов-смертников зачастую остаются лишь изувеченные части тела.

Саид заканчивает завещание призывом к своей семье. Он требует, чтобы родственники вели праведную жизнь; такое требование встречается во многих завещаниях. Саид призывает семью молиться пять раз в день, как то делают многие верующие мусульмане. За это он собирается быть их «ходатаем», потому что мученики обладают в раю некоторыми правами. Помимо прочего он мог бы замолвить словечко за своих родственников и дать им возможность попасть в рай. Заключительные слова завещания: «Мир да пребудет с вами и милость Аллаха и его благословение. Ваш сын, живой мученик Саид». Строчкой ниже Саид пишет, что по его просьбе не было сделано видеозаписи с ним. Его мать обнаружила завещание после его смерти на полу перед входной дверью. Рядом лежали его черный ремень, мобильный телефон и несколько фотографий. Видимо, до теракта он где-то прятал эти фотографии — предположительно у Мазена. Родители заламинировали завещание и дают его читать гостям, интересующимся Саидом. Но фотографию, где он изображен с оружием в руках, они показывать не любят.

7

Джихад

Предотвращенный теракт Даниеля Осуществленный теракт Саида

Даниель //

Теперь Даниель и его отец говорили на разных языках. Даниель сильно изменился после того, как прошел секретную подготовку в «Союзе исламского

джихада» и отсидел срок в пакистанской тюрьме. Вернувшись в провинциальный саарский городок, он пытался убедить отца в правоте ислама. Но они становились всё более чужими друг другу. Разговоры о религии всё больше портили их отношения. Отец перестал доверять сыну. Куда все это может привести? Даниель толковал ислам радикально, что исключало компромисс. Или истина — или ложь. Или набожный мусульманин — или неверный. Никаких полутонов.

У отца было слабое здоровье, и такое общение было слишком изнурительным для него. Даниель должен был съехать. С помощью своего друга Хусейна он быстро нашел новую квартиру. Всего через два месяца после возвращения из Пакистана, в апреле 2007 года, Даниель переехал в маленький городок под Саарбрюккеном. Парикмахерские там закрыты по понедельникам, булочная и мясная лавка — в среду после обеда, в маленьком продуктовом магазинчике покупаются, как правило, пожилые люди, которые больше не водят машину.

В нескольких минутах ходьбы от нового пристанища Даниеля находится пивная. Уже с обеда в воздухе там висит густой дым. Женщина за барной стойкой, не задавая вопросов, ставит перед мужчиной в вязаном пуловере бутылку пива и говорит: «Твое здоровье». Все друг друга знают, разговаривают о дешевых авиарейсах в египетский рай, об отпуске на Майорке прошлым летом. На фотографии рядом с музыкальным автоматом изгибается черноволосая женщина в бикини. Один из посетителей с окурком во рту исчезает в туалете.

Квартира Даниеля находится в обветшалом доме на углу. Трудно представить себе большой контраст с роскошной квартирой отца и просторным домом матери. В коридоре с потолка свисают кабели электропроводки, из-под алюминиевой фольги выбивается желтый изоляционный материал. Вдоль неоштукатуренной стены тянутся трубы, исчезающие в грубо вырубленных отверстиях. В конце коридора — умывальник. Слева от него — металлическая лестница на второй этаж, справа — выложенные плиткой ступеньки во внутренний дворик, где свален крупный мусор.

Закрытое общество //

Даниель делил свое новое пристанище, включая кухню и ванную комнату, с другими мусульманами его возраста. Плата за комнату составляла 100 евро в месяц. Ночи он проводил не в постели, а на полу. Мебели у него почти не было: все должно было быть как можно проще. Он хотел изгнать из своей жизни всё светское, материальное. Навсегда. «Мухаммад тоже так жил», — якобы сказал Даниель соседке, пожилой палестинке, с которой у него были хорошие отношения. Не в первый раз он, новообращенный, брал на себя смелость объяснять ислам урожденной мусульманке и говорил о пророке.

Для палестинки, как и для остальных обитателей дома, он был не Даниель, а Абдула — так он представился при вселении. «Он называл меня мамой. Моего мужа он звал дядя или баба», — вспоминает палестинка. Баба — это арабский вариант слова «отец». Соседи-палестинцы на какое-то время заменили Даниелю семью. К тому моменту он уже наверняка сильно разочаровался в своих родителях. Сначала трагедия развода, потом непростая жизнь с матерью и годы с больным отцом — уже долгое время у Даниеля не было настоящей семьи.

В арабской семье Даниеля быстро приняли как своего. Иногда он приносил им хлеб, который пек сам. Палестинка любила для него готовить. «Он пек лучше, чем я», — говорит она. Хотя они были соседями всего несколько месяцев, Даниель

вскоре рассказал им о своих проблемах. Он доверился им так, как раньше доверял лишь очень немногим. Он рассказал о разводе родителей, о своем увлечении наркотиками. Он говорил о перерождении, исправлении, обращении в ислам. «Он торговал наркотиками, курил марихуану, а потом нашел путь в мечеть», — вспоминает палестинка. Своих родителей в разговорах с ней он называл «неверными», по-арабски *куффар*.

В отличие от родителей Даниеля, его новая «семья» жила очень бедно. Квартира была обставлена просто, но уютно. На полках стояли фотографии родных. Над дверью в зал висело сияющее золотом изображение Купола Скалы с надписью по-арабски «*Филастин*» — «Палестина». Во дворе, менее чем в двадцати метрах от этой квартиры, есть молельня. На белой стене кто-то нарисовал мечеть с минаретом и написал рядом «*масджед*» («мечеть»).

Здесь в прихожей стоят диван и два кресла; их черная кожаная обивка — в дырах. При входе уличную обувь можно сменить на сланцы. К прихожей прилегает маленькая комната для ритуального омовения. Одна из дверей ведет в молельню. В течение нескольких следующих недель Даниель проводил в этом помещении много времени. По пятницам здесь молилась небольшая группа мусульман. Многие радовались присутствию Даниеля, нового члена общины, новообращенного, который хотел улучшить свой арабский. Он ничего не рассказывал им о пребывании в лагере, о контакте с другими лицами, прошедшими подготовку, о планах нападения на объекты в Германии. Многие запомнили его как усердного и набожного мусульманина. А некоторые из пятничных посетителей заметили, что Даниель соблюдал религиозные правила гораздо строже, чем остальные.

Вначале набожность Даниеля импонировала пожилой палестинке. «Даниель созывал нас на молитву. По-арабски он говорил плохо, но был очень умен и прилежен», — говорит соседка. Похоже, Даниель строго следовал всем религиозным предписаниям, о которых знал или слышал. Он не ел свинины, не употреблял алкоголя, молился пять раз в день, постился и указывал остальным, что, по его мнению, запрещено и что разрешено.

Чем дальше они знали друг друга, тем больше позволял себе Даниель наставлять обоих палестинцев в религиозных правилах. Очевидно, он считал это своим долгом. Однажды женщина сидела в своей квартире у окна и курила сигарету. Увидев это, Даниель сказал ей: «*Харам!*» («Запрещено!»). Курить ей еще никто не запрещал. Кроме того, в течение некоторого времени Даниель не смотрел ей в глаза: он считал, что религия запрещает ему смотреть в глаза женщине. Она отвела его в сторону и объяснила, что если он называет ее мамой, то может смотреть на нее, это нормально. Он перестал отводить взгляд, но продолжал говорить «*Харам!*», если замечал что-то, что казалось ему неблагочестивым.

Палестинка не носила платка; Даниель считал, что это нехорошо. Она оправдывалась, говоря, что) когда она в платке, на работе ее все зовут «турчанкой». Люди тогда относятся к ней с недоверием; а с женщиной без платка они обращаются вежливее. Поэтому она решила приспособиться к нормам жизни в саарской провинции. С Аллахом у нее проблем нет. Но Даниель считал иначе. Он и мужа ее наставлял в вере, хотя тот был более чем на 30 лет старше его. Однажды палестинец работал во внутреннем дворике и слушал арабскую певицу

Умм Кульсум; внезапно появился Даниель и заявил: «Это харам!» Действительно, некоторые ревностные мусульмане запрещают себе слушать женское пение. Однако упреки Даниеля только разозлили пожилого человека: «И почему это должно быть харам?» Легендарная певица восемь раз совершила хадж (так называется паломничество в Мекку). Даниель промолчал, Умм Кульсум продолжала петь.

Строгие советы //

Большее впечатление производил Даниель на молодых мусульман. Для них он был авторитетом в вопросах ислама. Один студент попросил у Даниеля совета: «У меня скоро экзамены, в пятницу. Я попаду в рай, если не смогу помолиться в пятницу?» Говорят, что Даниель ответил ему резко и свысока: «Ты всегда должен являться на молитву! Даже если сдаешь экзамены! Ты должен уйти с экзамена, помолиться и вернуться!» Сказано это было таким тоном, что студент больше никогда не обращался к нему с вопросами.

Соседям-немусульманам Даниель был приметен своими громкими призывами к молитве, которые разносились по всему внутреннему дворику. Внешность Даниеля тоже привлекала любопытные взгляды. Свои длинные волосы он заплетал в косичку, к тому же носил бороду, что его сверстники делают редко. В любую погоду на нем была одежда до полу. Палестинка вспоминает: «Он носил длинные одежды, пакистанские». Такой внешний вид служил пищей для разговоров даже среди мусульман, которые часто являлись на молитву прямо с работы, в обычной одежде.

За исключением жителей соседних домов мало кто знал о существовании молельни во внутреннем дворе. Здесь Даниеля не было ни слышно, ни видно. Но многим жителям бросалось в глаза, что по улице часто курсируют автомобили с чужими номерами. В окне дома напротив кто-то даже обнаружил видеокамеру, снимавшую улицу. За мечетью следили полицейские в штатском. Вскоре они стали темой для разговора номер один.

Казалось, Даниель ничего этого не замечал. Во всяком случае, он жил своей обычной жизнью, замкнувшись в собственном мире. Вскоре, однако, у него появился товарищ: к нему заселился Эрик, называвший себя Абдул Гаффаром; он тоже, как и Даниель, принял ислам. Эрик был двумя годами младше, ростом чуть выше метра семидесяти и весом около девяноста килограмм; по сравнению с Даниелем он выглядел неспортивным юношей. Эрик стал для Даниеля тем, кем не могли стать пожилые соседи-палестинцы, — любознательным учеником, который слушался его и следовал за ним. Даниель служил Эрику примером.

В юных годах этих молодых людей можно обнаружить некоторые параллели: Эрик тоже слушал хип-хоп, курил травку, любил носить одежду известных марок и часто тусовался с друзьями. Его родители тоже были в разводе. Как и Даниель, он искал признания, хотел выделяться; познакомился с молодым мусульманином, который рассказал ему о своей вере. В рекордный срок, всего за несколько месяцев, Эрик круто поменял свою жизнь: сменил круг друзей, одежду, питание — изменил все. Он убрал из своей комнаты компьютер, музыкальную установку и большую часть мебели, снял картины со стен в комнате матери; некоторые просто повернул изображением к стене. Друзей и членов своей семьи стал называть «неверными». Впрочем, при более пристальном анализе можно увидеть и различия. Эрик производил впечатление менее интеллектуального, менее

«умственного» человека. Он не так много размышлял о мире, как Даниель, который рано начал интересоваться политикой и в школе не пропускал ни одной дискуссии ни с одноклассниками, ни с учителями. Очевидно, что и развод родителей дался Эрику менее тяжело.

Даниель и Эрик познакомились в Нойнкирхене и моментально «нашли друг друга». Очень скоро они стали жить в одной квартире. Однако почти сразу после вселения нового жильца Даниелю предстоял новый переезд. Посетители соседней молельни заметили, что за несколько дней до отъезда из мусульманской квартиры Даниель сильно изменился. «Он был агрессивным», — вспоминает один молодой человек. Когда во время пятничной молитвы имам объявил, что мусульмане в Германии должны «приспосабливаться», Даниель начал ожесточенно спорить и нападать на него.

Радикальное поведение на семейном празднике //

В кругу семьи, где Даниель бывал теперь редко, он проявлял себя радикальнее, чем когда-либо раньше. На одном из праздников он ввязался в спор с дядей, который, как и большинство родственников, был католиком и ходил в церковь. Позже, на процессе, Даниель скажет, что все происходило по-другому, что цитаты вырваны из контекста. Но вот как это выглядело в воспоминаниях одного из родственников. «Все должно быть исламизировано», — заявил Даниель дяде. Тот ответил: «Я не хочу становиться мусульманином. Я христианин, и меня это устраивает». Даниель настаивал, что каждый должен принять ислам: «Всех неверных нужно убить». «Тогда ты и меня убьешь?» — спросил дядя. «Да», — ответил Даниель.

К этому моменту он уже в течение нескольких месяцев поддерживал связь со своими сообщниками. Все они покинули учебный лагерь в Пакистане, получив задание совершить теракт в Германии. Приближался сентябрь 2007 года. Вожди «Союза исламского джихада» настойчиво требовали «сдать экзамен». Приближалась годовщина 11 сентября 2001 года, и члены группировки надеялись, что теракт, совершенный в этот день, привлечет к ним внимание мировой общественности.

За несколько недель до запланированного теракта Даниель вновь поступил в школу: это была вечерняя гимназия в Саарбрюккене. Его родители были очень рады, и мать подарила ему ноутбук.

Проявляя редкое единодушие, отец и мать призывали сына сдать экзамены на аттестат зрелости. Они не подозревали, что посещение школы было всего лишь прикрытием для его планов.

В течение двух недель Даниель играл роль ученика. По понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам с 17:15 до 21:35 он посещал уроки по основным и факультативным предметам по программе двенадцатого класса. В классе он ничем не выделялся. «Он был тихий. Никто ничего о нем не знал», — говорит один из руководителей школы, которому до сих пор неприятно вспоминать историю с Даниелем. В школу молодой человек часто приходил в свитере с капюшоном. Порой он не снимал капюшона и на занятиях — пока учитель не сделал ему замечание. Даниель снял капюшон. Видимо, он хотел нащупать границы дозволенного. Держался он замкнуто, не желая привлекать к себе внимания.

Молодая женщина, сидевшая с ним за одной партой, вспоминает: «Он был совершенно неприметным. Я спросила его, почему он учится в вечерней гимназии. Он сказал, что был за границей, и больше ничего». Ей только бросилось в глаза, что он не хотел иметь дела ни с ней, ни с другими одноклассниками, не интересовался ими, как другие ребята. А потом он вдруг перестал ходить на занятия, и она не знала почему. Он был «странным». «Но в школе много странных ребят».

К дедушке и бабушке он заходил раз в две недели; во время этих визитов к нему присоединялся отец. Встречаться в их старой совместной квартире отец больше не хотел. Они слишком по-разному смотрели на вещи. Последняя встреча перед запланированным терактом прошла как всегда, без особого прощания. Все просто сказали: «До встречи через две недели» — и каждый пошел своей дорогой. Даниель сходил к матери и поужинал у нее. Он мало разговаривал, но подарил ей Коран с посвящением: «Эта книга утешит тебя в тяжелые времена. Нет божества кроме Аллаха».

Цель — теракт //

Даниель простился со своим соседом, учеником и другом Эриком, на которого у него были большие виды. Эрик должен был пройти подготовку в пакистанском лагере, как он сам год назад. Эрик тут же улетел в Египет и записался там на курсы арабского языка. Вслед за Эриком уехал и Хусейн, молодой человек, который был для Даниеля лучшим другом и учителем в период его обращения в ислам. Они вместе собирались отправиться затем в Пакистан. Позже лица обоих можно будет увидеть на плакатах, развешенных на вокзалах и общественных зданиях по всей Германии. Они были объявлены в розыск после того, как прошли подготовку в лагере и вернулись в Германию с целью совершить теракт.

Без лишних слов Даниель покинул свое пристанище с молельней во внутреннем дворе и двух палестинцев, которым он был как сын. Вместе со своими сообщниками он занял квартиру в Зауэрланде. Здесь они собирались без помех изготовить бомбы для теракта. Они закупили всё необходимое: за исключением детонаторов все материалы продавались свободно. Детонаторы, 26 штук, они получили от сообщника в Турции. На этой квартире они обсуждали возможные цели нападения. Полиция прослушивала их разговоры: в квартире были «жучки»; сотрудники в автомобилях со специальными передатчиками следили за их передвижениями.

В этой квартире Даниель и его сообщники нагревали на кухонной плите пероксид водорода. Путем выпаривания они хотели достичь более высокой концентрации, как их учили в Пакистане, в лагере «Союза исламского джихада». Они не подозревали, что полиция уже давно тайно подменила химикат. Заговорщики хотели заминировать автомобили, оставить их у намеченной цели и с помощью дистанционного устройства взорвать заряды. После теракта Даниель собирался отправиться в Вазиристан, где он проходил подготовку.

Но осуществить теракт им не удалось. 4 сентября 2007 года, примерно в половине третьего, Фриц собирался выйти из квартиры за покупками. Полицейские не знали точно, куда он направляется. Руководители операции, считавшие Фрица главарем, ни в коем случае не хотели терять его из виду.

Кроме того, за прошедшие месяцы было, видимо, собрано достаточно доказательств. В общей сложности материалы дела составят 500 больших папок.

Полицейские взяли квартиру штурмом. Даниель находился в ванной комнате. Он сорвал с окна москитную сетку и выпрыгнул босиком на улицу. Полицейские пустились в погоню. Даниель успел пробежать несколько сотен метров по палисадникам, перепрыгивая через заборы и кусты, прежде чем его догнал молодой полицейский. Во время стычки Даниель схватил пистолет полицейского — «ЗИГ-Зауер» с магазином на 13 патронов. Он нажал на курок, и прогремел выстрел. Суд после многочасовых допросов свидетелей квалифицировал это как покушение на убийство. Если бы теракт удалось осуществить, это стоило бы жизни многим людям.

Саид //

С любимым кузеном Саид повидался в последний раз за два месяца до теракта. Они встретились наверху, на горе, в квартире друзей. О футболе в последние полтора года можно было забыть, как и о том, чтобы вместе жарить мясо. С началом Второй интифады в сентябре 2000 года на улицах города и в головах его жителей воцарился хаос. Израильские солдаты ввели комендантский час, установили контрольно-пропускные пункты. Они перекрывали улицы и обыскивали дома. Всё больше палестинцев выражали протест и присоединялись к вооруженным группировкам, в ответ вводились всё новые израильские войска — спираль насилия продолжала раскручиваться.

Во время той встречи на склоне горы Саид курил сигарету марки LM, его кузен, как обычно, кальян. Домашние думали, что Саид не курит, и кузен не выдавал его. О большом секрете Саида — теракте — он ничего не знал. Было слышно, как по улице передвигается тяжелая военная техника израильской армии: танки «Меркава» массой свыше 60 тонн, которые при повороте иногда сносили углы зданий, и внедорожники «хамви» длиной четыре с половиной метра с установленными на крыше антеннами и орудиями.

«Тогда мы часто разговаривали о ребятах, ставших мучениками. И в ту последнюю встречу тоже», — вспоминает кузен. Он чувствовал, что Саид что-то затевает, о чем-то умалчивает. Но он не мог и подумать о теракте: Саид был самым спокойным и незаметным в семье, и с ним эта мысль никак не вязалась. Потом они лишь изредка виделись на улице. Оба были заняты своими делами. Они должны были зарабатывать на жизнь, помогать семьям. Экономика была почти полностью парализована. Товары не ввозились и не вывозились. Владельцы фабрик увольняли рабочих. Люди соглашались на любую работу, какая подвернется, всё равно на каких условиях.

Незадолго до теракта Саид поссорился с братьями, которые тоже ничего не подозревали о его планах. Он, как всегда, оставался спокойным, молча проглатывал упреки и оскорбления. За их спором следил дядя. «Ты слабак. Ты живешь только для того, чтобы молиться и работать», — якобы сказал ему один из старших братьев. Дядя очень хорошо запомнил ответ Саида, потому что обычно тот не возражал: «Ты увидишь, кем этот слабак станет и на что он способен». Никто тогда не обратил на эту фразу внимания.

Прощание без слов //

Во время другого спора один из братьев разрезал фотографии Саида. Из рассказов родственников о том, как Саид реагировал на такие провокации, возникает всегда одна и та же картина. Например, брат во время ссоры плеснул

Саиду горячим чаем в лицо. Когда мать вернулась домой, Саид лежал в постели, но ничего ей не сказал. Мать увидела обожженную кожу и отвела его в больницу. «Он боялся, что я накажу его и брата за то, что они подрались», — говорит мать. «Он предпочитал оставаться незаметным», — говорит отец. Любимому кузену Саид даже рассказал, что обжегся чаем по неосторожности.

За пару дней до теракта Саид готовил кнафе на семейной встрече. «Это был веселый день», — вспоминает его тетя. Саид ушел рано, потому что хотел еще зайти в мечеть; теперь он проводил там много времени. Совместному обеду с кнафе никто не придавал большого значения, но для Саида это было прощание. «Никто не знал, что он собирается на операцию», — говорит его бабушка.

Саид тогда еще пошутил с ней. Он встал в паре метров от нее и позвонил со своего мобильного телефона на ее номер. Бабушка должна была снять трубку. Смеясь, она сделала это. «Я только хотел попрощаться», — сказал он. «Зачем, я же никуда не ухожу», — ответила бабушка. «Возможно, я уйду далеко, чтобы хорошенько поразвлечься». «Нет, я хочу, чтобы ты остался», — сказала бабушка. Она не знала, что он говорил о рае.

В эти последние дни он заглянул к одной из своих теток. «Я удивилась его приходу», — рассказывает она. Она пригласила его за стол и угостила долмой — блюдом из виноградных листьев, фаршированных рисом и фаршем. «Ты впервые пришел ко мне в гости — ты должен что-нибудь съесть», — сказала она. Один из ее детей присоединился к ним и заинтересовался часами Саида; они были цифровые, с будильником. Он подарил их мальчику. Потом поискал по карманам деньги и раздал их остальным кузенам. «Но тебе же самому нужны деньги», — сказала тетя Саиду. «Нет, мне они больше не нужны, — якобы ответил он. — Поздравь меня: я нашел работу в Израиле. Хорошее место в ресторане».

Визит Саида и обрадовал тетю, и беспокоил ее. Его поведение и рассказы о предложении работы в Израиле настроили ее скептически. В Израиль Саид не имел права даже въехать на законных основаниях. А во время Второй интифады вряд ли кто из израильтян взял бы на работу молодого палестинца. Тетя поговорила об этом с другими членами семьи. Они ее успокоили: «Саид — тихий мальчик. У него есть его работа и его мечеть». Дома Саид сказал только, что хочет поискать работу в Израиле, но никто не воспринял этого всерьез. Саид даже позвонил родственникам в Иорданию. Впервые. Там обрадовались звонку из Наблуса, но удивились, что звонит именно Саид.

О рабочем месте в Израиле он рассказал и Рами. С началом интифады он начал больше общаться с лучшим другом детства. Однажды Саид помогал Рами ремонтировать дом его родителей. Зазвонил мобильный Саида. «Он был очень счастлив», — вспоминает Рами. «Что случилось?» — спросил он Саида. «Я нашел работу на полный день в Израиле». «Я поеду с тобой», — сказал Рами. «Им нужен только один человек. Эта работа только для меня», — ответил Саид.

Саид всегда помогал матери по дому, но накануне теракта он сделал больше обычного. Он взял у соседней пылесос, а покрывала с дивана и кресел даже отнес к дяде, чтобы постирать в стиральной машине (обычно они стирали руками). Когда мать Саида вернулась домой и увидела убранную квартиру, она спросила сына, почему он это сделал. «Завтра у тебя будет много гостей, они поздравят тебя с этой новой квартирой». Что означал этот ответ, она не поняла. Саид в

последнее время вел себя всё более странно. Постепенно и мать начала беспокоиться.

На следующее утро, в день теракта, отец попытался добиться от него ответа — по телефону. Из Рамаллы, где он работал, отец сможет приехать домой лишь на выходные. Он был очень сердит: всего пару дней назад Саид на целый день исчез из дома. Никто не знал, где он был. Разговор прекратил Саид, просто положив трубку. Когда отец перезвонил, он уже ушел из дома, и трубку сняла мать. Ей сын сказал на прощание: «Я иду работать». На улице он встретил сестру. Она была последним членом семьи, кто видел его живым. «Ты меня любишь?» — спросил Саид. «Кто же ненавидит своих братьев?» — ответила сестра. «Тогда молись, чтобы у меня получилось то, что я задумал», — сказал Саид.

Работа и Иерусалиме //

Мать Саида расспросила соседей и позвонила родным — Саида никто не видел. Она сходила в мечеть, где он обычно молился, но там его не видели целый день, что было странно. Во время поисков она встретила Мазена, молодого человека, который жил через пару домов. Саид проводил много времени у этого активного члена «Бригад мучеников Аль-Аксы», мать знала об этом от друзей, и это беспокоило ее. Мазен сказал, что молился вместе с Саидом после обеда, но потом его больше не видел. Он в течение многих недель готовил семнадцатилетнего юношу к теракту, он определил цель и нашел водителя, который должен был отвезти Саида на место. Обо всем этом он, конечно, не сказал матери ни слова.

В это время Саид уже был на пути в Иерусалим. На нем был закреплен тяжелый пояс, начиненный взрывчаткой. Мазену уже доводилось изготавливать бомбы из лома электроприборов и взрывчатых веществ, но в случае с терактом, который предстояло совершить Саиду, дело обстояло сложнее: подрывные заряды должны были выдержать много часов тряски и не сработать. Пояса, подобные тому, какой был на Саиде, изготавливаются в подземных мастерских специалистами «Бригад мучеников Аль-Аксы».

Окольными путями водитель провез Саида через территорию Западного берега реки Иордан в Иерусалим, мимо израильских контрольно-пропускных пунктов. Они ехали в автомобиле не с зеленым, палестинским, номерным знаком, а с желтым, израильским. Прибыв в Иерусалим, Саид позвонил Мазену и, по всей видимости, также Найефу Абу Шарху, одному из лидеров «Бригад мучеников Аль-Аксы». «Включи новости через две минуты, ты будешь гордиться мной», — якобы сказал он обоим. В начале восьмого Саид вышел из машины во Френч Хилл, одном из районов Иерусалима. Его водитель остановился на перекрестке, где обычно собираются молодые люди, желающие уехать из Иерусалима автостопом. В те дни весь город патрулировался солдатами и полицейскими, в том числе и эта оживленная развязка. Саид хотел избежать встречи с ними. Он побежал к расположенной в двухстах метрах автобусной остановке. Послышались крики, выстрелы, некоторые свидетели позже рассказывали, что Саид тоже стрелял из пистолета.

Он подорвал взрывное устройство на своем теле. Даже на расстоянии сотен метров был виден взрыв, слышен грохот и ощущалась взрывная волна, которая выбила окна на большой окружающей территории. Гвозди и мелкие

металлические части разлетелись как пули. Те, кто во время взрыва стоял близко к Саиду, если и успели что-то увидеть, то только пламя. Взрыв и осколки ранили около сорока человек; некоторые получили тяжелые ранения. Кроме Саида погибли еще семь человек в возрасте от пяти до шестидесяти лет. Среди тех, кто в этот день простился с жизнью, был и молодой израильтянин семнадцати лет; ему было столько же, сколько Саиду.

8

Последствия Даниель в тюрьме Саид на плакатах

Даниель //

Верховный суд в Дюссельдорфе, столице федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия, приговорил Даниеля к лишению свободы сроком на двенадцать лет. Другие обвиняемые получили двенадцать, одиннадцать и пять лет. Даниель обвинялся в целом ряде преступлений: покушении на убийство и оказании сопротивления сотруднику при исполнении, членстве в террористической группировке за границей, сговоре с целью убийства и осуществления взрыва, а также в «принуждении конституционных органов» и подготовке взрыва. После того как Даниель отсидит положенный срок, он должен будет выплатить судебные издержки. В судебных кругах говорят, что на его долю пришлось от трехсот до пятисот тысяч евро.

Во время процесса Даниель часто делал записи. Со своими двумя адвокатами он разговаривал через вентиляционные отверстия в толстом стекле, отделявшем его от зала заседаний. Одного из адвокатов, Йоханнеса Пауша, он часто во время процесса подзывал к себе, а также постоянно встречался с ним в тюрьме. Вероятно, Даниель нашел в нем то, чего давно был лишен, — кого-то, кому он мог доверять как отцу. В зале суда они в знак приветствия прижимали ладони к стеклу, подбадривали друг друга, дискутировали. Может быть, Даниель вспомнил, что когда-то хотел стать адвокатом.

Позади него и рядом с ним сидели охранники. Приговор Даниель слушал безучастно. Он смотрел на судью, склонив голову, которую подпирает правым кулаком, упираясь в щеку большим пальцем. Когда судья начал говорить конкретно о нем и трех других обвиняемых, он принялся тереть бороду; белую шапочку для молитвы ему пришлось снять в зале суда. «Данный процесс показал с ужасающей ясностью, на что способны озлобленные и ослепленные молодые люди, увлеченные превратно понятыми идеями джихада», — сказал судья.

В тюрьме Даниель много читает об исламе. Он составляет список книг, которые ему хотелось бы прочесть, и эксперт по исламу решает, какие из них не являются радикальными. Только такие книги разрешают ему читать. На процессе со всей определенностью проявилось его отношение к религии: он продолжал уповать на Аллаха. Он заявил, что его арестовали потому, что так хотел Бог. И до теракта дело не дошло только потому, что так хотел Аллах. От своих радикальных взглядов он дистанцировался.

Даниель собирается сдать в тюрьме экзамен на аттестат зрелости, а позже, может быть, поступить в университет. Он думает, что после освобождения мог бы

работать переводчиком в арабоязычных странах. Они хорошо зарабатывают. Очевидно, никто его не просветил, насколько это нереалистично ввиду его биографии и как много нужно работать, чтобы достичь столь честолюбивой цели. Этот план немного напоминает его прежний проект — о жизни в бразильских джунглях по примеру Рюдигера Неберга. Его прежние друзья узнают о его планах только из СМИ. Ни с кем из них он больше не общается. Он сам так решил. Почти вся его хип-хоповская тусовка готова общаться с ним, переписываться. «Я по-прежнему считаю его другом; он просто сбился с пути», — говорит один из прежних приятелей. Это он отвезил Даниеля в аэропорт, когда тот хотел оставить прежнюю жизнь и вместе с Нидалем и Махмудом поселиться в бразильских джунглях.

Всем навредил //

Подруга юности Даниеля, которая много лет спустя увидела его фотографию в газете «Бильд», встречаться с ним не хочет: «Сегодня мы бы не поняли друг друга». «Ему не повезло: он сошелся не с теми людьми», — говорит один из баскетболистов, который много лет уважал Даниеля как заядлого спортсмена. Он вспоминает, что Даниель всегда искал признания, искал сильную группу, плывущую против течения, и потому сошелся с Нидалем. «Если бы он познакомился с людьми из Гринписа, он бы сейчас врывался в лаборатории, где проводятся опыты, и освобождал животных», — считает его товарищ по команде. Знакомый семьи, следивший за развитием Даниеля, не был удивлен, услышав о его аресте: «От Даниеля можно было ожидать, что он примкнет к какой-нибудь радикальной группировке. Но не к правым экстремистам — для этого он был слишком умен».

Большинство друзей из его хип-хоповской тусовки по-прежнему живет в Сааре. Как и его одноклассники по гимназии, они выбрали очень разные пути. «До сих пор вы должны были ходить в школу, теперь вы можете идти, куда сами решите», — сказал бургомистр на выпускном вечере в классе Даниеля. Кто-то съездил на пару месяцев в США или в Норвегию. После прохождения альтернативной гражданской службы, действительной службы в армии или добровольной социальной службы они поступили в вузы и техникумы (как это обычно и происходит). Один из гимназических учителей, который высоко ценил Даниеля, упрекает себя: «Я спрашивал себя, что я сделал не так». Он тоже видел, что у Даниеля не все ладно, что тот отдаляется от других: «Он скатывался в терроризм у всех на глазах, но никто этого не видел».

Нидаль, который увлек его на путь насилия и наркомании, падал все ниже. Во время процесса над Даниелем в Верховном суде федеральной земли он жил в одном из социальных учреждений Саара. Речь идет о приемнике для бездомных, наркозависимых и других людей, попавших в сложную ситуацию. После Бразилии Нидаль больше уже не смог найти друзей, похожих на Даниеля, которые следовали бы за ним, восхищаясь и не критикуя, смотрели бы на него снизу вверх и беспрекословно слушались бы его. Нидаль занимал комнату в доме, где была столовая и действовал пропускной режим. Социальные работники заботились о нем и о прочих, оказавшихся там. Правда, наркотиков он больше не употреблял.

Нидаль носит бороду. На нем черная шапочка для молитвы и длинные одежды. Когда его спрашивают о том времени, когда он был с Даниелем, он не отвечает. «Для него эта тема закрыта», — говорит один из тех, с кем он еще

общается. Спустя некоторое время Нидадь покинет социальное учреждение. С тех пор он живет в обветшалом многоквартирном доме. Один из его соседей нарисовал рядом с кнопкой своего звонка израильский флаг и звезду Давида. Несомненно, для Нидаля это провокация.

Некоторые факты говорят о том, что он, как и Даниель, хотел принять участие в джихаде. На одном из сайтов в Интернете он называет себя «исламским террористом», «супергероем гетто». Люди, которые давно его знают, говорят, что он всерьез так думает. В качестве места жительства Нидадь указывает не тот муниципальный дом, где он проживает, а «рай, иншалла». *Иншалла* означает «если на то будет воля Божья». Нидадь не получил никакого профессионального образования, нигде подолгу не работал, в графе «профессия» пишет: «слуга Бога».

В мечети в Нойнкирхене после ареста Даниеля обращают больше внимания на то, кто приходит на молитву и какие у кого взгляды. Известно, что люди, подобные Даниелю, уничтожают доверие людей к мусульманам. Глава общины вспоминает, как после публикаций в прессе о Даниеле в мечеть пришла школьная экскурсия. Один мальчик лет двенадцати поднял руку и спросил: «А где помещение для боевой подготовки?» Такой вопрос главе общины задали впервые. Но ход мысли был ему ясен. Он ответил мальчику так же, как отвечал многим взрослым после ареста Даниеля: «Есть немцы, которые поджигают дома иностранцев. Но разве все немцы такие? Из-за одного плохого человека нельзя думать плохо обо всех».

С предрассудками вынужден бороться не только глава мусульманской общины. Продавщице, которая на общественных началах представляет интересы иностранцев, после ареста Даниеля пришлось выслушать много чего. «Гляди, вон террористка идет!» — шутили ее коллеги-немусульмане. Но ей было не до шуток.

Махмуд, который летал с Даниелем и Нидалем в Бразилию, живет в полчасе езды от Саарбрюккена в многоэтажке на сорок квартир. На двери нет таблички с его именем: взрослый мужчина живет с родителями. Говорить о старых друзьях он не хочет. В отличие от Нидаля религиозным он не стал. «Привет, старик, чего тебе?» — спрашивает он на саарском диалекте. «Нидадь меня не интересует». На остальные вопросы отвечает отговоркой: «Сам не знаю, старик».

Эрик, молодой человек, деливший с Даниелем квартиру, исчез, как уже говорилось, еще до ареста последнего. Его фотографию вместе с фотографией Хусейна можно было видеть на плакатах о розыске, расклеенных по всей Германии. Они вместе уехали на Средний Восток. Позже Эрик прислал видео из Афганистана. Он явно говорит по чужому тексту: слишком много длинных предложений, слишком много слов. Предложения такие сложные, что он часто запинается; слышно, как он переворачивает листки бумаги, по которым читает. В конце фильма мы видим его на берегу реки: под ногами каменистая почва, на заднем плане горы. Эрик стреляет из автомата Калашникова, и пока звучат выстрелы, рядом с ним некто закутанный поднимает руку к небу и раскачивается пятки на носок. В 2010 году Эрика застрелят пакистанские солдаты.

Пожилой родственник Даниеля, священник, крестивший его, — единственный из членов семьи, кто согласился поговорить о нем. Все остальные молчат — не отвечают на запросы, направленные им при подготовке этой книги. Священник не порицает Даниеля за переход из христианства в ислам. «Я могу понять этот

поступок: ислам означает жертвенное служение. Даниель хотел служить — к сожалению, слишком радикально».

Саид //

Десятки мужчин и подростков собрались у одноэтажного здания в Старом городе. У некоторых в руках автоматы Калашникова и винтовки М-16. В здании есть большое помещение для собраний, которое можно снять для различных торжеств. «Бригады мучеников Аль-Аксы» пригласили своих членов на мероприятие в честь Саида. На плакате, висящем на стене перед зданием, он назван «героическим мучеником». С речью выступает шейх, чьи проповеди Саид часто слышал в мечети. «Поздравляю вас, семья Саида, которые подарили миру героя Саида».

Шейх с густой белой бородой говорит в микрофон. Он стоит перед входом в здание, оглядывая собравшихся молодых мужчин: «Мы все — Саиды». Некоторые подростки стоят у обочины, совсем близко к членам Бригад, многие из которых закутаны в черные платки. «И каждый из нас постарается быть Саидом». Отец Саида слушает речь, сидя на пластмассовом стуле внутри здания. Недалеко от него сидит Рами. Шейх провозглашает: «Невозможно освободить родину без жертв и крови. Такова история и такова действительность. Для нас неизбежно жертвовать собой и приносить жертвы». На некоторых молодых мужчинах — черные футболки. На футболках значатся названия «батальонов» той группировки, к которой они принадлежат. Батальоны названы в честь погибших боевиков. «Наши Бригады и наши мученики победят по воле Бога», — восклицает шейх.

Отец Саида оставался в помещении для собраний три дня подряд с 11 до 16 часов. Сотни жителей Наблуса пришли поздравить его, сказать что-то о поступке Саида: «*Мабрук!*» («Поздравляем»), «*Алла йирхаму*» («Пусть Бог смилостивится над ним»), «Если Бог захочет, мы будем такими же, как Саид», «Бог да увеличит твою награду!» Отец отвечал: «Бог да увидит твои старания». Родные Саида раздавали пришедшим финики и стаканчики с чаем и кофе. На мероприятие в зал для собраний пришли только мужчины. Женщины посетили мать Саида в квартире у родственников.

Мать получила свидетельство от Общественного женского совета и документ от Министерства по социальным вопросам, в котором говорилось, что «Саид зарегистрирован как мученик палестинской революции». Молодежное подразделение ФАТХа также прислало свидетельство. «В рай вечности отправляетесь вы, мученики Палестины. Будущее и обещание мучеников зависят от юных». На Площади мучеников и сегодня висит пожелтевший плакат с портретом Саида. Это та фотография, где он серьезно смотрит в камеру и держит в руках четки. На другом плакате в Старом городе — фотомонтаж: Саид на фоне разрушенного автобуса, ФАТХ называет его «исполнителем героической операции». О «мученике Саиде» и его теракте можно было прочитать в ежедневной палестинской газете «Аль-Кудс».

Репортаж о теракте семья увидела в вечерних новостях. За неделю до теракта Саид отдал телевизор в ремонт. Его мать и бабушка смотрели репортаж, но имя террориста не было названо. Лишь через день все узнали, что взрыв

произвел Саид. До этого ни одна группировка не брала на себя ответственности за теракт.

Учитывая большую частоту терактов в те дни, вполне возможно, что организаторы не всегда знали, когда их террористы достигали цели. Правда, Саид незадолго до теракта позвонил Мазену из «Бригад мучеников Аль-Аксы», но, очевидно, тот в первые часы не делился информацией ни с кем. На следующий день после теракта отец Саида первым в семье узнал, что его сын — террорист. Сообщил ему об этом какой-то мужчина, предположительно член «Бригад мучеников Аль-Аксы»: «Ты должен гордиться Саидом. И ты должен смириться, потому что теперь он в раю».

Один из многих //

После смерти Саида его семья получает ежемесячное государственное пособие — 60 евро. Кроме того, в городе говорят, что родным была перечислена четырехзначная сумма. Тогдашний иракский президент Саддам Хусейн обещал платить семьям палестинских мучеников. Финансовую помощь оказывают и организации, вербуемые будущих террористов. Некоторые западные наблюдатели считают деньги одним из мотивов террористов. Они полагают, что смертникам легче решиться на «операцию», если они сознают, что тем самым помогают своим семьям материально. Однако это представляется маловероятным. Именно сыновья считаются — как и в случае с Саидом — главными кормильцами семьи, а финансовая поддержка после теракта не идет ни в какое сравнение с заработком в течение всей жизни. К тому же во время Второй интифады израильтяне стали разрушать дома террористов.

Денег, которые получают семьи мучеников, едва ли может хватить на постройку нового жилья. Нельзя не учитывать и чувства людей, боль от потери ребенка. В семье Саида эйфория исчезла уже через несколько недель. Мать плачет, когда говорит о Саиде. «Все деньги мира не смогут заменить мне сына. Я вижу, как он возвращается ко мне, как он входит в эту дверь», — говорит она, указывая на входную дверь. Она считает, что «Бригады мучеников Аль-Аксы» бросили ее на произвол судьбы: «Они не проводят памятных мероприятий в годовщину его смерти, они не организуют ничего. Он был нужен только для того, чтобы провести операцию, а потом они его забыли». Но ее сын совершил теракт не из-за «каких-то людей». («Он сделал это во имя Аллаха, исключительно и только во имя Аллаха. И он сделал это от всего сердца».) «Бригады мучеников Аль-Аксы» подготовили после Саида много других террористов. На то, чтобы чтить память каждого, времени не хватало. В честь Саида, как и в честь других, они издали только маленький молитвенник, на обложке которого напечатано его имя. Содержание таких книг однотипно: в них содержатся суры и нет никаких личных данных. На задней обложке — изображение Мекки и тысяч паломников. У братьев Саида есть еще компакт-диск, на котором можно услышать его имя: диктор перечисляет имена мучеников и их дела. Наклейка на диске изображает молодого палестинца в военном жилете с оружием в руках.

Старший брат сделал на компьютере похожее изображение Саида. Он стоит на фоне палестинского флага, и в руках у него современное оружие, какого никто в Наблусе не может себе позволить. Кроме того, голова у Саида непропорционально велика по отношению к телу — слишком очевиден монтаж. Отцу такие картинки не нравятся. Он все время указывает на фотографию на

стене, где Саид изображен с четками. Вот это — его сын. Трое из братьев Саида после его смерти долгие годы провели в израильских тюрьмах. Их обвиняли в том, что они хотели после теракта присоединиться к сопротивлению, хотели сражаться. Сами они ничего об этом не рассказывают, они счастливы снова оказаться на свободе, вырваться из камеры с восемью двухъярусными кроватями. Дома их встретили громкой музыкой, сестры разбрасывали конфетти, потом мужчины и женщины праздновали отдельно друг от друга. До поздней ночи шли друзья и родные, чтобы поприветствовать их. Подобные праздники справляются в Наблусе каждые две недели.

Лучший друг Саида, Рами, тоже оказался в тюрьме. Тогда достаточно было простого знакомства с боевиками, чтобы попасть под подозрение. После того как его брат погиб как член Бригад, израильская армия, очевидно, опасалась мести. Сегодня Рами учится в университете в Наблусе, параллельно работает, чтобы заработать на учебу. Девочка, в которую был влюблен Саид, выросла, вышла замуж, у нее дети. Когда стало ясно, что именно Саид совершил теракт в иерусалимском районе Френч Хилл, его братья сделали плакат с его изображением и прошли с ним по улице. Она спросила мальчиков, что это значит, и они рассказали ей об «операции».

Мазен, подготовивший Саида к теракту, провел вечер того дня у радиоприемника. Он ждал новостей, хотел узнать, удалась ли «операция» Саида. Того могли арестовать в последний момент или застрелить при попытке к бегству. Некоторые террористы в последнюю минуту меняют свое решение, не хотят осуществлять теракт и пытаются вернуться. Саид достиг цели, и в какой-то момент Мазен услышал, что террорист, взорвавший себя в районе Френч Хилл, приехал из Наблуса. Это мог быть только Саид, потому что теракт должен был состояться именно в том месте. От радости Мазен начал палить в воздух из винтовки М-16. После теракта члены «Бригад мучеников Аль-Аксы» поздравили и его тоже. Группировка назвала Мазена «одним из самых выдающихся, самых воинственных вождей мучеников». Так значилось на плакатах после его смерти. Он погиб в апреле 2003 года в перестрелке с израильскими солдатами.

Примечания

Источники и материалы //

Цитаты взяты, если не указано иного, из интервью, проведенных автором в 2008–2010 гг. в Саарской области и на Палестинских территориях.

Рассказ иранского ветерана войны о рае, использованный в главе «Подготовка», автор книги записал в феврале 2008 г. в городке Хорремшехр на ирано-иракской границе.

Если искать информацию о Даниеле в интернет-архивах СМИ, можно часто встретить название Нойнкирхен. Якобы Даниель родом из этого города. Даниель учился в гимназии этого города, но жил в двух соседних городках. Автор не называет эти населенные пункты, чтобы гарантировать неприкосновенность частной жизни своих собеседников.

Во многих СМИ также встречаются материалы о влиянии западных спецслужб на «Союз исламского джихада». На этот счет существует множество домыслов, степень достоверности которых оценить сложно. В интернете можно легко найти широкий спектр статей на эту тему.

Интервью у матери Даниеля, использованное в главе «Путь к вере», взял журналист Михаэль Юнгман. Оно было опубликовано в «Саарбрюккерцайтунг» 15 сентября 2007 года.

Высказывания Даниеля были записаны на судебном процессе в Верховном суде федеральной земли в Дюссельдорфе, который закончился в марте 2010 года. Остальные источники, ссылки и аналитический комментарий к обеим биографиям даны в моей книге «Джихадисты. Полевые исследования террористической сцены».

Работа с Кораном и хадисами //

Коран цитируется по классическому переводу Руди Парета (Штутгарт, 2007). Имеет смысл сравнить этот перевод с другими переводами Корана. В книжных магазинах и без того большой выбор изданий Корана постоянно растет.

Изречениям и деяниям пророка, хадисам, посвящены целые тома. Не все хадисы считаются надежными, некоторые считаются спорными, поэтому сложно дать оценку отдельным местам текста. Хороший обзор данной темы предлагается в книге «Рассказы одеяниях и изречениях пророка Мухаммада», изданной Дитером Ферхлем (изд. «Reklam», Дитцинген, 1997).

Арабский язык, перевод и правописание //

Передать арабские слова латинскими буквами — задача сложная. Ряд звуков просто не существует в немецком языке. Поэтому написание арабских слов в книге максимально приближено к произношению. Если определенное написание слова уже закрепилось в СМИ, то автор придерживается всем известной транскрипции, даже если она отклоняется от произношения. Это облегчит читателю поиск литературы или информации в сети об этих понятиях. То же самое правило действует и для перевода.

Благодарности

Бритта Циолковски помогала мне во всем, что касалось ислама, выполнила переводы с арабского и персидского языков и сопровождала меня в поездке по Палестинским территориям, Египту и Ирану. На Палестинских территориях для меня также переводила Хадель Аль-Хаддаде. Ибрагим Джамал помог мне разобраться в особенностях палестинского диалекта.

Молодой человек в Наблусе, имя которого должно остаться в тайне, помог установить контакт и взять интервью у лиц, с которыми без его помощи мне бы не удалось встретиться, — у бывших членов «Бригад мучеников Аль-Аксы». Мальчик из Дженина сопровождал меня во время похорон мученика и о многом мне рассказал.

Любезный сотрудник наблусского телевидения помогал записывать видеоматериал.

На родине Даниеля, в Саарской области, его друзья прошлых лет часами отвечали на мои вопросы. Моя информантка как никто другой знала, каким образом можно выйти на нужных людей. Мой респондент из региона Северный Рейн-Вестфалия, бывший исламист, оказал мне доверие и помог при создании воображаемого диалога обращения в ислам.

За судебным процессом в Верховном суде в Дюссельдорфе вместе со мной наблюдали всегда готовые ответить на мои вопросы Хольгер Шмидт из «АРД» и наблюдатель, имя которого должно остаться неназванным.

Мой коллега журналист Михаэль Юнгман оказал мне помощь в начале расследования.

Д-р Юдит Тиннес в поисках информации о джихадистах в Интернете нашла такие данные, до которых я бы никогда не добрался без ее помощи. Проф. д-р Хайо Функе и д-р Штеффен Хагеман познакомили меня с основами жанра биографии. Фонд поддержки образования немецкого народа финансировал проект. Вопросы, которые я собирался прояснить в моем исследовании, мне помогли сформулировать религиовед проф. д-р Моника Вольраб-Зар из Лейпцига, специалист по психологии развития проф. д-р Рольф Ортер, психоаналитик д-р Вольфганг Шмидбауер из Мюнхена, эксперт по терроризму проф. д-р Петер Вальдман из Аугсбурга.

Моему агенту Энне Глинке, которая курировала книгу от зарождения идеи до публикации, и редактору д-ру Фридберту Штону я также выражаю особую благодарность. Без этих двух людей мне бы не хватило выдержки и терпения. Габриэла Рот проверила мой текст с точки зрения психологической достоверности и обогатила его новыми идеями. Психологи и психоаналитики группы Сюзан Шарвис высказали ценные замечания. Глава о хип-хоповском периоде в жизни Даниеля стала лучше благодаря комментариям музыканта и автора Яна «Янека» Каге и исследователя хип-хопа д-ра Мальте Фридриха. Специалисты по исламу Флориан Кнапе и Надин Крайтмейр проверили книгу на наличие фактических неточностей. Томас Клоц еженедельно вычитывал текст и давал ценные рекомендации. Карин Хиршфельд нашла ошибки, которые я допустил при правке текста. Маттиас Зимнахер как всегда много внимания уделил деталям.

Всем огромное спасибо!

Примечания

1

Издательство исключило из книги список дополнительных источников в связи с тем, что они недоступны на русском языке. Но издательство может предоставить этот список по запросу (books@kompasgid.ru).

[\(обратно\)](#)

2

«Номер о сексе. Думаешь, тебе всё об этом известно? Проверь себя!!! Стр. 92» *(англ.)*. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

[\(обратно\)](#)

3

Компания, тусовка, шайка *(англ. разг.)*.

[\(обратно\)](#)

4

Репутация *(англ.)*.

[\(обратно\)](#)

5

Шайка, банда (*англ.*).
([обратно](#))

6

«Мешковатые» брюки с низкой посадкой на бедрах (*англ.*).
([обратно](#))

7

«Что бы сделал Иисус?», «Что бы сделал Джордан?» (*англ.*).
([обратно](#))

8

Ассоциация потребителей конопли (*англ.*). Самое известное значение аббревиатуры CI A (Central Intelligence Agency) — ЦРУ (Центральное разведывательное управление).
([обратно](#))

9

Дай пять (*англ.*).
([обратно](#))

10

СДПГ — социал-демократическая партия Германии.
([обратно](#))

11

Привет, браток! Как оно, браток? Ага, браток (*англ., нем.*).
([обратно](#))

12

Владение мячом (*англ.*).
([обратно](#))

13

Настоящее; ненастоящее, фальшивое (*англ.*).
([обратно](#))

14

Дерьмо (*англ.*).
([обратно](#))

15

Мертвые президенты (*англ.*).
([обратно](#))

16

Вау, ночь в тюрьме (*англ., искаж.*).

[\(обратно\)](#)

17

Здесь и далее Коран цитируется в переводе Магомед-Нури Османова.

[\(обратно\)](#)

18

Германия *(англ.)*. Откуда вы? *(англ.)*

[\(обратно\)](#)

19

Мой дядя живет недалеко от Бонна, в Гамбурге *(англ.)*.

[\(обратно\)](#)

20

Что вы делаете в Иране? *(англ.)*

[\(обратно\)](#)

21

Учусь *(англ.)*.

[\(обратно\)](#)

22

Навещаю друзей *(англ.)*.

[\(обратно\)](#)

23

Путешествую *(англ.)*.

[\(обратно\)](#)

24

Что лучше — Германия или Иран? *(англ.)*

[\(обратно\)](#)

25

Теракт *(англ.)*.

[\(обратно\)](#)